

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

АНТИЧНОСТЬ-СРЕДНИЕ ВЕКА-НОВОЕ ВРЕМЯ

Учебно-методические рекомендации

Учебно-методические рекомендации включают тексты первоисточников по курсу истории философии, начиная с периода античности и до немецкой классической философии включительно. В их состав включены вопросы и задания для работы с представленными текстами.

Учебно-методические рекомендации предназначены для студентов естественно-географического факультета очного и заочного отделений и являются составной частью учебно-методического комплекта.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебно-методические рекомендации по истории философии представляют собой вторую часть учебно-методического комплекта по философии, предназначенного для студентов очного и заочного отделения естественно-географического факультета ПГУ. Первая часть комплекта – это учебно-методические рекомендации по курсу «Философия», вышедшие в издательстве Поморского университета в 2006 году.

Данный курс имеет своей целью дать цельное представление об историко-философском процессе, становлении философских школ и направлений, генезисе основных философских проблем. Курс ориентирован на формирование историко-культурного кругозора студентов, определяющего базовые мировоззренческие представления о месте человека в мире, его отношении к себе и другим людям, к миру в целом.

Учебно-методические рекомендации включают тексты первоисточников по курсу истории философии, начиная с периода античности и до немецкой классической философии включительно. В их состав включены вопросы и задания для работы с представленными текстами. Вопросы имеют своей целью не только проверить степень понимания студентами текстов, но и содействовать формированию и развитию их умений сравнительного анализа и способности четко выделять основную мысль философского текста. Подобные задания позволяют студенту осуществить переход от получения готового знания к их самостоятельному добыванию.

Изучение философии – это школа, позволяющая воспитывать культуру мышления. Она дает умение свободно оперировать понятиями, выдвигать, обосновывать, подвергать критике те или иные суждения, отделять существенное от второстепенного, раскрывать взаимосвязи между разнообразными явлениями действительности, видеть изменение и развитие реальности. В результате образования у человека изменяется способ видения действительности. Субъект образования – это человек, постоянно интерпретирующий, расшифровывающий глубинные смыслы, стоящие за очевидным, раскрывающий уровни значений, которые стоят за значениями реальными. Поэтому автор ставит целью учебно-методических рекомендаций оказание посильной помощи этому процессу.

Тексты и задания, предложенные в учебно-методических рекомендациях, необходимо использовать при проведении практических занятий в первом полугодии изучения курса «Философия». Программа и темы занятий изложены автором в учебно-методических рекомендациях, о которых упоминалось выше. Учебно-методические рекомендации будут необходимы студентам заочной формы обучения при выполнении ими самостоятельной работы в межсессионный период и при написании контрольных работ.

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФИЯ ДОСОКРАТИКОВ

Фалес (ок. 624 – 547 гг. до н. э.) считается основателем первой философской школы Древней Греции. Поскольку он, а также его ученики жили в ионийском городе Милете, эта философская школа называется Милетской. Фалес известен не только как философ, но и как политический деятель, ученый. В 585 г. до н. э. он предсказал солнечное затмение и прославился этим на всю Грецию. В античности Фалес считался одним из «семи мудрецов». Оригиналы работ философа до нас не дошли. О его взглядах мы узнаем из работ более поздних античных авторов.

Плутарх. По всей вероятности, в те времена [во времена Солона] мудрость одного только Фалеса вышла за границы практических нужд и пошла дальше них в умозрении, а остальные снискали имя «мудрецов» за свою политическую доблесть.

Аристотель. Из сказанного ясно, что мудрость есть знание и интуиция наиболее ценных по своей природе вещей. Поэтому Анаксагора, Фалеса и им подобных называют мудрыми, но не умными, видя, что они игнорируют собственную выгоду, и говорят, что они знают нечто исключительное, изумительное, трудное и божественное, но бесполезное, ибо они ищут не человеческих благ.

Диоген Лаэртский. После государственных дел он предался изучению природы. И согласно некоторым, не оставил ни одного сочинения... а согласно другим, написал только два: «О солнцевороте» и «О равенстве», прочее сочтя непостижимым. По мнению некоторых, он первым занялся астрономией и предсказал солнечные затмения и солнцевороты.

По словам некоторых, он также первым сказал, что души бессмертны; *Аристотель* и *Гиптий* говорят, что он наделял душой даже неодушевленное, заключая [о всеобщей одушевленности] по магнесийскому камню [магниту] и янтарию.

Началом всех вещей он полагал воду, а космос – одушевленным [живым] и полным божественных сил. Еще говорят, что он открыл времена года и разделил год на триста шестьдесят пять дней. Наставников у него не было, за исключением жрецов, с которыми он общался во время путешествия в Египет.

Ипполит. Сообщают, что Фалес Милетский, один из семи мудрецов, первым принял за философию природы. Он говорил, что начало и конец Вселенной – вода. Ибо все образуется из воды путем ее затвердевания [замерзания], а также испарения. Все плавает по воде, от чего происходят землетрясения, вихри и движения звезд. И все произрастает и течет в ладном согласии с природой предка-родоначальника, от которого все произошло. Богом он считал вот что: «То, у чего нет ни начала, ни конца».

Аристотель. Большинство первых философов полагали начала, относящиеся к разряду материи, единственными началами всех вещей: из чего все сущие [вещи] состоят, из чего, как из первого, они возникают и во что, как в последнее, они уничтожаются. Это они полагают элементом и это – началом сущих [вещей]. Однако количество и вид такого начала не все определяют одинаково. Так, Фалес, родоначальник такого рода философии, считает [материальное начало] водой (поэтому он и утверждал, что земля – на воде). Вероятно, он вывел это воззрение из наблюдения, что пища всех [существ] влажная и что тепло как таковое рождается из воды и живет за счет нее, а «то, из чего [все] возникает», – это, [по определению], и есть начало всех [вещей]. Вот почему он принял это воззрение, а также потому, что сперма всех [живых существ] имеет влажную природу, а начало и причина роста содержащих влагу [существ] – вода.¹

Цицерон. Фалес Милетский, который первым исследовал подобные [теологические] вопросы, считал воду началом всех вещей, а бога – тем умом, который все создал из воды.

Аристотель. Некоторые говорят, что душа размешана во Вселенной. Вероятно, исходя из этого воззрения, Фалес полагал, что все полно богов.

Фалесу приписывают следующие изречения:

Древнее всего сущего – бог, ибо он не рожден.

Прекраснее всего – мир, ибо он сотворение бога.

Больше всего – пространство, ибо оно объемлет все.

Быстрее всего – ум, ибо он обегает все.

Сильнее всего – неизбежность, ибо она властвует всем.

Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все.²

Анаксимандр (ок. 610 – 546 гг. до н. э.) – ученик и последователь Фалеса. Известно, что Анаксимандр был разносторонним ученым, имел научные труды, в числе которых – трактат «О природе», посвященный натурфилософским вопросам. Из этого сочинения философа до нас дошел

¹ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1. – М., 1989. – С. 101, 107, 109, 114.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Кн. 1. – М., 1979. – С. 74.

только один фрагмент. О взглядах Анаксимандра свидетельствуют Диоген Лаэртский (III в.), Симпликий (IV в.) и другие философы древности.

Диоген Лаэртский. Анаксимандр, сын Праксиада, Милетец. Он утверждал, что начало и элемент – бесконечное, не определяя [это бесконечное] как «воздух», «воду» или какой-нибудь другой определенный [элемент]; что части изменяются, а Целое [универсум] неизменно.

Симпликий. Из полагающих одно движущееся и бесконечное [начало] Анаксимандр, преемник и ученик Фалеса, началом и элементом сущих [вещей] полагал, первым введя это имя начала. Этим [началом] он считает не воду и не какой-нибудь другой из так называемых элементов, но некую иную бесконечную природу, из которой рождаются небосводы [миры] и находящиеся в них космосы. Ясно, что, подметив взаимопревращение четырех элементов, он не счел ни один из них достойным того, чтобы принять его за субстрат [остальных], но [признал субстратом] нечто иное, отличное от них. Возникновение он объясняет не инаковением [качественным превращением] первоэлемента, но выделением противоположностей вследствие вечного движения.

Аристотель. [Одни физики принимают одно первоначальное тело-субстрат и порождают из него остальные сгущением и разрежением.] А другие утверждают, что противоположности наличествуют в одном и выделяются из него, как говорит Анаксимандр.

Псевдо-Плутарх. После него [Фалеса] Анаксимандр, товарищ Фалеса, сказал, что абсолютная причина возникновения и уничтожения Вселенной – бесконечное, из которого, по его словам, выделились небосводы и вообще все бесконечные космосы. Он утверждал, что совершается гибель [миров-небосводов], а намного раньше – [их] рождение, причем испокон бесконечного века повторяется-по-кругу все одно и то же.

Симпликий. Анаксимандр, согражданин и ученик Фалеса... первым признал [первоэлемент] бесконечным, чтобы можно было воспользоваться его изобилием для [объяснения] возникновений. Как считают, он принимал бесконечные [по числу] космосы и каждый из космосов, по его мнению, [возникает].¹

Анаксимен (ок. 588 – 525 гг. до н. э.) – третий по времени представитель Милетской школы, ученик Анаксимандра. Занимался астрономией и метеорологией. Взгляды Анаксимена нам известны в оценках и свидетельствах других античных мыслителей.

¹ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1. – М., 1989. – С. 116, 117, 118, 123, 127.

Диоген Лаэртский. Анаксимен, сын Эвристрата, Милетец, был слушателем Анаксимандра (говорят, что он слушал и Парменида). Он считал началом воздух и бесконечное. Светила, по его мнению, движутся не под Землей, но вокруг Земли. *о вокруг Земли.*ческие мнения: Анаксимен, который был учеником Анаксимандра, так же, как и он, полагает, что субстратная естественная субстанция одна и бесконечна, но в отличие от него [считает ее] не неопределенной, а [конкретно-] определенной, полагая ее воздухом.

*о вокруг Земли.*ческие мнения: Анаксимен, который был учеником Анаксимандра, так же, как и он, полагает, что субстратная естественная субстанция одна и бесконечна, но в отличие от него [считает ее] не неопределенной, а [конкретно-] определенной, полагая ее воздухом.

Псевдо-Плутарх. Все вещи рождаются путем некоего сгущения и, наоборот, разрежения воздуха. Что касается движения, то оно существует испокон веку. Он [Анаксимен] говорит, что в процессе «валяния» [из] воздуха первой возникла Земля, весьма плоская, а потому вполне естественно, что она плавает по воздуху.

Инполит. Анаксимен полагал, что начало – бесконечный воздух, из которого рождается то, что есть, что было и что будет, а также боги и божественные существа, а [все] прочие [вещи] – от его потомков. Свойство воздуха таково: когда он предельно ровен [уравновешен, однородно-усреднен] то не-явлен взору, а обнаруживает себя, [когда становится] холодным, теплым, сырым и движущимся. Двигается же он всегда, ибо если бы он не двигался, то все, что изменяется, не изменялось бы. Сгущаясь и разрежаясь, [воздух] приобретает видимые различия. Так, рассеявшись до более разреженного состояния, он становится огнем; в нейтральном [букв. «среднем, промежуточном»] состоянии возвращается к [природе] воздуха; по мере сгущения из воздуха путем «валяния» образуется облако, сгустившись еще больше, [он становится] водой, еще больше – землей, а достигнув предельной плотности – камнями. Таким образом, важнейшие [принципы] возникновения – противоположности: горячее и холодное.¹

Гераклит (ок. 520 – ок. 460 гг. до н. э.). Родина философа – соседний с Милетом полис Эфес, и потому его называют Гераклитом Эфесским. Гераклит происходил из царско-жреческого рода, власть которого была свергнута в Эфесе демократией. Передав сохранившиеся за ним функции жреца своему брату, Гераклит вел уединенную и бедную жизнь. Его сочинение «О природе» отличалось сложностью и аллегоричностью изложения, за что его прозвали «Темно» прозвали «Темноизведения

¹ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. ч. 1. – М., 1989. – С. 129, 130, 134.

сохранилось около 150 фрагментов. О Гераклите свидетельствуют многие древние философы.

Диоген Лаэртский. Он был высокоумным, как никто, и всех презирал, как это явствует из его сочинения, где он говорит: «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеєм».

Диоген Лаэртский. Воззрения его в общих чертах таковы. Все состоит из огня и в огонь разлагается. Все происходит согласно судьбе, и все сущее слажено в гармонию через противоположенность. Частности его учения таковы. Огонь – первоэлемент, и все вещи – обменный эквивалент огня – возникают из него путем разрежения и сгущения. Все возникает в силу противоположности, и все течет подобно реке. Вселенная конечна, и космос один. Рождается он из огня и снова сгорает дотла через определенные периоды времени, попеременно в течение совокупной вечности, происходит же это согласно судьбе. Та из противоположностей, которая ведет к возникновению [космоса], называется войной и распрей, а та, что – к сгоранию – согласием и миром, изменение – путем вверх-вниз, по которому и возникает космос. Сгущаясь, огонь увлажняется и сплываясь, становится водой; вода, затвердевая, превращается в землю: это путь вниз. Земля, в свою очередь, снова тает [~ плавится], из нее возникает вода, а из воды – все остальное; причины почти всех [этих] явлений он возводит к испарению из моря: это путь вверх.¹

Климент Стром. Гераклит Эфесский, который признавал, с одной стороны, некий вечный космос, с другой – подверженный уничтожению, знал, что [этот последний] космос в смысле диакосмезы не отличается от того, находящегося в определенном состоянии. То, что он признавал вечным состоящий из всей субстанции особенный [= конкретный] космос, явствует из следующих его слов: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий». О том же, что он признавал его возникшим и уничтожимым, свидетельствует нижеследующее: «Обращения огня: сначала – море; а [обращения] моря – наполовину земля, наполовину престер [«дутьель»]. Смысл его слов таков: под действием управляющего всем логоса и бога огонь превращается через воздух в жидкость, как бы семя упорядоченного космоса, которое он называет морем. Из него же, в свою очередь, возникают земля, и небо, и все, что заключено между ними. А то, что [космос, по Гераклиту], вновь исчезает и подвергается экпирозе, с очевидностью явствует из следующего: «Море расточается и восполняется до той же самой меры, какая была прежде, нежели оно стало землей». То же самое он говорит и об остальных элементах.

¹ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. ч. 1. – М., 1989. – С. 177, 198-201, 217-222.

Аэций. Гераклит [учит], что вечный круговращающийся огонь [есть бог], судьба же – логос (разум), созидаящий сущее из противоположных стремлений. Гераклит объявил сущностью судьбы логос, пронизывающий субстанцию Вселенной.¹

Секст adv. math. Все свершается по этому логосу. Хотя этот логос существует вечно, недоступен он пониманию людей ни раньше, чем они услышат его, ни тогда, когда он впервые коснется их слуха.²

Диоген Лаэртский. Все возникает в силу противоположности, и все течет подобно реке.

Псевдо-Аристотель. Вероятно, природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобного создает согласие. Вероятно, именно в этом смысл изречения Гераклита Темного: «Сопряжения: целое и нецелое, сходящееся расходящееся, созвучное несозвучное, из всего – одно, из одного – все».

Ипполит. Гераклит говорит, что все делимое неделимо, рожденное нерожденно, смертное бессмертно. Слово – Эон, Отец – Сын, Бог – справедливость: «Выслушав не мою, но эту вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно», – говорит Гераклит.

Сенека. Говорит Гераклит: «В ту же самую реку дважды входим и не входим». Имя реки остается, а вода утекла.

Ипполит. [Гераклит] признает, что бессмертное смертно, а смертное бессмертно, в следующих словах: «Бессмертные смертны, смертные бессмертны, [одни] живут за счет смерти других, за счет жизни других умирают».

Климент Strom. «Большинство [людей] не мыслят [~ воспринимают] вещи такими, какими встречают их [в опыте] и, узнав, не понимают, но воображают [~ грезят]», по словам славного Гераклита.

Ипполит. О том же, что [Всеобщий Отец] зрим и не сокрыт для людей, он говорит так: «Что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю», т. е. зримое незримому.

Стобей. Изречение Гераклита: «Кто намерен говорить [= «изрекать свой логос»] с умом, те должны крепко опираться на общее для всех, как граждане полиса – на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так

¹ Антология мировой философии: в 4 т. т. 1. – М., 1969. – С. 275.

² Там же. – С. 279

далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и [все] превосходит». Разумение – величайшая добродетель, и мудрость состоит в том, чтобы говорить правду и действовать в согласии с природой, ей внимая.¹

Парменид (540 – 470 гг. до н.э.) – основатель философской школы элеатов. Из знатного и богатого рода. В отличие от своего современника Гераклита, Парменид принимал активное участие в политической жизни. Главное сочинение Парменида – философская поэма «О природе». О взглядах Парменида говорят свидетельства античных авторов. Сохранилась почти полностью и вышеназванная поэма.

Диоген Лаэртский. Философия, по его словам, двояка: одна согласно истине, другая согласно мнению. Он тоже философствует в стихах, подобно Гесиоду, Ксенофану и Эмпедоклу. Критерием [истины] он считал разум, а ощущения – недостоверными.

Александр Афрод. О Пармениде и его учении Теофраст в первой книге «О физике» говорит так: «Парменид, сын Пирета, элеец, пошел обоими путями: он и утверждает, что универсум вечен, и пытается истолковать генезис вещей. Воззрения его в обоих случаях не одинаковы. В соответствии с истиной он полагает универсум единым, невозникшим и шарообразным, а в соответствии с мнением толпы, для того чтобы истолковать генезис феноменального мира, полагает два начала: огонь и землю, одно как материю, другое как творящую причину».

Псевдо-Плутарх. Он утверждает, что, согласно истине вещей, универсум вечен и неподвижен: по его словам, он един, однороден, незыблем и нерожден. А возникновение (генезис) мнимо-сущих-согласно-ложному-субъективному-представлению, равно как и ощущения, он изгоняет из [сферы] истины. Он говорит, что если существует нечто помимо сущего [«того, что есть»], то оно не есть сущее [«то, что есть»]. Но не-сущего [«того, чего нет»] нет во всей целокупности вещей. Так он приходит к допущению, что сущее [«то, что есть»] не возникло [собств. «лишено генезиса»].

Аристотель. Парменид постулирует, что отличное от сущего [«того, что есть»] не-сущее – ничто, откуда, как он полагает, с необходимостью вытекает, что есть [только] одно – сущее [«то, что есть»] и ничего больше... Однако вынуждаемый согласовать [теорию] с опытом [собств. «феноменами»] и полагая [поэтому], что [то, что есть], – одно согласно логосу, но множественно согласно чувственному восприятию, он, с другой стороны, полагает, что причин две и начал два: горячее и холодное, т. е. огонь

¹ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. ч. 1. – М., 1989. – С. 217-222.

и земля. Из них горячее он соотносит с сущим [«тем, что есть»], а холодное – с не-сущим [«тем, чего нет»].

«О Природе».

Ныне скажу я, а ты восприми мое слово, услышав,
Что за пути изысканья единственно мыслить возможно.
Первый гласит, что «есть» и «не быть никак невозможно»:
Это – путь Убежденья (которое Истине спутник).
Путь второй – что «не есть» и «не быть должно неизбежно»
Эта тропа, говорю я тебе, совершенно неизвестна,
Ибо то, чего нет, нельзя ни познать (не удастся),
Ни изъяснить...
Ибо мыслить – то же, что быть.
Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь
Есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать.
Но отврати свою мысль от сего пути изысканья,
Да не побудит тебя на него многоопытный навык
Оком бесцельным глазеть, и слушать ухом шумящим,
И языком ощущать.
Рассуди многоспорящий довод Разумом, мной приведенный.
Один только путь остается;
«Есть» гласящий; на нем – примет очень много различных,
Что нерожденным должно оно быть и негибнущим также,
Целым, однородным, бездрожным и совершенным.
И не «было» оно, и не «будет», раз ныне все сразу «Есть», одно, сплошное.
Не сыщешь ему ты рожденья.
Как может «быть потом» то, что есть, как могло бы «быть в прошлом»?
«Было» – значит не есть, не есть, если «некогда будет».
Так угасло рожденье и без вести гибель пропала.
И неделимо оно, коль скоро всецело подобно:
Тут вот – не больше его ничуть, а там вот – не меньше,
Что исключило бы сплошность, но все наполнено сущим.
Все непрерывно тем самым: сомкнулось сущее с сущим.
Но в границах великих оков оно неподвижно,
Безначально и непрерывно: рожденье и гибель
Прочь отброшены – их отразил безошибочный довод.
То же самое – мысль и то, о чем мысль возникает,
Ибо без бытия, о котором ее изрекают,
Мысли тебе не найти.
Ибо нет и не будет другого
Сверх бытия ничего:
Судьба его приковала
Быть целокупным, недвижимым.¹

¹ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1. – М., 1989. – С. 274-280, 295-297.

Зенон Элейский (ок. 490 – ок. 430 гг. до н. э.) – ученик, а возможно, и приемный сын Парменида. О его жизни сведений немного. Известно, что философ героически погиб в борьбе с тиранией. Зенон был мастером эвристики (искусство спора). Это свое искусство он использовал, желая посрамить тех, кто смеялся над учением Парменида из-за его несоответствия здравому смыслу. Выдвинутые им доводы о невозможности движения вошли в историю философии как апории, носящие имя философа. Из сочинений Зенона сохранилось лишь несколько фрагментов. О его взглядах можно судить по свидетельствам более поздних авторов.

Филопон. Возражая тем, кто высмеивал воззрение его учителя Парменида, полагающее сущее одним, и выступая в защиту воззрения учителя, Зенон Элейский взялся доказать, что в реальности [букв. «среди сущих»] не может быть множества. Если есть множество, говорит он, то поскольку множество состоит из многих [более, чем одной] единиц [генов], то по необходимости должно быть много [более, чем одна] единиц, из которых состоит множество. Стало быть, если мы покажем, что многих единиц быть не может, то ясно, что не может быть и множества, так как множество – из единиц. Если же множества быть не может, а между тем необходимо, чтобы было либо одно, либо множество, множества же быть не может, то остается, что есть одно. Каким же образом он доказывал, что не может быть много [более чем одна] единиц? Так как допускающие множество удоставляли это на основании очевидности (существует конь, человек и любая единичная вещь, совокупность которых составляет множество), Зенон, желая софистически опровергнуть очевидность, утверждал, что, если из этих вещей состоит множество, а множество – из единиц, следовательно, эти вещи – единицы. Стало быть, если мы покажем, что они не могут быть единицами, то ясно, что то, что из них состоит, не будет множеством, коль скоро множество – из единиц. Доказывает он это так: «Сократ, говорит он, которого вы считаете единицей, образующей наряду с другими единицами множество, не только «Сократ», но также «белый», «философ», «пузатый» и «курносый». Таким образом, тот же самый человек будет одним и многим. Однако тот же самый не может быть одним и многим, следовательно, Сократ не есть одно. И точно так же все прочие вещи, из которых, по вашим словам, состоит множество. Но раз не может быть много единиц, то ясно, что не может быть и множества. Если же сущее по необходимости должно быть либо одним, либо многим, а между тем доказано, что оно не есть многое, так как нет многих единиц, то отсюда по необходимости следует, что [сущее] одно.

То же самое он доказывает [аргументом] от непрерывного. Допустим, что непрерывное – [нечто] одно. Но так как непрерывное делимо до бесконечности, то результат деления всякий раз можно будет разделить на большее число частей. А если так, то отсюда следует, что непрерывное

множественно. Следовательно, то же самое будет одним и многим, что невозможно. Поэтому оно не может быть одним. Если же ничто непрерывное не есть одно, а между тем множество по необходимости может быть только в том случае, если оно состоит из единиц, то поскольку. Следовательно, множества быть не может.

Симпликий. Так, показав сначала, что «если бы сущее [«то, что есть»] не имело величины, то его бы и не было», он добавляет: «Если же есть, то необходимо, чтобы каждое имело некоторую величину и толщину и чтобы у него одно отстояло от другого. То же самое справедливо и о превосходящем [по величине сущем], ибо и оно тоже будет иметь величину, и его, [в свою очередь], превзойдет нечто еще. Все равно, сказать ли это один раз или повторять постоянно. Ибо ни одно такое [= превосходящее] его не окажется последним [~ крайней границей] и никогда не будет так, что одно не примыкает к другому. Таким образом, если есть много [сущих], они по необходимости должны быть [одновременно] и малыми и большими; малыми – настолько, чтобы не иметь величины, большими – настолько, чтобы быть бесконечными».

Диоген Лаэртский. Зенон упраздняет движение, говоря: «То, что движется, не движется ни в том месте, где оно есть, ни в том, где его нет».¹

Аристотель. Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, кто пытается их разрешить. Первое – о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся [тело] должно дойти до половины прежде, чем до конца. Второе – так называемый «Ахиллес»: оно состоит в том, что самое медленное [существо] никогда не сможет быть настигнуто в беге самым быстрым, ибо преследующему необходимо прежде прийти в место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда должно будет на какое-то [расстояние] опережать [преследующего]. Третье состоит в том, что летящая стрела стоит неподвижно; оно вытекает из предположения, что время складывается из [отдельных] «теперь»; если это не признавать, силлогизма не получится. Четвертое [рассуждение] относится к равным предметам, движущимся по ристалищу с противоположных сторон мимо равных [неподвижных] предметов: одни [движутся] с конца ристалища, другие от середины, имея равную скорость, откуда, по его мнению, получается, что половина времени равна ее двойному количеству.²

Демокрит (ок. 460 – ок. 370 г. до н. э.), родом из Абдер, разработал атомистическую теорию. Он был учеником Левкиппа, разделить их учения весьма сложно, поскольку в доксографических источниках часто излагаются их общие воззрения. Что касается Левкиппа, то он, возможно, излагал свое

¹ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1. – М., 1989. – С. 304-305, 313-314.

² Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 3. М., 1981. – С. 199–200.

учение устно. По мнению ряда античных авторов, сочинения Левкиппа ошибочно приписывают Демокриту. Демокрит за свою долгую жизнь написал около 70 философских, естественнонаучных и математических трудов. Но его сочинения почти не сохранились. О взглядах философа свидетельствуют более поздние авторы.

Демокрит. Начала вселенной – атомы и пустота. Все же остальное существует лишь во мнении... Атомы не поддаются никакому воздействию, и они неизменны вследствие твердости... Деление материи останавливается на атомах и не идет в бесконечность.

Атомы суть всевозможные маленькие тела, не имеющие качества, пустота же – некоторое место, в котором все эти тела в течение всей вечности, носясь вверх и вниз, или сплетаются каким-нибудь образом между собой или наталкиваются друг на друга и отскакивают, расходятся и сходятся снова между собой и также соединяются, и таким образом они производят и все прочие сложные тела и наши тела и их состояния и ощущения...

Все состоит из неделимых тел, последние же бесконечны числом и бесконечно разнообразны по формам; вещи же отличаются друг от друга неделимыми, из которых они состоят, их положением и порядком...

Атомы никоим образом не имеют тех качеств, которые присущи всем вообще чувственным предметам, – за исключением формы, величины... Ведь всякое качество изменяется, атомы же вовсе не изменяются, потому что при всяком разложении сложного всегда остается нечто неразложимое далее, нечто твердое...

Бесконечно многие по числу сущности неделимые и неразличимые, не имеющие притом внутренних качеств и не подвергающиеся внешнему воздействию, носятся рассеянные в пустом пространстве. Когда же они приблизятся друг к другу или столкнутся или сплетутся, то из образовавшихся таким образом скоплений их одно окажется водой, другое огнем, третье – растением, четвертое – человеком...

Атомы, т. е. неделимые вследствие твердости тела, носятся в бесконечном пустом пространстве, в котором вовсе нет ни верха, ни низа, ни середины, ни конца, ни края... вследствие столкновения они сцепляются друг с другом, из чего возникает все то, что есть и что ощущается... Наше ощущение не в состоянии воспринять ни одной из лежащих рядом частиц вследствие их малости.

Аристотель. Наиболее методически обо всем учили Левкипп и Демокрит, а именно они приняли начало соответственно природе, какова она в действительности есть. Дело в том, что некоторые из древних полагали, будто бытие по необходимости едино и неподвижно. Ибо пустота не существует, движение же невозможно, если нет отдельно существующей пустоты, и, с другой стороны, нет многого, если нет того, что разделяет... Левкипп же полагал, что он обладает учениями, которые, будучи согласны с

чувственным восприятием, не отрицают ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни множественности сущего. Согласившись в этом с показаниями чувственных явлений, а с философами, принимавшими единое, – в том, что не может быть движения без пустоты, он говорит, что пустота – небытие и что небытие существует несколько не менее, чем бытие. Ибо сущее в собственном смысле – абсолютно полное бытие. Таковое же не едино, но таковых сущих бесконечно много по числу, и они невидимы вследствие малости своих объемов. Они носятся в пустоте, [ибо пустота существует], и, соединяясь между собой, они производят возникновение, расторгаясь же – гибель. Где случится им соприкасаться, там они действуют сами и испытывают действие от других. Ибо там налицо не единое, [а множество отдельных сущих]. Складываясь и сплетаясь, они рожают [вещи]...

Диоген Лаэртский. [Демокрит]: начало Вселенной – атомы и пустота... Миров бесчисленное множество, и они имеют начало и конец во времени. И ничто не возникает из небытия. И атомы бесчисленны по разнообразию величин и по множеству; носятся же они во Вселенной, кружась в вихре, и, таким образом рождается все сложное: огонь, вода, воздух, земля. Дело в том, что последние суть соединения некоторых атомов. Атомы же не поддаются никакому воздействию и неизменяемы вследствие твердости.

Аэций. Демокрит... [учил], что может быть атом размером с наш мир.

Диоген Лаэртский. Все совершается по необходимости, так как причиной возникновения всего является вихрь, который он называет необходимостью (ананке).

Евсевий Praep. evang. Демокрит из Абдеры... полагал, что искони в течение беспредельного времени все вообще – прошлое, настоящее и будущее – совершается в силу необходимости.

Аристотель. А именно некоторые недоумевают, есть ли [случай] или нет. Ведь ничто не возникает случайно, говорят они, но есть какая-либо определенная причина у всего того, относительно чего мы говорим, что оно возникает само собой или случайно.

Гален. «[Лишь] в общем мнении существует цвет, в мнении – сладкое, в мнении – горькое, в действительности же [существуют только] атомы и пустота». Так говорит Демокрит, полагая, что все ощущаемые качества возникают из соединения атомов, [существуя лишь] для нас, воспринимающих их, по природе же нет ничего ни белого, ни черного, ни желтого, ни красного, ни горького, ни сладкого. Дело в том, что «в общем мнении» [у него] значит то же, что «согласно с общепринятым мнением» и «для нас», [а] не по природе самих вещей; природу же самих вещей он в свою

очередь обозначает [выражением] «в действительности», сочинив термин от слова «действительное», что значит «истинное». Весь смысл самого [этого] учения должен быть таков. [Лишь] у людей признается что-либо белым, черным, сладким, горьким и всем прочим в этом роде, поистине же все есть «что» и «ничто». И это опять его собственные выражения, а именно он называл атомы «что», а пустоту – «ничто».

Секст. В «Канонах» он говорит, что есть два вида познания, из коих познание посредством логического рассуждения он называет законным и приписывает ему достоверность в суждении об истине, познание же посредством ощущений он называет темным и отрицает пригодность его для распознавания истины. К темному относятся все следующие [виды познания]: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Что же касается истинного [познания], то оно совершенно отлично от первого». Затем, отдавая предпочтение истинному [познанию] перед темным, он прибавляет: «Когда темный [род познания] уже более не в состоянии ни видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование [должно проникнуть] до более тонкого, [недоступного уже чувственному восприятию], тогда на сцену выступает истинный [род познания], так как он в мышлении обладает более тонким познавательным органом».

Теофраст. Видение, по его мнению [Демокрита], возникает от отражения. О последнем он учит оригинально. А именно, [по его учению], отражение не прямо возникает в зрачке, но воздух, лежащий между глазом и видимым [предметом], получает отпечаток, сдавливаясь видимым и видящим. Дело в том, что от всего всегда происходит некоторое истечение. Затем воздух, став плотным и приняв иной цвет, отражается во влажной [части] глаз. Плотное не принимает [отражения], влажное же пропускает [его]. Поэтому влажные глаза для зрения лучше сухих. Если бы внешняя оболочка [глаза] была возможно более тонкой и возможно более плотной, внутренние же [части глаза] – как можно более мягкими, не заключающими в себе плотного и твердого мяса, но наполненными густой и тучной жидкостью, и жилки глаз были бы прямые и сухие, [тогда лучше всего происходил бы в глазах процесс] принятия форм, подобных отпечаткам [воздуха]. Дело в том, что каждая [вещь] наиболее познает вещи, однородные с нею. Слух же он объясняет почти так же, как и прочие [философы]. А именно, попадая в пустоту, воздух совершает движение: помимо того что он одинаково входит во все тело, он особенно и наиболее [проникает] в уши, так как [здесь] он проходит через наибольшую пустоту и менее всего задерживается. Поэтому звук не ощущается в остальном теле, но только здесь, [в ушах]. Когда же [звук] возникает внутри, то [он тотчас] рассеивается вследствие быстроты [своего движения]. Ибо звук бывает, когда воздух сгущается и с силою входит [в уши]. И так, как он объясняет возникновение внешнего ощущения

осязания, точно так же [он объясняет и возникновение] внутреннего (ощущения слуха).

Теофраст. Демокрит, приписывая форму каждому вкусу, считает сладкий вкус круглым и имеющим большую величину, кислый же – имеющим большую форму, шероховатым, многоугольным и некруглым. Острый [вкус] – соответственно его названию – острый по форме [составляющих его атомов], угловатый, согнутый, узкий и некруглый. Едкий [вкус] – круглый, тонкий, угловатый и кривой. Соленый [вкус] – угловатый, большой, согнутый и равнобедренный. Горький же – круглый, гладкий, имеющий кривизну, малый по величине. Жирный же – узкий, круглый и малый.

Стобей. «Желающий быть в хорошем расположении духа не должен браться за много дел ни в своей частной жизни, ни в общественной, и, что бы ни делал, он не должен стремиться делать] свыше своих сил и своей природы. Но, даже если счастье благоприятствует и, по-видимому, возносит на большую высоту, должно предусмотрительно отстраниться и не касаться того, что сверх силы. Ибо надлежащий достаток надежнее чем избыток».

Диоген Лаэртский. [Демокрит]: Цель жизни – «хорошее расположение духа» (эвтюмия), которое не тождественно с удовольствием, как некоторые, не поняв как следует, истолковали, но такое состояние, при котором душа живет безмятежно и спокойно, не возмущаемая никаким страхом, ни боязнью демонов, ни какой-либо другой страстью.

Стобей. Самое лучшее для человека проводить жизнь в наивозможно более радостном расположении духа и в наивозможно меньшей печали. А это может быть достигнуто, если делать свои удовольствия не зависящими от преходящих вещей. «Благоразумен тот, кто не печалится о том, чего он не имеет, но радуется тому, что имеет».

«Лучшим с точки зрения добродетели будет тот, кто побуждается к ней внутренним влечением и словесным убеждением, чем тот, кто [побуждается к ней] законом и силою. Ибо тот, кого удерживает от несправедливого [поступка] закон, способен тайно грешить, а тому, кто приводится к исполнению долга силою убеждения, не свойственно ни тайно, ни явно совершать что-нибудь преступное. Поэтому-то всякий, кто поступает правильно, с разумением и с сознанием, тот вместе с тем бывает мужественным и прямолинейным».¹

¹ Демокрит в фрагментах и свидетельствах древности. – М., 1935. С. 37, 41-47, 52. Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 56-62, 65-67, 70-72, 76, 84-85, 88-90, 96, 97, 153-157.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ

1. В чем, по мнению досократиков, заключается отличие мудрого человека от умного?
2. Проведите анализ проблемы первоначала у досократиков.
3. В чем, по Фалесу, заключается сущность времени?
4. Проанализируйте космологические теории досократиков.
5. Основные характеристики Логоса у Гераклита.
6. Основные положения диалектики Гераклита
7. Проанализируйте понятие бытия у Парменида.
8. В чем сходство и различие понимания Парменидом и Гераклитом «мира истины» и «мира мнения».
9. Свидетельствуют ли апории Зенона о том, что элеаты глубже других понимали природу вещества, пространства и времени? (Ответ подтвердите примерами).
10. Явился ли античный атомизм попыткой преодоления апорий Зенона?
11. Охарактеризуйте мир атомов с точки зрения Левкиппа и Демокрита.
12. Сформулируйте концепцию атомистов о возможности существования бытия и небытия.
13. В чем заключается сущность познания по Демокриту?

ФИЛОСОФИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Протагор (ок. 480 – ок. 410 гг. до н. э.) – представитель старших софистов. Родился в городе Абдеры, в качестве «учителя мудрости» разъезжал по всей Греции, часто бывал в Афинах. Здесь в 411 г. до н. э. Протагор был обвинен в атеизме, а его книга «О богах» публично сожжена. Из других его произведений сохранились незначительные фрагменты. О его взглядах свидетельствуют более поздние авторы.

Протагор. Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют.

Секст. Протагор... мерой называет критерий, вещами же – дела (то, что делается); таким образом, он утверждает, что человек есть критерий всех дел. И вследствие этого он принимает только то, что является каждому [отдельному человеку], и таким образом вводит [принцип] относительности... [Протагор] говорит, что материя текуча и при течении ее беспрерывно происходят прибавления взамен убавлений ее и ощущения перестраиваются и изменяются в зависимости от возрастов и прочих телесных условий. Он говорит также, что причины всего того, что является, лежат в материи, так что материя, поскольку все зависит от нее самой, может быть всем, что только является всем [нам]. Люди же в различное время воспринимают по-разному, в зависимости от различий своих состояний. А именно тот, кто живет по природе, воспринимает то из заключающегося в материи, что может явиться живущим по природе, живущим же противоестественно – то, что [может являться] живущим противоестественно. И совершенно то же самое учение дается и в отношении возрастов, и относительно сна или бодрствования, и о каждом виде состояния [человека]. Итак, согласно его учению, критерием существующего является человек. Ибо все, что представляется людям, то и существует... Итак, мы видим: и [в своем учении] о текучести материи, и [в учении] о том, что причины всех явлений лежат в материи, он держится догматических взглядов.

Протагор. В самом деле, я утверждаю, что истина такова, как я ее описал; а именно [что] каждый из нас есть мера существующего и несуществующего. И действительно, бесконечно один [человек] от другого различается этим самым, так как для одного существует и является одно, для другого другое. Но я далек от того, чтобы не признавать мудрость и мудрого человека. Напротив, именно того я и называю мудрым, кто, если с кем-нибудь из нас случится кажущееся и действительное зло, сумеет превратить его в кажущееся и действительное добро. А я думаю, что [человека], имевшего в дурном (поврежденном) состоянии души соответствующие этому самому [состоянию] мнения, [то есть] дурные мнения, [вернувшееся к нему] хорошее состояние сделало имеющим иные таковые, [то есть] хорошие, мнения].

Последние представления некоторые по незнанию называют истинными, я же признаю лишь одни мнения лучшими, чем другие, но отнюдь не более истинными.

Диоген Лаэртский. [Протагор] первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу... И еще он говорил], что все истинно.

Протагор. О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать [это]: и неясность [вопроса], и краткость человеческой жизни.¹

Платон (427 – 347 гг. до н. э.) – крупнейший древнегреческий философ, основатель объективного идеализма. Родился в Афинах, в небогатой, но родовитой аристократической семье. Подлинное имя философа Аристокл; по преданию, он получил прозвище «Платон» от своего учителя Сократа (по-гречески «platus» – полный, широкоплечий). Платон оставил после себя большое рукописное наследие: 34 диалога, а также речь «Апология Сократа».

Диалектика

— Я, по крайней мере, думаю, что если изучение всех разобранных нами предметов доходит до установления их общности и родства и приводит к выводу относительно того, в каком именно отношении они друг к другу близки, то оно будет способствовать достижению поставленной нами цели, так что труд этот окажется небесполезным. В противном же случае он бесполезен.

— Мне тоже так кажется. Но ты говоришь об очень сложном деле, Сократ.

— Ты разумеешь вводную часть или что-нибудь другое? Разве мы не знаем, что все это лишь вступление к тому напеву, который надо усвоить? Ведь не считаешь же ты, что кто в этом силен, тот и искусный диалектик?

— Конечно, нет, клянусь Зевсом! Разве это очень немногие из тех, кого я встречал.

— А кто не в состоянии привести разумный довод или его воспринять, тот никогда не будет знать ничего из необходимых, по нашему мнению, знаний.

— Да, не иначе.

— Так вот, Главкон, это и есть тот самый напев, который выводит диалектика. Он умопостигаем, а между тем зрительная способность хотела бы его воспроизвести, но ведь ее попытки что-либо разглядеть обращены, как мы говорили, лишь на животных, как таковых, на звезды, как таковые, наконец на Солнце, как таковое. Когда же кто-нибудь делает попытку рассуждать, он, минуя ощущения, посредством одного лишь разума, устремляется к сущности любого предмета и не отступает, пока при помощи самого мышления не

¹ Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 316-318.

постигнет сущность блага. Так он оказывается на самой вершине умопостигаемого, подобно тому, как другой взошел на вершину зримого.

— Совершенно верно.

— Так что же? Не назовешь ли ты этот путь диалектическим?

— И дальше?

— Это будет освобождением от оков, поворотом от теней к образам и свету, подъемом из подземелья к Солнцу. Если же и тогда будет невозможно глядеть на живые существа, растения и на Солнце, все же лучше смотреть на божественные отражения в воде и на тени сущего, чем на тени образов, созданные источником света, который сам не более как тень в сравнении с Солнцем. Взятое в целом, занятие теми науками, о которых мы говорили, дает эту возможность и ведет прекраснейшее начало нашей душе ввысь, к созерцанию самого совершенного в существующем, подобно тому, как в первом случае самое отчетливое из ощущений, свойственное нашему телу, направлено на самое яркое в теловидной и зримой области.

— Я допускаю, что это так, хотя допустить это мне кажется очень трудным; с другой стороны, трудно это и не принять. Впрочем (ведь не только сейчас об этом речь, придется еще не раз к этому возвращаться), допустив, что дело обстоит так, как сейчас было сказано, давай перейдем к самому напеву и разберем его также, как мы разбирали это вступление.

— Скажи, чем отличается эта способность рассуждать, из каких видов она состоит, каковы ведущие к ней пути? Они, видимо, приводят к цели, достижение которой было бы словно отдохновением для путника и завершением его странствий.

— Милый мой Главкон, у тебя еще пока не хватит силы следовать за мной, хотя с моей стороны нет недостатка в готовности. А ведь ты увидел бы уже не образ того, о чем мы говорим, а саму истину, по крайней мере, как она мне представляется. Действительно ли так обстоит или нет — на это не стоит пока напирать. Но вот увидеть нечто подобное непременно надо — на этом следует настаивать. Не так ли?

— И что же дальше?

— Надо настаивать и на том, что только способность рассуждать может показать человеку сведущему в разобранных нами теперь науках, иначе же это никак не возможно.

— Стоит утверждать и это.

— Никто не докажет нам, будто можно сделать попытку каким-нибудь иным путем последовательно охватить все, то есть сущность любой вещи: ведь все другие способы исследования либо имеют отношение к человеческим мнениям и вожелениям, либо направлены на возникновение и сочетание того, что растет и сочетается. Что касается остальных наук, которые, как мы говорили, пытаются постичь хоть что-нибудь из бытия (речь идет о геометрии и тех науках, которые следуют за ней), то им невозможно его увидеть, пока они, пользуясь своими предположениями, будут сохранять их незыблемыми и не отдавать себе в них отчета. У кого началом служит то,

чего он не знает, а заключение и середина состоят из того, что нельзя сплести воедино, может ли подобного рода несогласованность когда-либо стать знанием?

— Никогда.

— Значит, в этом отношении лишь диалектический метод придерживается правильного пути; отбрасывая предположения, он потихоньку высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор души и направляет его ввысь, пользуясь в качестве помощников и путчиков теми искусствами, которые мы разобрали. По привычке мы не раз называли их науками, но тут требовалось бы другое название, потому что приемы эти не столь очевидны, как науки, хотя и более отчетливы, чем мнение. А сам рассудок мы уже определили прежде. Впрочем, по-моему, нечего спорить о названии, когда предмет рассмотрения столь значителен, как сейчас у нас.

— Да, не стоит, лишь бы только название ясно выражало, что под этим подразумевается. — Тогда нас удовлетворяют, как и раньше, следующие названия: первый раздел — познание, второй — рассуждение, третий — вера, четвертый — уподобление. Оба последних, вместе взятые, составляют мнение, оба первых — мышление. Мнение относится к становлению, мышление — к сущности. И как сущность относится к становлению, так мышление — к мнению. А как мышление относится к мнению, относится к вере, а рассуждение — к уподоблению. Разделение же на две области — того, что мы мним, и того, что мы постигаем умом, — и соответствие этих обозначений тем предметам, к которым они относятся, мы оставим за тобой, Главкон, в стороне, чтобы избежать рассуждений, еще во много раз более длинных, чем уже проделаны.

— Но я согласен и с остальным, насколько я в силах за тобой следить.

— Конечно, ты называешь диалектиком того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи. Если кто этого лишен, то насколько он не может дать отчета ни себе, ни другому, настолько же, скажешь ты, у него и ума не хватит для этого.

— Как этого не сказать!

— Точно так же обстоит дело и относительно блага. Кто не в силах с помощью доказательства определить идею блага, выделив ее из всего остального, кто не идет, словно на поле битвы, сквозь все препятствия, стремясь к опровержению, основанному не на мнении, а на понимании сущности, кто не продвигается через все это вперед с непоколебимой уверенностью, — про того, раз он таков, ты скажешь, что ему не ведомо ни само благо, ни какое бы то ни было благо вообще, а если он и прикоснется каким-либо путем к призраку блага, то лишь при помощи мнения, а не знания. Такой человек проводит нынешнюю свою жизнь в спячке и сновидениях, и, прежде чем здесь он пробудится, он, придя в Аид, окончательно погрузится в сон.

— Клянусь Зевсом, я решительно стану утверждать все это...

— Так не кажется ли тебе, что диалектика у нас будет подобна карнизу, венчающему все знание, и было бы неправильно ставить какое-либо иное знание выше нее, ведь она вершина их всех.

— По-моему, это так.

— Тебе остается только распределить, кому мы будем сообщать эти познания и каким образом.

— Очевидно.¹

Учение об идеях

— После этого, — сказал я, — ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Странный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так.

— Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

— Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

¹ Платон. Сочинения: в 3 т. — М., 1971. Т. 3. Ч. 1. — С. 343-347.

— Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

— Это совершенно неизбежно.

— Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

Тут нужна привычка, раз ему [человеку] предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

— Несомненно.

— И, наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

— Конечно, ему это станет доступно.

— И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведает всем в видимом пространстве и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

— Ясно, что он придет к такому выводу после тех наблюдений.

— Так вот, дорогой мой Главкон, область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль, – коль скоро ты стремишься ее узнать, – а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама – владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

— Я согласен с тобой, насколько мне это доступно.¹

Учение о душе

— Ведь каждое тело, движимое извне, – неодушевлено, а движимое изнутри, из самого себя – одушевлено, потому что такова природа души. Если это так и то, что движет само себя, есть не что иное, как душа, из этого необходимо следует, что душа непорождаема и бессмертна.

¹ Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1971. Т. 3. Ч. 1. – С. 321-325.

Уподобим душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего. У богов и кони и возничие все благородны и происходят от благородных, а у остальных они смешанного происхождения. Во-первых, этот возничий правит упряжкой, а затем и кони-то у него – один прекрасен, благороден и рожден от таких же коней, а другой конь – его противоположность и предки его – иные. Неизбежно, что править нами – дело тяжкое и докучное.

Попробуем сказать и о том, как произошло название смертного и бессмертного существа. Всякая душа ведает всем неодушевленным, распространяется же она по всему небу, принимая порой разные образы. [Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром, если же она теряет крылья, то носится, пока не натолкнется на что-нибудь твердое, – тогда она вселяется туда], получив земное тело, которое благодаря ее силе кажется движущимся само собой; [а все вместе, то есть сопряжение души и тела, получило прозвание смертного].

Закон же Адрастеи таков: душа, ставшая спутницей бога и увидевшая хоть частицу истины, будет благополучна вплоть до следующего кругооборота, и, если она в состоянии совершать это всегда, она всегда будет невредимой. Когда же она не будет в силах сопутствовать и видеть, но, постигнутая какой-нибудь случайностью, исполнится забвения и зла и отяжелеет, а, отяжелев, утратит крылья и падет на землю, тогда есть закон, чтобы при первом рождении не вселялась она ни в какое живое существо. Душа, видевшая всего больше, попадает в плод будущего поклонника мудрости и красоты или человека, преданного Музам и любви; вторая за ней – в плод царя, соблюдающего законы, в человека воинственного или способного управлять; третья – в плод государственного деятеля, хозяина, добытчика; четвертая – в плод человека, усердно занимающегося упражнением или врачеванием тела; пятая по порядку будет вести жизнь прорицателя или человека, причастного к таинствам; шестой пристанет подвизаться в поэзии или другой какой-либо области подражания; седьмой – быть ремесленником или земледельцем; восьмая будет софистом или демагогом; девятая – тираном. Во всех этих призваниях тот, кто проживет, соблюдая справедливость, получит лучшую долю, а кто ее нарушит – худшую.

Но туда, откуда она пришла, никакая душа не возвращается в продолжение десяти тысяч лет – ведь она не окрылится раньше этого срока, за исключением души человека, искренне возлюбившего мудрость или сочетавшего любовь к ней с влюбленностью в юношей: эти души окрыляются за три тысячелетних круговорота, если три раза подряд изберут для себя такой образ жизни, и на трехтысячный год отходят. Остальные же по окончании своей первой жизни подвергаются суду, а после приговора суда одни отбывают наказание, сошедши в подземные темницы, другие же, ведут жизнь соответственно той, какую они прожили в человеческом образе. На тысячный год и те, и другие являются, чтобы получить себе новый удел и

выбрать себе вторую жизнь – кто какую захочет. Тут и жизнь животного может получить человеческая душа, а из того животного, что было когда-то человеком, душа может снова вселиться в человека: но душа, никогда не выдавшая истины, не примет такого образа, ведь человек должен постигать [ее] в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия. Поэтому по справедливости окрыляется только разум философа: у него всегда по мере его сил память обращена на то, чем божествен бог. Только человек, правильно пользующийся такими воспоминаниями, всегда посвящаемый в совершенные таинства, становится подлинно совершенным.

Мы не без основания признаем двойственными и отличными друг от друга эти начала: одно из них, с помощью которого человек способен рассуждать, мы назовем разумным началом души, а второе, из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду и бывает охвачен другими вожделениями, мы назовем началом неразумным и вожделеющим, близким другом всякого рода удовлетворения и наслаждений.

— Признать это было бы не только обоснованно, но и естественно.

— Так пусть у нас будут разграничены эти два присущих душе вида. Что же касается ярости духа, отчего мы и бываем гневливы, то составляет ли это третий вид, или вид этот однороден с одним из тех двух?

— Пожалуй, он однороден со вторым, то есть вожделеющим, видом.

— На многих примерах мы замечаем, как человек, одолеваемый вожделениями вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников. Гнев такого человека становится союзником его разуму в этой распре, которая идет словно лишь между двумя сторонами. О яростном духе у нас сейчас составилось представление, противоположное недавнему. Раньше мы его связывали с вожделеющим началом, а теперь находим, что это вовсе не так, потому что при распре, которая происходит в душе человека, яростное начало поднимает оружие за начало разумное.

— Безусловно.

— Так отличается ли оно от него, или это только некий вид разумного начала, и выходит, что в душе существуют всего два вида [начал]: разумное и вожделеющее? Или как в государстве три рода начал, его составляющих: деловое, защитное, совещательное, так и в душе есть тоже третье начало – яростный дух? По природе своей оно служит защитником разумного начала, если не испорчено дурным воспитанием.

— Непременно должно быть и третье начало.¹

¹ Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1971. Т. 3. Ч. 1. – С. 181-182, 184-185, 233-235.

Учение о знании и познании

— Так вот, считай, что есть двое владык, как мы и говорили: один – надо всеми родами и областями умопостигаемого, другой, напротив, надо всем зримым. Усвоил ли ты эти два вида, зримый и умопостигаемый?

— Усвоил.

— А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием, – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать.

Занебесную область не воспел еще никто из здешних поэтов, да и никогда не воспоем по достоинству. Она же вот какова (ведь надо наконец осмелиться сказать истину, особенно когда говоришь об истине): эту область занимает бесцветная, без очертаний неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая только кормчему души – уму; на нее-то и направлен истинный род знания.

Душа, никогда не выдавшая истины, не примет такого образа, ведь человек должен постигать [ее] в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопровождала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия. Поэтому по справедливости окрыляется только разум философа: у него всегда по мере его сил память обращена на то, чем божествен бог. Только человек, правильно пользующийся такими воспоминаниями, всегда посвящаемый в совершенные таинства, становится подлинно совершенным.

Тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами и такой массой всевозможных вздорных призраков, что, верьте слову, из-за него нам и в самом деле совсем невозможно о чем бы то ни было поразмыслить!

У нас есть неоспоримые доказательства, что достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой. Тогда, конечно, у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно разум, но только после смерти, как обнаруживает наше рассуждение, при жизни же – никоим образом. Ибо если, не расставшись с телом, невозможно достичь чистого знания, то одно из двух: или знание вообще недостижимо, или же – только после смерти. Ну, конечно, ведь только тогда, и никак не раньше, душа остается сама по себе, без тела. А пока мы живы, мы тогда, по-видимому, будем ближе всего к знанию, когда как можно больше ограничим свою связь

с телом и не будем заражены его природою, но сохраним себя в чистоте до той поры, пока сам бог нас не освободит.¹

Учение об обществе и государстве

— Государство, — сказал я, — возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному? Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

— Ясно, что оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо.

— И, прежде всего, по-моему, вполне очевидна его мудрость. Государство, основанное согласно природе, всецело было бы мудрым благодаря совсем небольшой части населения, которая стоит во главе и управляет, и ее знанию. И, по-видимому, от природы в очень малом числе встречаются люди, подходящие, чтобы обладать этим знанием, которое одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости.

— Ты совершенно прав.

— Вот мы и нашли, уж и не знаю каким это образом, одно из четырех свойств нашего государства — и как таковое, и место его в государстве.

— Мне, по крайней мере, кажется, что мы его достаточно разъяснили.

— Что же касается мужества, — каково оно само и где ему место в государстве (отчего и называют государство мужественным) — это не так уж трудно заметить.

— А именно?

— Называя государство робким или мужественным, кто же обратит внимание на что-нибудь иное, кроме той части его граждан, которые воюют и сражаются за него?

— Ни один человек не станет смотреть ни на что иное.

— Ведь, думается мне, по остальным его гражданам, будь они трусливы или мужественны, нельзя заключать, что государство такое, а не иное.

— Нельзя.

— Мужественным государство бывает лишь благодаря какой-то одной своей части — благодаря тому, что в этой своей части оно обладает силой, постоянно сохраняющей то мнение об опасностях — а именно, что они заключаются в том-то и том-то, — которое внушил ей законодатель путем воспитания.

Остается рассмотреть еще два свойства нашего государства: рассудительность и то, ради чего и предпринято все наше исследование, — справедливость.

¹ Платон. Сочинения: в 3 т. — М., 1971. Т. 2. — С. 25, 183-185. Т. 3. Ч. 1. — С. 384-385.

Рассудительность, с нашей точки зрения, более, чем те, предшествовавшие, свойства, походит на некое созвучие и гармонию.

— Как это?

— Нечто вроде порядка – вот что такое рассудительность; это власть над определенными удовольствиями и вожделениями – так ведь утверждают, приводя выражение «преодолеть самого себя», уж не знаю каким это образом. И про многое другое в этом же роде говорят, что это – следы рассудительности. Не так ли?

— Именно так.

— Разве это не смешно: «преодолеть самого себя»? Выходит, что человек преодолевает того, кто совершенно очевидно сам себе уступает, так что тот, кто уступает, и будет тем, кто преодолевает: ведь при всем этом речь идет об одном и том же человеке.

— Конечно.

— Но мне кажется, этим выражением желают сказать, что в самом человеке, в его душе есть некая лучшая часть и некая худшая, и, когда то, что по своей природе лучше, обуздывает худшее, тогда говорят, что оно «преодолевает самое себя»: значит, это похвала; когда же из-за дурного воспитания или общества верх берет худшее (ведь его такая уйма, а лучшего гораздо меньше), тогда, в порицание и с упреком, называют это «уступкой самому себе», а человека, испытывающего такое состояние, – невоздержным.

— Обычно так и говорят.

— Посмотри теперь на наше новое государство и ты найдешь в нем одно из этих двух состояний: ты скажешь, что такое государство справедливо можно объявить преодолевшим самого себя, поскольку нужно называть рассудительным и преодолевшим самого себя все то, в чем лучшее правит худшим.

— Я смотрю и вижу, что ты прав.

— Множество самых разнообразных вожделений, удовольствий и страданий легче всего наблюдать у женщин и у домашней челяди, а среди тех, кого называют свободными людьми, – у ничтожных представителей большинства.

— Конечно.

— А простые, умеренные [переживания], продуманно направленные с помощью разума и правильного мнения, ты встретишь у очень немногих, лучших по природе и по воспитанию.

— Это верно.

— Так не замечаешь ли ты этого и в нашем государстве: жалкие вожделения большинства подчиняются там разумным желаниям меньшинства, то есть людей порядочных?

— Да, замечаю.

— Значит, если уж признавать какое-нибудь государство преодолевшим и удовольствия, и вожделения, и самое себя, так это будет наше государство.

— Совершенно верно.

— А разве нельзя, согласно всему этому, признать его и рассудительным?

— Вполне можно!

— И опять-таки, если уж в каком-нибудь государстве и у правителей, и у подвластных существует согласное мнение о том, кому следует править, то оно есть и в нашем государстве. Или ты не согласен?

— Вполне и бесспорно согласен.

— Раз дело обстоит так, то кому из них присуща, скажешь ты, рассудительность — правителям или подвластным?

— Вроде бы тем и другим.

— Ну, вот видишь, мы, значит, верно предсказывали не так давно, что рассудительность подобна некой гармонии.

— И что же?

— Это не так, как с мужеством или мудростью: те, присутствуя в какой-либо одной части государства, делают все государство соответственно либо мужественным, либо мудрым; рассудительность же не так проявляется в государстве: она настраивает на свой лад решительно все целиком; пользуясь всеми своими струнами, она заставляет и те, что слабо натянуты, и те, что сильно, и средние звучать согласно между собою, если угодно, с помощью разума, а то и силой или, наконец, числом и богатством и всем тому подобным, так что мы с полным правом могли бы сказать, что эта вот согласованность и есть рассудительность, иначе говоря, естественное созвучие худшего и лучшего в вопросе о том, чему надлежит править и в государстве, и в каждом отдельном человеке.

Мы установили, что каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен.

— Да, мы говорили так.

— Но заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие — это и в чужие — это и сть, об этом мы слышали от многих других, да и сами часто так говорили.

— Да, говорили.

— Так вот, мой друг, заниматься каждому своим делом — это, пожалуй, и будет справедливостью.

Хотя все члены государства братья..., но бог, вылепивший нас, в тех из вас, кто способен править, примешивая при рождении золота, и поэтому они наиболее ценны, в помощников их — серебра, железа же и меди в земледельцев и разных ремесленников. Вы все родственны, но большей частью рождаете себе подобных, хотя все же бывает, что от золота родится серебряное потомство, а от серебра — золотое; то же и в остальных случаях. От правителей бог требует, прежде всего, и преимущественно, чтобы именно здесь они оказались доблестными стражами и ничто так усиленно не оберегали, как своё потомство, наблюдая, что за примесь имеется в душе их детей, и, если ребенок рождается с примесью меди или железа, они никоим образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число

ремесленников или земледельцев; если же родится кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почётом переводить его в стражи или в помощники.

Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так, чтобы лишь кто-то в нем был счастлив, но так, чтобы оно было счастливо все в целом.¹

Аристотель (384 – 322 гг. до н. э.) – великий древнегреческий философ и ученый, систематизировавший практически все известные к тому времени знания. Родился во Фракии в городе Стагире (поэтому Аристотеля иногда называют Стагиритом). Был учеником, затем преподавателем в Академии Платона. В Афинах основал собственную философскую школу – Ликей.

Аристотелем написано множество работ. Его труды можно подразделить на несколько групп: 1) логические трактаты, совокупность которых получила у комментаторов великого мыслителя наименование «Органон» (т. е. орудие, или метод). Сюда входят «Категории», «Об истолковании», в котором изложена теория суждения, «Аналитики первая и вторая» – главное логическое сочинение мыслителя, «Топика», излагающая теорию вероятного знания, а также примыкающее к ней сочинение «О софистических опровержениях»; 2) трактаты, в которых рассматриваются различные вопросы, связанные с истолкованием природы и движения: «Физика», «О происхождении и уничтожении», «О небе», «О небесных явлениях» и др.; 3) биологические трактаты: «О душе», «История животных», «О частях животных», «О возникновении животных», «О движении животных» и др.; 4) сочинения о «первой философии», как называл их сам Аристотель. При публикации этих сочинений в I в. до н. э. их издатель и редактор Андроник Родосский назвал их «Метафизикой» (буквально «сочинения, следующие после физики»); 5) этические сочинения; 6) социально-политические и исторические сочинения, важнейшее из них – «Политика», и 7) работы об искусстве, поэзии и риторике, наиболее интересная из них – «Поэтика» (или «Об искусстве поэзии»).

О философии как науке

Следует рассмотреть, каковы те причины и начала, наука о которых есть мудрость... Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постигаемое для человека (ведь воспринимание чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом нет). В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и

¹ Платон. Сочинения: в 3 т. – М., 1971. Т. 3. Ч. 1. – С. 145, 202-203, 207, 217- 224.

более способен научить выявлению причин, и, [в-четвертых], что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а [в-пятых], та, которая главенствует, – в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр.

Но и научить более способна та наука, которая исследует причины, ибо научают те, кто указывает причины для каждой вещи. А знание и понимание ради самого знания и понимания более всего присущи науке о том, что наиболее достойно познания, ибо тот, кто предпочитает знание ради знания, больше всего предпочтет науку наиболее совершенную, а такова наука о наиболее достойном познания. А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено. И наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; это цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее.

Итак, из всего сказанного следует, что имя [мудрости] необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и «то, ради чего» есть один из видов причин. А что это не искусство творения, объяснили уже первые философы... Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы... Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя.¹

Предмет изучения философии

Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах: ведь мы говорим, что тогда знаем в каждом отдельном случае, когда полагаем, что нам известна верная причина. А о причинах говорится в четырех значениях: одной такой причиной мы считаем сущность, или суть бытия вещи (ведь каждое «почему» сводится в конечном счете к определению вещи, а первое «почему» и есть причина и начало); другой причиной мы считаем материю или субстрат; третьей – то, откуда начало движения; четвертой – причину, противолежащую последней, а именно то, «ради чего» или благо (ибо благо есть цель всякого возникновения и движения)...

Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое, а также то, что ему присуще само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую-то часть его,

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М., 1976. – С. 67-69.

исследуют то, что присуще этой части, как, например, науки математические. О сущем говорится, правда, в различных значениях, но всегда по отношению к чему-то одному, к одному естеству и не из-за одинакового имени... Так вот, таким же точно образом и о сущем говорится в различных значениях, но всякий раз по отношению к одному началу; одно называется сущим потому, что оно сущность, другое – потому, что оно состояние сущности, третье – потому, что оно путь к сущности или уничтожение и лишенность ее, или свойство ее, или то, что производит или порождает сущность и находится в каком-то отношении к ней; или оно отрицание чего-то из этого или отрицание самой сущности, почему мы и о не-сущем говорим, что оно *есть* не-сущее. И подобно тому, как здоровье исследуется одной наукой, точно так же обстоит дело и в остальных случаях. Поэтому ясно, что и сущее как таковое должно исследоваться одной наукой. А наука всюду исследует главным образом первое – то, от чего зависит остальное и через что это остальное получает свое название. Следовательно, если первое – сущность, то философ, надо полагать, должен знать начала и причины сущностей...

Из того, что возникает, одно возникает естественным путем, другое – через искусство, третье – самопроизвольно. И все, что возникает, возникает вследствие чего-то и из чего-то и становится чем-то.

Естественно возникновение того, что возникает от природы; то, из чего нечто возникает, – это, как мы говорим, материя; то, вследствие чего оно возникает, – это нечто сущее от природы; а то, чем оно становится, – это человек, растение или еще что-то подобное им, что мы, скорее всего, обозначаем как сущности. А все, что возникает – естественным ли путем или через искусство – имеет материю, ибо каждое возникающее может и быть и не быть, а эта возможность и есть у каждой вещи материя.

Так, стало быть, возникает то, что возникает благодаря природе, а остальные виды возникновения именуются созданиями. Все такие создания исходят либо от искусства, либо от способности, либо от размышления. А некоторые из них происходят также самопроизвольно и в силу стечения обстоятельств... А через искусство возникает то, форма чего находится в душе (формой я называю суть бытия каждой вещи и ее первую сущность).

Одни виды возникновения и движения называются мышлением, другие – созданием: исходящее из начала и формы – это мышление, а исходящее из того, что для мышления последнее, – это создание...

Теперь разберем, как обстоит дело с сущностями общепризнанными. Они сущности, воспринимаемые чувствами; а все сущности, воспринимаемые чувствами, имеют материю. И субстрат есть сущность; в одном смысле это материя (я разумею здесь под материей то, что, не будучи определенным нечто в действительности, таково в возможности), в другом – существо, или форма – то, что как определенное сущее может быть отдалено только] мысленно, а третье – это то, что состоит из материи и формы, что одно только подвержено возникновению и уничтожению и безусловно существует отдельно.

У существующего имеется начало, в отношении которого нельзя ошибаться, – оно всегда необходимо принуждает к обратному, т. е. заставляет говорить правильно, а именно: что не может одно и то же в одно и то же время быть и не быть, и точно так же в отношении всего остального, что противолежит самому.

Видов движения и изменения столько же, сколько и видов сущего. А так как по каждому роду различается сущее в возможности и сущее в действительности, то я под движением разумею осуществление сущего в возможности как такового. А происходит движение тогда, когда имеет место осуществление, и не прежде и не после. Так вот, движение есть осуществление того, что есть в возможности, когда оно при осуществлении действует не как таковое, а поскольку оно может быть приведено в движение.

Существует нечто, вечно движущееся беспрестанным движением, а таково движение круговое; и это ясно не только на основе рассуждений, но и из самого дела, так что первое небо, можно считать, вечно. Следовательно, существует и нечто, что его движет. А так как то, что и движется и движет, занимает промежуточное положение, то имеется нечто, что движет, не будучи приведено в движение: оно вечно и есть сущность и деятельность.

Так вот, от такого начала зависят небеса и [вся] природа. И жизнь его – самая лучшая, какая у нас бывает очень короткое время. В таком состоянии оно всегда (у нас этого не может быть), ибо его деятельность есть также удовольствие (поэтому бодрствование, восприятие, мышление – приятнее всего, и лишь через них – надежды и воспоминания). И жизнь поистине присуща ему, ибо деятельность ума – это жизнь, а бог есть деятельность; и деятельность его, какова она сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь. Мы говорим поэтому, что бог есть вечное, наилучшее живое существо, так что ему присущи жизнь и непрерывное и вечное существование, и именно это есть бог.

Таким образом, из сказанного ясно, что есть вечная, неподвижная и обособленная от чувственно воспринимаемых вещей сущность; показано также, что эта сущность не может иметь какую-либо величину, она лишена частей и неделима (ибо она движет неограниченное время, между тем ничто ограниченное не обладает безграничной способностью; а так как всякая величина либо безгранична, либо ограничена, то ограниченной величины эта сущность не может иметь по указанной причине, а неограниченной – потому, что вообще никакой неограниченной величины нет), с другой стороны, показано также, что эта сущность не подвержена ничему и неизменна, ибо все другие движения – нечто последующее по отношению к пространственному движению...

Действительность – это существование вещи не в том, смысле, в котором мы говорим о сущем в возможности..., а в смысле осуществления. То, что мы хотим сказать, становится в отдельных случаях ясным с помощью наведения, и не следует для каждой вещи искать определения, а надо сразу замечать соответствие, а именно: как строящее относится к способному

строить, так бодрствующее относится к спящему и видящее к закрывающему глаза, но обладающему зрением, выделенное из материи к этой материи, обработанное к необработанному. И в этом различии одна сторона пусть означает действительность, а другая – возможное. Не обо всем говорится в одинаковом смысле, что оно есть в действительности, разве только в смысле соответствия одного другому... А о беспредельном, пустом и другом тому подобном говорят как о возможном и действительном... Беспредельное существует в возможности не в том смысле, что оно когда-то будет существовать отдельно в действительности, оно таково лишь для познания. Из того, что делению нет конца, следует, что действительность [у беспредельного] имеется в возможности, но не следует, что беспредельное существует отдельно.

А относительно [высшего] ума возникают некоторые вопросы. Он представляется наиболее божественным из всего являющегося нам, но каким образом он таков, на этот вопрос ответить трудно. В самом деле, если он ничего не мыслит, а подобен спящему, то в чем его достоинство? Если же он мыслит, но это зависит от чего-то другого (ибо тогда то, что составляет его сущность, было бы не мыслью, а способностью [мыслить]), то он не лучшая сущность: ведь ценность придает ему мышление. Далее, будет ли составлять его сущность ум или само мышление, что же именно мыслит он? Либо сам себя, либо что-то другое; и если что-то другое, то или всегда одно и то же, или разное. Так вот, есть ли здесь разница, или это все равно, мыслить ли прекрасное или все что угодно? Не нелепо ли мыслить некоторые вещи? Таким образом, ясно, что ум мыслит самое божественное и самое достойное и не подвержен изменениям, ибо изменение его было бы изменением к худшему, и это уже некоторое движение. Итак, во-первых, если ум есть не деятельность мышления, а способность к ней, то, естественно, непрерывность мышления была бы для него затруднительна. Во-вторых, ясно, что существовало бы нечто другое, более достойное, нежели ум, а именно постигаемое мыслью. Ибо и мышление, и мысль присущи и тому, кто мыслит наихудшее. Так что если этого надо избегать (ведь иные вещи лучше не видеть, нежели видеть), то мысль не была бы наилучшим. Следовательно, ум мыслит сам себя, если только он превосходнейшее, и мышление его есть мышление о мышлении. Однако совершенно очевидно, что знание, чувственное восприятие, мнение и размышление всегда направлены на другое, а на себя лишь мимоходом. И если, наконец, мыслить и быть мыслимым – не одно и то же, то на основании чего из них уму присуще благо? Ведь быть мыслью и быть постигаемым мыслью не одно и то же. Но не есть ли в некоторых случаях само знание предмет знания: в знании о творчестве предмет – сущность, взятая без материи, и суть бытия, в знании умозрительном – определение и мышление. Поскольку, следовательно, постигаемое мыслью и ум не отличны друг от друга у того, что не имеет материи, то они будут одно и то же, и мысль будет составлять одно с постигаемым мыслью.

Кроме того, остается вопрос: есть ли постигаемое мыслью нечто составное? Если да, то мысль изменялась бы, переходя от одной части целого к другой. Но разве то, что не имеет материи, не неделимо? Так же как обстоит дело с человеческим умом, который направлен на составное, в течение определенного времени (у него благо не в этой или другой части [его предмета], а лучшее, будучи чем-то отличным от него, у него – в некотором целом). Точно так же обстоит дело с [божественным] мышлением, которое направлено на само себя, на протяжении всей вечности.¹

О душе и познании

Итак, под сущностью мы разумеем один из родов сущего; к сущности относится, во-первых, материя, которая сама по себе не есть определенное нечто; во-вторых, форма или образ, благодаря которым она уже называется определенным нечто, и, в-третьих, то, что состоит из материи и формы. Материя есть возможность, форма же – энтелехия...

Душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью.

Так вот, то, благодаря чему мы прежде всего живем, ощущаем и размышляем, – это душа, так что она есть некий смысл и форма, а не материя или субстрат. Как уже было сказано, о сущности мы говорим в трех значениях: во-первых, она форма, во-вторых, — материя, в-третьих, — то, что состоит из того и другого; из них материя есть возможность, форма — энтелехия. Так как одушевленное существо состоит из материи и формы, то не тело есть энтелехия души, а душа есть энтелехия некоторого тела. Поэтому правы те, кто полагает, что душа не может существовать без тела и не есть какое-либо тело. Ведь душа есть не тело, а нечто принадлежащее телу, а поэтому она и пребывает в теле, а именно в определенного рода теле...

Что касается способностей души, то одним существам они присущи все, другим – некоторые из них, иным – только одна. Мы называем растительную способность, способности стремления, ощущения, пространственного движения, размышления. Растениям присуща только растительная способность, другим существам – и эта способность, и способность ощущения... Животным, обладающим чувством осязания, присуще также стремление. Кроме того, некоторым живым существам присуща способность к движению в пространстве, иным – также способность размышления, т. е. ум, например людям и другим существам такого же рода или более совершенным, если они существуют. Поэтому надлежит относительно каждого существа исследовать, какая у него душа, например: какова душа у растения, человека, животного. Далее нужно рассмотреть, почему имеется такая последовательность. В самом деле, без растительной способности не может быть способности ощущения. Между тем у растений растительная способность существует отдельно от способности ощущения. А из

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М., 1976. – С. 70, 119-120, 141, 197-199, 223-224, 279, 288-289, 309-316.

наделенных ощущениями существ одни обладают способностью перемещения, другие нет. Наконец, совсем немного существ обладают способностью рассуждения и размышления. А именно: тем смертным существам, которым присуща способность рассуждения, присущи также и все остальные способности, а из тех, кому присуща каждая из этих способностей, не всякому присуща способность рассуждения, а у некоторых нет даже воображения, другие же живут, наделенные только им одним. Что касается созерцательного ума, то речь о нем особая...

Итак, душа есть причина и начало живого тела. О причине говорится в различных значениях. Подобным же образом душа есть причина в трех смыслах, которые мы разобрали. А именно: душа есть причина как то, откуда движение, как цель и как сущность одушевленных тел. Таким образом, это растительное начало души есть способность, которая сохраняет существо, обладающее ею, таким, каково оно есть, а пища обеспечивает его деятельность; поэтому существо, лишенное пищи, не может существовать...

Нет разумного основания считать, что ум соединен с телом. Ведь иначе он оказался бы обладающим каким-нибудь определенным качеством, он был бы холодным или теплым или имел бы какой-то орган, как имеет его способность ощущения; но ничего такого нет. (Поэтому правы те, кто говорит, что душа есть местонахождение форм, с той оговоркой, что не вся душа, а мыслящая часть, и имеет формы не в действительности, а в возможности.)... Итак, всему, что живет и обладает душой, необходимо иметь растительную душу от рождения до смерти: ведь необходимо, чтобы родившееся росло, достигало зрелости и приходило в упадок, а это невозможно без пищи; таким образом, необходимо, чтобы растительная способность была у всего того, что растет и приходит в упадок.¹

Социально-этические взгляды

Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общины...

Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске.

Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа,

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М., 1976. – С. 394, 395, 398-402, 404, 433-434, 445.

согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства.

Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководя общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеется в виду выгоды либо одного лица, либо немногих либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу мы обыкновенно называем царской властью – власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит). А когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение общее для всех видов государственного устройства – полития. И такое разграничение оказывается логически правильным: немногие могут выделяться своей добродетелью но преуспеть во всякой добродетели для большинства – дело это трудное. Легче всего преуспеть в военной доблести, так как она всегда популярна именно в народной массе. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя, олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет.

Ясно что государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств общества. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех вместе взятых, еще не будет государства. Оно появляется лишь тогда когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования. Такого рода общение, однако, может осуществиться лишь в том случае, если люди обитают в одной и той же местности и если они состоят между собой в эпигамии. По этой причине в

государствах и возникли родственные союзы, и жертвоприношения, и развлечения – все это ради совместной жизни. Все основано на взаимной дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни. Таким образом, целью государства является благая жизнь, и все упомянутое создается ради этой цели; само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни. Так что и государственное общение – так нужно думать – существует ради прекрасной деятельности, а не просто ради совместного жительства.

Какой же вид государственного устройства наилучший?

Если верно сказано в нашей «Этике», что та жизнь блаженная, при которой нет препятствий к осуществлению добродетели, и что добродетель есть середина, то нужно признать, что наилучшей жизнью будет именно средняя жизнь, такая, при которой середина может быть достигнута каждым...

В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше...

Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению, состава государства, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому, как бедняки стремятся к имуществу богатых. И так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности. Поэтому прекрасное пожелание высказал Фокилид: «У средних множество благ, в государстве желаю быть средним». Итак, ясно, что наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей...

Итак, очевидно, средний вид государственного строя наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям; там, где средние граждане

многочисленны, всего реже бывают среди граждан группировки и раздоры. И крупные государства по той же самой причине – именно потому, что в них многочисленны средние граждане, – менее подвержены распрям; в небольших же государствах население легче разделяется на две стороны, между которыми не остается места для средних, и почти все становятся там либо бедняками, либо богачами. Демократии в свою очередь пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели.

Одним счастьем кажется добродетель, другим – рассудительность, третьим – известная мудрость, а иным – все это [вместе] или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия, есть, [наконец], и такие, что включают [в понятие счастья] и внешнее благосостояние. Одни из этих воззрений широко распространены и идут из древности, другие же разделяются немногими, однако знаменитыми людьми. Разумно, конечно, полагать, что ни в том, ни в другом случае не заблуждаются всецело, а, напротив, хотя бы в каком-то одном отношении или даже в основном бывают правы.

Наше определение... согласно с [мнением] тех, кто определяет счастье как добродетель или как какую-то определенную добродетель, потому что добродетели как раз присуща деятельность сообразно добродетели. И может быть, немаловажно следующее различие: понимать ли под высшим благом обладание добродетелью или применение ее, склад души или деятельность. Ибо может быть так, что имеющийся склад [души] не исполняет никакого благого дела, скажем, когда человек спит или как-то иначе бездействует, – а при деятельности это невозможно, ибо она с необходимостью предполагает действие, причем успешное. Подобно тому, как на олимпийских состязаниях венки получают не самые красивые и сильные, а те, кто участвует в состязании (ибо победители бывают из их числа), так в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки. И даже сама по себе жизнь доставляет им удовольствие. Удовольствие ведь испытывают в душе, а между тем каждому то в удовольствие, любителем чего он называется. Поэтому у большинства удовольствия борются друг с другом, ведь это такие удовольствия, которые существуют не по природе. То же, что доставляет удовольствие любящим прекрасное, доставляет удовольствие по природе, а таковы поступки, сообразные добродетели, следовательно, они доставляют удовольствие и подобным людям, и сами по себе. Жизнь этих людей, конечно, ничуть не нуждается в удовольствии, словно в каком-то приукрашивании, но содержит удовольствие в самой себе. К сказанному надо добавить: не является добродетельным тот, кто не радуется прекрасным поступкам, ибо и правосудным никто не назвал бы человека, который не

радуется правому, а щедрым – того, кто не радуется щедрым поступкам, подобным образом – и в других случаях. А если так, то поступки сообразные добродетели будут доставлять удовольствие сами по себе. Более того, они в то же время добры и прекрасны, причем и то и другое в высшей степени, если только правильно судит о них добропорядочный человек, а он судит так, как мы уже сказали.

Счастье, таким образом, – это высшее и самое прекрасное благо, доставляющее величайшее удовольствие, причем все это нераздельно, вопреки известной надписи: Право прекрасней всего, а здоровье – лучшая участь. Что сердцу мило добыть – вот удовольствие нам.¹

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ

1. Как Протагор понимал сущность природы человека и его деятельности?
2. Какова эволюция понимания предмета философии в античной классической философии?
3. Составьте сравнительную характеристику онтологического учения Платона и Аристотеля.
4. В чем состоит сущность теории познания и диалектического метода Платона?
5. Проанализируйте учение Аристотеля о материи и форме; о возможном и действительном бытии.
6. Составьте характеристику учения Платона и Аристотеля о человеке и обществе по следующей схеме:
 - Сущность природы человека, его познавательная активность.
 - Государство и его формы.
 - Граждане государства и их социальные функции. Категории населения.
 - Система управления государством.
 - Система воспитания и образования.
7. По мнению К. Поппера, философия Платона вредна для демократического общества. Справедливо ли это мнение? (Обоснуйте свой ответ).

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М., 1976. – С. 66-67, 378-379, 457, 460-462, 506-509.

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Августин Аврелий (Блаженный) (354 – 430) – христианский теолог, философ, влиятельнейший проповедник и политик католической церкви. Представитель западной патристики.

В православной традиции его принято называть Блаженным, а в католической – Святым. Родился в североафриканской римской провинции в городке Тагаст.

О содержании сочинений Августина говорят их названия: «О жизни блаженной» (386 г.), «О порядке» (386 г.), «Против академиков» (386 г.), «О бессмертии духа» (387 г.), «Монологи» (387 г.), «О свободной воле» (или «О свободном выборе») (388 г.), «О количестве души» (389 г.), «О музыке» (389 г.), «Об учителе» (389 г.), «Об истинной религии» (390 г.), «Изложение псалмов», «О прекрасном и пригодном», «О творении по буквальному смыслу», «О благодати и свободном произволении» (391 г.).

Два его важнейших сочинения «Исповедь» (400 г.) и «О граде Божием» (413-426 гг.) вошли в сокровищницу мировой культуры и философии.

Бог и мир

Велик Ты Господи, и Всемерной достоин хвалы; велика сила Твоя и неизмерима премудрость Твоя. И славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих; человек, который носит с собой повсюду смертность свою, носит с собой свидетельство греха своего и свидетельство, что Ты «противостоишь гордым»... Я буду искать Тебя, господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам...

Что же Ты, Боже мой? Что, как не Господь Бог? Кто Господь, кроме Господа и кто Бог, кроме Бога нашего? Высочайший, Благостнейший, Могущественнейший, Всемогущий, Милосерднейший и Справедливейший; самый Далекий и самый Близкий, Прекраснейший и Сильнейший, Недвижный и Непостижимый; Неизменный, Изменяющий все, вечно Юный и вечно Старый, Ты обновляешь все и старишь гордых, а они того и не ведают; вечно в действии, вечно в покое, собираешь и не нуждаешься, несешь, наполняешь и покрываешь; творишь, питаешь и совершенствуешь; ищешь, хотя у Тебя есть все.

Как абсолютно Твое бытие, так абсолютно и знание; неизменно Твое бытие, неизменно знание и неизменна воля. В бытии Твоем неизменны и знание и воля; в знании Твоем неизменны бытие и воля; в Твоей воле неизменны бытие и знание.

Вот предстает мне загадкой Троица, то есть Ты, Боже мой, ибо Ты, Отец, начало мудрости нашей – это тоя мудрость, от Тебя рожденная, равная Тебе и, как Ты, извечная, это Сын Твой, через Которого Ты создал небо и землю... Вот Троица, Боже мой: Отец и Сын и Святой Дух, создатель всякого создания.

От полноты благодати Твоей возникла всякая тварь: от нее Тебе никакой пользы; исходя от Тебя, она не равна Тебе, и, однако, должно быть место и ей, доброй, потому что от Тебя получила она свое существование.

Господь всемогущий, Ты создал нечто из «ничего», Началом, которое от Тебя, Мудростью Твоей, рожденной от субстанции Твоей. Ты создал небо и землю не из Своей субстанции: иначе творение Твое было бы равно Единородному Суну Твоему, а через него и Тебе.¹

Вначале сотворил бог небо и землю (Быт.1,1). Как же ты сотворил их? И какие средства, какие приготовления, какой механизм употребил ты для этого громадного дела? Конечно, ты действовал не как человек-художник, который образует какую-нибудь вещь из вещи же [тело из тела] по своему разумению, имея возможность дать ей такую форму, какую указывают ему соображения его ума... Этот художник-человек всем обязан тебе: ты устроил его тело так, что он посредством разных членов совершает разные действия, а чтобы эти члены были способны к деятельности, ты вдунул в телесный состав его душу живую (Быт.11,7), которая движет и управляет ими; ты доставил ему и материал для художественных работ; ты даровал ему способность ума, чтобы постигать тайны искусства и наперед обнимать мыслью то, что предполагает он произвести... Но как ты творишь всё это? Как сотворил ты, всемогущий боже, небо и землю? Конечно, не на небе и не на земле творил ты небо и землю; ни в воздушных странах, ни в глубинах морских, потому что и воздух, и вода принадлежат к небу и земле; не могло это совершиться нигде и в целом мире, чтобы мир творился в мире, потому что мира не было до сотворения его и он никак не мог быть поприщем своего творения. Не было ли у тебя под руками какой-нибудь материи, из которой мог ты сотворить небо и землю? Но откуда взялась бы эта материя, не созданная тобою, а между тем послужившая материалом для твоего творчества? Допущением такой материи неизбежно ограничивалось бы твоё всемогущество... До творения твоего ничего не было, кроме тебя, и... всё существующее зависит от твоего бытия².

Вечность и время

Что обыкновеннее бывает у нас предметом разговора, как не время? И мы, конечно, понимаем, когда говорим о нем или слышим от других. Что же такое, еще раз повторяю, что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но, как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик. Между тем вполне сознаю, что если бы ничего не приходило, то не было бы прошедшего, и если бы ничего не проходило, то не было бы будущего, и если бы ничего не было действительно существующего, то не было бы и настоящего времени. Но в чем состоит сущность первых двух времен, т.е. прошедшего и будущего,

¹ Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 1991. – С. 55, 313, 351, 340, 345.

² Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969. – С. 584-585.

когда и прошедшего уже нет, и будущего еще нет? Что же касается до настоящего, то, если бы оно всегда оставалось настоящим и никогда не переходило из будущего в прошедшее, тогда оно не было бы временем, а вечностью. А если настоящее остается действительным временем при том только условии, что через него переходит будущее в прошедшее, то, как мы можем приписать ему действительную сущность, основывая ее на том, чего нет? Разве в том только отношении, что оно постоянно стремится к небытию, каждое мгновение переставая существовать.

Можно измерять время только текущее, а прошедшее, равно как и будущее, которых нет в действительности, не могут подлежать нашему наблюдению и измерению.

Говоря все это о времени, я ничего не утверждаю, а только доискиваюсь истины и пытаюсь узнать ее. Руководи же мною, отец мой, господи мой и, боже мой, и будь путеводною звездою рабу твоему... Не скажут ли мне, что и эти времена, прошедшее и будущее, так же существуют; только одно из них (будущее), переходя в настоящее, приходит непостижимо для нас откуда-то, а другое (прошедшее), переходя из настоящего в свое прошедшее, отходит непостижимо для нас куда-то, подобно морским приливам и отливам? И в самом деле, как могли, например, пророки, которые предсказывали будущее, видеть это будущее, если бы оно не существовало? Ибо того, что не существует, и видеть нельзя... Итак, надобно полагать, что и прошедшее, и будущее время также существуют, хотя непостижимым для нас образом. Теперь ясно становится для меня, что ни будущего, ни прошедшего не существует, и что неточно выражаются о трех временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее; а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего. Только в душе нашей есть соответствующие тому три формы восприятия, а не где-нибудь инде (т.е. не в предметной действительности). Так, для настоящего прошедших предметов есть у нас память или воспоминание; для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание, а для настоящего будущих предметов есть у нас чаяние, упование, надежда. Говоря таким образом, я не затрудняюсь в понимании тройственности времени, оно становится тогда для меня ясным, и я признаю его тройственность.¹

Времен не было бы, если бы не было творения, которое изменило нечто некоторым движением. Моменты этого движения и изменения, поскольку совпадать не могут, оканчиваясь и сменяясь другими, более краткими или болсе продолжительными промежутками, и образуют время. Итак, если бог, в вечности которого нет никакого изменения, есть творец и устроитель времени, то я не понимаю, каким образом можно утверждать, что он сотворил мир спустя известное количество времени? Разве уже утверждать, что и прежде мира существовало некоторое творение, движение которого давало

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969. – С. 582-588.

течение времени? Но если священные и в высшей степени достоверные Писания говорят: вначале сотвори бог небо и землю (Быт. 1,1), чтобы дать понять, что прежде он ничего не творил... то нет никакого сомнения, что мир сотворен не во времени, но вместе с временем... Несомненно, что мир сотворен вместе с временем, если при сотворении его произошло изменяющееся движение, как представляет это тот порядок первых шести или семи дней, при которых упоминаются и утро, и вечера, пока все, что сотворил бог в эти шесть дней, не завершено было седьмым но было седьмым дьмой день, с указанием на великую тайну, не упоминается о покое Божиим.¹

Душа, познание, вера, разум

Тогда я обратился к себе и сказал: «Ты кто?» и ответил: «Человек». Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая – внутри меня. У кого из них спрашивать о Боге моем...? Лучше, конечно, то, что внутри меня. Все телесные вестники возвестили душе моей, судье и председательнице, об ответах неба, земли и всего, что на них. Они гласили: «Мы не боги; Творец наш, вот Он». Внутреннему человеку сообщил об этом состоящий у него в услужении внешний; я, внутренний, узнал об этом, – я, душа, через твои телесные чувства.

Так раздельно и по родам сохраняется все, что внесли внешние чувства, каждые своим путем: глаза сообщили о свете, о всех красках и формах тел; уши – о всевозможных звуках; о всех запахах – ноздри; о всех вкусах – рот; все тело в силу своей общей чувствительности – о том, что твердо или мягко, что горячо или холодно, гладко или шероховато, тяжело или легко, находится вне или в самом теле. Все это память применяет для последующей, если она потребуется, переработки и обдумывания в свои обширные кладовые...

Входят, однако, не сами чувственные предметы, а образы их, сразу же предстающие перед умственным взором того, кто о них вспомнил.

Итак, мы находим следующее: познакомиться с тем, о чем мы узнаем не через образы, доставляемые органами чувств, а без образов, через внутренне созерцание, представляющее нам созерцаемое в подлинном виде, – это значит не что иное, как подумать и как бы собрать то, что содержала память разбросано и в беспорядке, и внимательно расставить спрятанное в ней, о заброшенное и раскиданное, расставить так, чтобы оно находилось в самой памяти как бы под рукой и легко появлялось при обычном усилии ума.²

Философией называется не самая мудрость, а любовь к мудрости; если ты к ней обратишься, то хотя и не будешь мудрым, пока живешь (ибо мудрость у бога и человеку доступна быть не может), однако если достаточно утвердишь себя в любви к ней и очистишь себя, то дух твой после этой

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969. – С. 589.

² Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. – М., 1991. – С. 241, 243, 244, 247.

жизни, т.е. когда перестанешь быть человеком, несомненно, будет владеть ею.

К изучению наук ведет нас двоякий путь – авторитет и разум. По отношению ко времени первенствует авторитет, а по отношению к существу дела – разум. Ибо первое предпочитается, когда нужно располагать, а другое наиболее ценится при достижении... Авторитет же бывает частью божественный, частью человеческий; но истинный, прочный и высший авторитет тот, который называется божественным.

Когда мы умозаключаем, то это бывает делом души. Ибо это дело лишь того, что мыслит; тело же не мыслит; да и душа мыслит без помощи тела...

Разум есть взор души, которым она сама собою, без посредства тела, созерцает истинное... Все, что мы созерцаем, мы схватываем мыслью, чувством или разумением. Но то, что мы схватываем чувством, мы чувствуем существующим вне нас и заключенным в пространстве.¹

Августин. Я считаю также очевидным, что это внутреннее чувство воспринимает не только то, что оно получает от пяти телесных чувств, но также и то, что они воспринимаются им. Ведь животное движется, или, устремляясь к чему-либо, или избегая чего-либо, не иначе как ощущая, что оно ощущает, не ради познания, ведь это присуще разуму, но только ради движения, которое оно отнюдь не воспринимает посредством какого-нибудь из пяти чувств. То, что еще непонятно, прояснится, если ты обратишь внимание на то, что, например, есть в каком-либо одном чувстве, положим в зрении. Ведь в самом деле, открыть глаза и двигаться, глядя, к тому, что оно стремится увидеть, животное никоим образом не смогло бы, если бы не ощущало, что оно не видит этого, так как глаза закрыты или не туда устремлены. Если же животное ощущает себя невидящим, в то время как оно не видит, то необходимо, чтобы оно также ощущало себя видящим; ведь поскольку по тому же побуждению, благодаря которому оно, не видя, движет глазами, оно, видя, не движет ими, оно показывает, что ощущает и то и другое. Но воспринимает ли и саму себя та жизнь, которая воспринимает, что сама она ощущает телесное? Это не совсем ясно: разве только каждый, спросив себя самого, обнаруживает, что всякое живое существо избегает смерти, а коль скоро та противоположна жизни, необходимо, чтобы жизнь, которая избегает своей противоположности, также воспринимала саму себя. Если это не прояснилось до сих пор, то пусть оно будет опущено, дабы мы стремились к тому, чего желаем, только на основании твердых и очевидных доказательств. Ибо очевидным является то, что телесное воспринимается телесным чувством, а это чувство не может быть воспринято тем же самым чувством. Чувством же внутренним воспринимаются и телесные вещи – через посредство телесного чувства, и само телесное чувство. Разумом познается и все упомянутое, и он сам, и им же удерживается знание.

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969. – С. 583-595.

Эннодий. К тому, что только есть.

Августин. Как так? К какому роду из этих трех, по твоему мнению, относится само чувство?

Эннодий. К тому, что живет.

Августин. А как ты думаешь, что из этих двух лучше, само чувство или то, что чувству доступно?

Эннодий. Чувство, разумеется.

Августин. Почему?

Эннодий. Ибо то, что также и живет, лучше, чем то, что только есть.

Августин. Почему же? Неужели то внутреннее чувство, которое, как мы ранее отыскиали, стоит ниже разума и к тому же является у нас общим с животными, ты усомнишься предпочесть тому чувству, посредством которого мы соприкасаемся с телами и которое, как ты уже сказал, следует предпочесть самому телу?

Эннодий. никоим образом не усомнился бы.

Августин. Почему же ты не усомнишься в этом, я хочу от тебя услышать. Ведь ты не сможешь сказать, что это внутреннее чувство следует отнести к тому из тех трех, что также разумеет, а до сих пор относил его к тому, что и есть, и живет, хотя лишено разума: ибо это чувство присуще и животным, у которых нет разума. Если это так, я спрашиваю, почему ты предпочитаешь внутреннее чувство тому чувству, посредством которого ощущается телесное, коль скоро и то и другое относится к тому, что живет? То же чувство, которое воспринимает тела, ты предпочел телам потому, что они относятся к тому, что только есть, а оно относится к тому, что также и живет: а коль скоро в этом же роде находится и названное внутреннее чувство, почему, скажи мне, ты считаешь его лучшим? Ведь если ты скажешь: потому что оно само ощущает, я не поверю, что ты нашел правило, которое мы могли бы принять, а именно, что все ощущающее лучше, чем то, что оно ощущает, дабы мы в силу этого, пожалуй, не были бы принуждены также сказать, что все разумеющее лучше, чем то, что оно разумеет. Но ведь это ложно, ибо человек мыслит о мудрости и не является лучшим, чем сама эта мудрость. Поэтому посмотри, по какой причине тебе кажется, что внутреннее чувство следует предпочесть тому чувству, посредством которого мы воспринимаем тела?

Эннодий. Потому что, как я знаю, первое является неким управителем и судьей последнего. Ибо если последнее в чем-то не исполняет свои обязанности, то первое настоятельно требует как бы причитающегося ему от слуги, о чем шла речь немногим ранее. Ведь чувство зрения не видит, видит ли оно или не видит, и так как оно не видит этого, то не может судить о том, чего ему не хватает или чего у него в достатке; а знает об этом то внутреннее чувство, которое побуждает душу животного и открыть закрытые глаза и восполнить то, нехватку чего оно ощущает. Напротив, нет никакого сомнения, что тот, кто судит, является лучшим по сравнению с тем, о чем он судит.

Августин. Итак, ты считаешь, что и это телесное чувство некоторым образом судит о телах? Ведь к нему относятся удовольствие и боль, поскольку тело воздействует на него либо нежно, либо резко. Действительно, подобно тому как это внутреннее чувство судит о том, чего хватает или недостает чувству зрения, так само чувство зрения судит о том, чего хватает или недостает цветам. Равным образом, подобно тому как это внутреннее чувство судит о нашем слухе, является ли он достаточно тонким или нет, так и сам слух судит о звуках, какой из них раздается нежно, а какой звучит резко. Нет необходимости перечислять прочие телесные чувства; ибо, как я полагаю, ты уже понял, что я хотел сказать, а именно: что это внутреннее чувство судит о телесных чувствах, коль скоро оно и оценивает безукоризненность их, и настоятельно требует от них причитающегося ему, точно так же и сами телесные чувства судят о телах, приемля нежное прикосновение их и не приемля противоположного.

Эннодий. Действительно, я вижу и согласен, что это в высшей степени истинно.

Августин. А теперь подумай, судит ли разум и об этом внутреннем чувстве. Ибо я сейчас не спрашиваю, сомневаешься ли ты, что он лучше, чем оно, так как я не сомневаюсь в том, что ты так полагаешь: впрочем, я отнюдь не считаю, что нужно еще исследовать, судит ли разум об этом чувстве. Ведь относительно того, что ниже разума, то есть относительно тел, телесных чувств и внутреннего чувства, что же, как не сам разум, указывает, каким образом одно лучше другого и насколько сам он их превосходит? Конечно, он никоим образом не смог бы сделать это, если бы сам не судил о них.

Эннодий. Очевидно.

Августин. Следовательно, коль скоро ту природу, которая только есть, а не живет и не понимает, каковым является безжизненное тело, превосходит та природа, которая не только есть, но также и живет, хотя и не понимает, такая как душа животных и, в свою очередь, эту природу превосходит та, которая одновременно и есть, и живет, и понимает, каковым в человеке является мыслящий ум, — полагаешь ли ты, что в нас, то есть в тех, чья природа такова, что мы суть люди, может быть найдено что-нибудь лучшее, нежели то, что из этих трех мы поставили на третьем месте? В самом деле, очевидно, что мы имеем и тело, и некую жизнь, благодаря которой тело одушевляется и растет — эти два начала мы признаем также у животных; и мы имеем нечто третье — как бы главу нашей души или ее око, или что-нибудь такое, если только можно сказать нечто более подобающее о разуме и разумении, которыми не надделсна природа животных. Поэтому, прошу тебя, посмотри, сможешь ли ты найти в природе человека что-либо более возвышенное, нежели разум.

Эннодий. Я не вижу совершенно ничего лучшего.

Августин. Что, если бы мы смогли найти нечто такое, относительно чего ты бы не сомневался, что оно не только есть, но и превосходит наш разум? Неужели бы ты не решился все, являющееся таковым, назвать Богом?

Эннодий. Если бы я смог найти нечто лучшее, нежели то, что в моей природе является наилучшим, то я не сказал бы тотчас же, что это и есть Бог. Ибо мне угодно называть Богом не то, по сравнению с чем мой разум есть нечто низшее, а то, выше чего ничего нет.

Августин. Именно так, ибо сам он предписал твоему разуму, чтобы тот думал о нем так благочестиво и истинно. Но я тебя спрашиваю, если ты не найдешь ничего иного, что было бы выше нашего разума, кроме чего-то вечного и неизменного, неужели ты не решишься назвать это Богом? Ведь ты знаешь, что и тела изменчивы, и сама жизнь, которая одушевляет тела, очевидно, не лишена изменчивости ввиду ее различных состояний, да и сам разум, поскольку он то пытается достичь истинного, то не пытается, и иногда достигает, а иногда – нет, показывает, что он, конечно же, является изменчивым. Если, не используя никакого телесного органа, ни осязания, ни вкуса, ни обоняния, ни ушей, ни глаз, ни какого-либо чувства, низшего по отношению к разуму, но только через себя самого разум познает нечто вечное и неизменное, то пусть он признает одновременно и то, что сам он ниже этого, и то, что именно это и есть его Бог.

Эннодий. Я, конечно же, признаю Богом то, относительно чего будет установлено, что выше его ничего нет.

Августин. Прекрасно. Ведь мне достаточно будет показать, что есть нечто в этом роде, и ты или признаешь, что это и есть Бог, или, если есть нечто высшее, согласишься, что оно-то и является Богом. Поэтому, есть ли нечто высшее или нет, все равно будет очевидно, что Бог есть, коль скоро я, как и обещал, показал с его же помощью, что он выше разума.¹

Итак, что я разумею, тому и верю; но не все, чему я верю, то и разумею. Все, что я разумею, то я знаю; но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю.

Старайся дознать, что такое высшее согласие: вне себя не выходи, а сосредоточься в самом себе, ибо истина живет во внутреннем человеке.²

Общество и история

Чтобы род человеческий был объединен не только общностью природы, но и связан в известном смысле узами кровного родства, Богу было угодно произвести людей от одного человека. Сказали также, что этот род не умирал бы и в отдельных личностях, если бы этого не заслужили своим неповиновением два первых человека, из которых самый первый был создан из ничего, а другой – из первого. Они совершили такое великое преступление, что вследствие его изменилась в худшую сторону сама человеческая природа, переданная потомству уже повинной греху и неизбежной смерти. Царство же смерти до такой степени возобладаало над людьми, что увлекло бы всех, как к заслуженному наказанию, во вторую

¹ Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. – М., 1991. – С. 159-162.

² Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969. – С. 597, 599

смерть, которой нет конца, если бы незаслуженная благодать Божия не спасала от нее некоторых. Отсюда вышло так, что, хотя такое множество столь многочисленных народов, живущих на земле каждый по особым уставам и обычаям, и отличается друг от друга разнообразием языков, оружия, утвари, одежд, тем не менее существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которые мы, следуя Писаниям своим, можем назвать двумя градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире только по плоти, другой – из желающих жить также и по духу. Когда каждый из них добивается своего, каждый в соответствующем мире и живет.

Образовались два различные и противоположные друг другу града потому, что одни стали жить по плоти, а другие по духу, может быть выражено и так, что два града образовались потому, что одни живут по человеку, а другие по Богу.

Два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, дошедшею до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе. Первый полагает славу свою в самом себе, второй – в Господе. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава – Бог, свидетель совести. Тот в славе своей возносит главу, а этот говорит Богу своему: «Ты, Господи, слава моя, и Ты возносишь голову мою» (Пс. III, 4). Тем правит похоть господствования, в этом служат друг другу по любви. Тот любит в своих лучших людях свою же силу, а этот говорит: «Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя!» (Пс. XVII, 2). Поэтому в том граде мудрые его, живя по человеку, добивались некоторых благ для тела или души своей, или для того и другого разом, но которые могли познать Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми (т. е. превозносясь под влиянием гордости своею мудростью), обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся (ибо в почитании идолов этого рода были или вождями народов, или последователями); и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки» (Рим. I, 21-25). В этом же граде нет иной мудрости, кроме благочестия, которое правильно почитает истинного Бога, ожидая в обществе святых, не только людей, но и ангелов, той награды, когда «будет Бог все во всем» (I Кор. XV, 28).

Мы находим в земном граде две части: одна представляет саму действительность этого града, а другая служит посредством этой действительности для предызображения града небесного. Граждан земного града рождает испорченная грехом природа, а граждан града небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха.

Первым основателем земного града был братоубийца, из зависти убивший своего брата, гражданина вечного града. Неудивительно, что спустя столько времени, при основании того города, который должен был стать во главе этого земного града, о котором мы говорим, и царствовать над столь

многими народами, явилось в своем роде подражание этому первому примеру, или, как говорят греки, архетипа.

Земной град, который не будет вечным (потому что не будет уже градом, когда будет осужден на вечное наказание), имеет свои блага на земле, которым и радуется, насколько возможна радость о таких вещах. И так как нет такого блага, которое не создавало бы затруднений тем, кто привязан к нему, то и этот град очень часто разделяется сам в себе, вступая в споры, войны и сражения и добиваясь побед, несущих пред собою смерть или, по крайней мере, смертных. Ибо, какою бы своею частью он не восстал войной на другую часть, он хочет быть победителем племен, хотя сам находится в плену у пороков. И если он, победив, делается более гордым, победа его несет пред собою смерть; а если, приняв в соображение условия и общую судьбу человеческих дел, он более тревожится возможными в будущем несчастными случайностями, чем превозносится прошлой удачей, то тем более победа его – смертна. Ибо он не может, пребывая постоянно, вечно властвовать над теми, кого смог подчинить себе победой.

Итак, охарактеризовав два града: один, как живущий действительностью этого века, другой – надеждою на Бога, но оба вышедшие из одной общей двери смертности, которая открылась в Адаме, чтобы стремиться к различному, каждому из них свойственному и должному концу, писатель начинает исчисление времен. При этом он переходит к другим поколениям, но сначала повторяет сказанное им прежде об Адаме, из осужденного потомства которого, как бы из одной массы, преданной заслуженному наказанию, Бог сотворил одни сосуды гнева не в честь, другие же сосуды в честь; тем воздавая должное в наказании, этим даруя недолжное по благодати так, чтобы по самому сравнению с сосудами гнева Божия вышний, странствующий на земле град мог научиться, что не должно полагаться на свободу собственной воли, но уповать призывать имя Господа Бога. Ибо свободная воля, хотя по природе сотворена доброю добрым Богом, но сотворена изменяемою Неизменяемым; потому что сотворена из ничего. Она поэтому и может отклоняться от добра, чтобы творить зло, которое зависит от свободного произвола; равно и отклоняться от зла, чтобы творить добро, которое не совершается без божественной помощи.

Потом говорится об их распространении [Града Земного и Града Божьего] от первого человека до потопа; и затем, как в истории, так и в нашем сочинении, оба града продолжают идти совместно вплоть до Авраама. Но начиная с патриарха Авраама до времени царей Израильских и от этого времени до пришествия во плоти самого Спасителя, мое сочинение повествует о распространении одного только града Божия, хотя в настоящем веке этот град не жил обособленно, но оба они, как и с самого начала, всегда вместе в зависимости от успехов того или другого в делах человеческих сообщали временам различный характер. Это я сделал для того, чтобы с первого момента, как обетования Божий начали быть более ясными, и до самого рождения от Девы Того, в Ком должно было исполниться

обетованное, судьбы града Божия, не переплетаясь с противоположными судьбами другого града, обрисовывались отчетливей; хотя до откровения Нового завета он ходил не в свете, а в тени.¹

Фома Аквинский (1225/26 – 1274) – выдающийся философ европейского средневековья, идеолог католической церкви, родоначальник философского направления томизма. В молодые годы вступил в орден доминиканцев и посвятил себя духовному служению.

После смерти Фоме Аквинскому был присвоен титул «ангельский доктор», а в 1323 г. он был причислен католической церковью к лику святых.

В двух своих фундаментальных трудах «Сумма теологии» и «Сумма философии» Фома попытался систематизировать современные ему воззрения на все стороны человеческого бытия и духа.

Теология и наука

Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотносен с богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом... Между тем должно, чтобы цель была заранее известна людям, дабы они соотносили с ней свои усилия и действия. Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через Божественное Откровение.

Притом даже и то знание о Боге, которое может быть добыто человеческим разумом, по необходимости должно быть преподано человеку через Божественное Откровение, ибо истина о Боге, отысканная человеческим разумом, была бы доступна немногим, притом не сразу, притом с примесью многочисленных заблуждений, между тем как от обладания этой истиной целиком зависит спасение человека, каковое обретается в Боге. Итак, чтобы люди достигли спасения и с большим успехом, и с большей уверенностью, необходимо было, чтобы относящиеся к Богу истины Богом же и были преподаны в Откровении.

Итак, было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на Откровении.

Хотя человек не обязан испытывать разумом то, что превышает возможности человеческого познания, однако же то, что преподано Богом в Откровении, следует принять на веру.

Различие в способах, при помощи которых может быть познан предмет, создает многообразие наук... Нет никаких препятствий, чтобы те же самые

¹ Августин Блаженный. О Граде Божием. – Минск: Харвест, 2000. – С. 653, 703-704, 707-713, 754-756, 901-902.

предметы, которые подлежат исследованию философскими дисциплинами в меру того, что можно познать при свете естественного разума, исследовала наряду с этим и другая наука в меру того, что можно познать при свете Божественного Откровения. Отсюда следует, что теология, которая принадлежит к священному учению, отлична по своей природе от той теологии, которая полагает себя составной частью философии.

Священное учение есть наука. Следует, однако, знать, что природа наук бывает двоякой. Одни из них таковы, что зиждутся на основоположениях, непосредственно отысканных естественной познавательной способностью, как-то: арифметика, геометрия и другие в этом же роде. Другие таковы, что зиждутся на основоположениях, отысканных при посредстве иной, и притом высшей дисциплины... Священное учение есть такая наука, которая относится ко второму роду, ибо она зиждется на основоположениях, выясненных иной, высшей наукой; последняя есть то знание, которым обладает Бог...

Эта наука [теология] может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не у других наук, но непосредственно от Бога через Откровение. Притом она не следует другим наукам, как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним как подчиненным ей служанкам... И само то обстоятельство, что она все-таки прибегает к ним, проистекает не от ее недостаточности или неполноты, но лишь от недостаточности нашей способности понимания: последнюю легче вывести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука.

Пять доказательств бытия Бога

По закону своей природы человек приходит к умопостигаемому через чувственное, ибо все наше познание берет исток в чувственных восприятиях.

Путь доказательства может быть двояким. Либо он исходит из причины, основываясь на том, что первично само по себе. Либо он исходит из следствия, основываясь на том, что первично в отношении к процессу нашего познания. В самом деле, коль скоро какое-либо следствие для нас призрачнее, нежели причина, то мы вынуждены постигать причину через следствие... Бытие Божие, коль скоро оно не является самоочевидным, должно быть нами доказано через свои доступные нашему познанию следствия.

Бытие Божие может быть доказано пятью путями.

Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения... В этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное. Ведь оно движется лишь потому, что находится в потенциальном состоянии относительно того, к чему оно движется. Сообщать же движение нечто может постольку, поскольку оно находится в акте: ведь сообщать движение есть ни что иное, как переводить предмет из потенции в

акт. Но ничто не может быть переведено из потенции в акт иначе чем через посредство некоторой актуальной сущности... Невозможно, однако, чтобы одно и то же было одновременно и актуальным, и потенциальным в одном и том же отношении. Невозможно, чтобы нечто было одновременно и движущим, и движимым. Следовательно, то, что движется, должно иметь источником своего движения нечто иное. Коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет, и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности... Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют Бога.

Второй путь исходит из понятия производящей причины. В самом деле, мы обнаруживаем в чувственных вещах последовательность производящих причин; однако не обнаруживается и невозможен такой случай, чтобы вещь была своей собственной производящей причиной; тогда она предшествовала бы самой себе, что невозможно. Нельзя помыслить и того, чтобы ряд производящих причин уходил в бесконечность... Но если ряд производящих причин уходил бы в бесконечность, отсутствовала бы первичная производящая причина; а в таком случае отсутствовали бы и конечное следствие, и промежуточные производящие причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют Богом.

Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости. Мы обнаруживаем среди вещей такие, для которых возможно и быть и не быть; коль скоро нечто может перейти в небытие, оно когда-нибудь перейдет в него. Если же все может не быть, когда-нибудь в мире ничего не будет. Но если это истинно, уже сейчас ничего нет, ибо не-сущее не приходит к бытию иначе, как через нечто сущее. Итак, если бы не было ничего сущего, невозможно было бы, чтобы что-либо перешло в бытие, и потому ничего не было бы, что очевидным образом ложно. Не все сущее случайно, но в мире должно быть нечто необходимое. Однако все необходимое либо имеет некоторую внешнюю причину своей необходимости, либо не имеет. Между тем невозможно, чтобы ряд необходимых сущностей, обуславливающих необходимость друг друга, уходил в бесконечность. Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую саму по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но самое составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это есть Бог.

Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах. Мы находим среди вещей более или менее совершенные, или истинные, или благородные; и так обстоит дело и с прочими отношениями того же рода. Но о большей или меньшей степени говорят в том случае, когда имеется различная приближенность к некоторому пределу... Итак, есть нечто в предельной степени обладающее истиной, и совершенством, и благородством, а следовательно, и бытием; ибо то, что в наибольшей степени истинно, в наибольшей степени есть... Но то, что в

предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина всех проявлений этого качества... Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем Богом.

Пятый путь исходит из распорядка природы. Мы убеждаемся, что предметы, лишенные разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Это явствует из того, что их действия или всегда, или в большинстве случаев направлены к наилучшему исходу. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей. Поскольку же сами они лишены разума, они могут подчиняться целесообразности лишь постольку, поскольку их направляет некто одаренный разумом и пониманием, как стрелок направляет стрелу. Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем Богом.

Бог. Материя и форма. Потенция и акт

Первичная сущность по необходимости должна быть всецело актуальной и не допускать в себе ничего потенциального. Правда, когда один и тот же предмет переходит из потенциального состояния в актуальное, по времени потенция предшествует в нем акту; однако сущностно акт предшествует потенции, ибо потенциально сущее может перейти в актуальное состояние лишь при помощи актуально сущего.

Мы полагаем Бога как первоначало не в материальном смысле, но в смысле производящей причины; и в таком качестве он должен обладать наивысшим совершенством. Если материя, поскольку она является таковой, потенциальна, то движущее начало, поскольку оно является таковым, актуально. Отсюда действующему первоначалу приличествует быть в наивысшей степени актуальным и потому в наивысшей степени совершенным. Ведь совершенство предмета определяется в меру его актуальности; совершенством называют то, что не испытывает никакой недостаточности в том роде, в котором оно совершенно.

Итак, следует разуметь, что бесконечное именуется так потому, что оно ничем не ограничено. Между тем и материя некоторым образом ограничена формой, и форма – материей. Материя ограничена формой постольку, поскольку до принятия формы она потенциально открыта для многих форм, но, как только воспринимает одну из них, через нее становится замкнутой. Форма замкнутой. Форма материей постольку, поскольку форма сама по себе обща многим вещам. Но после того, как ее воспримет материя, она воспринимается как форма данной вещи.

Ничто, кроме Бога, не может быть бесконечным безусловно, оно таково лишь условно.

Время и вечность

Очевидно, что время и вечность не суть одно и то же. Смысл же этого различия некоторые ищут в том, что вечность лишена начала и конца, а время имеет начало и конец. Однако это различие имеет акцидентальный (преходящий, несущественный), а не сущностный характер...

Коль скоро вечность есть мера пребывания, в той степени, в которой предмет отдалается от пребывания в бытии, он отдалается и от вечности. Притом некоторые предметы настолько отдалаются от устойчивого пребывания, что их бытие подвержено изменениям или состоит в изменении, и такие предметы имеют своей мерой время; таковы всяческие движения, а также бытие бранных вещей. Однако другие предметы менее отдалаются от устойчивого пребывания... Такие предметы имеют своей мерой век, который занимает промежуточное место между вечностью и временем...

Итак, время имеет «прежде» и «после». Век не имеет в себе «прежде» и «после», но может вступать с ними в соединение. Вечность же не имеет в себе «прежде» и «после» и не терпит их рядом с собой.

Теория познания

Нам свойственно от природы познавать то, что обретает свое бытие лишь в прошедшей индивидуализации материи, ибо душа наша, посредством которой мы осуществляем познание, есть форма некоторой материи. Но душа имеет две возможности познания. Первая состоит в акте некоторого телесного органа; ей свойственно распространяться на вещи постольку, поскольку они даны в прошедшей индивидуализации материи; отсюда ощущение познает лишь единичное. Вторая познавательная возможность души есть интеллект, который не есть акт какого-либо телесного органа. Отсюда через интеллект нам свойственно познавать сущности... Итак, сотворенный интеллект не может созерцать Бога в его сущности, кроме как в меру того, что Бог по своей милости соединяется с сотворенным интеллектом, как предмет, открытый разуму.

Познание любого познающего получает свои пределы от модуса формы, которая есть первоначало познания. В самом деле, чувственный образ, содержащийся в ощущении, есть подобие лишь одного единичного предмета, и потому через него может быть познан лишь один единичный предмет. Но умопостигаемый образ в нашем интеллекте есть подобие вещи в соответствии с родовым естеством, которое может быть усвоено бесчисленным множеством частных вещей. Так, наш интеллект через индивидуальный образ человека познает некоторым образом бесконечное множество людей, но не в тех различиях, которые они имеют между собой, а лишь в объединяющем их родовом естестве.

Проблема истины

Философ определяет, что первая философия есть знание истины, не какой угодно, а той истины, которая есть источник всякой истины и которая

относится к первому началу бытия для всех вещей; откуда следует, что эта истина есть начало всякой истины, ибо распорядок вещей в истине такой же, как и в бытии.

Истинное... в своем исходном смысле находится в интеллекте. В самом деле, коль скоро всякий предмет может быть истинным постольку, поскольку имеет форму, соответствующую его природе, с необходимостью следует, что интеллект, поскольку он познает, истинен в меру того, насколько он имеет подобие познанного предмета, которая есть форма, коль скоро он есть интеллект познающий. И поэтому истина определяется как согласованность между интеллектом и вещью. Отсюда познать эту согласованность означает познать истину.

Познание истины двояко: это либо познание через природу, либо познание через благодать. И то познание, которое происходит через благодать, в свою очередь двояко: первый вид познания исключительно умозрителен, как то, когда некоторому лицу открываются некоторые божественные тайны. Другой род познания связан с чувством и производит любовь к Богу. И последнее – есть особое свойство дара мудрости.

О природе души

Душой называют первичное начало жизни во всем живущем в нашем мире. Только первичное начало жизни мы называем душой. И вот, хотя некоторое тело и может быть в своем роде началом жизни, как-то: сердце есть начало жизни для животного, однако никакое тело не может быть первичным началом жизни.

Начало интеллектуальной деятельности, которое мы именуем человеческой душой, есть некоторое бестелесное и самосущее начало. Ведь очевидно, что через посредство интеллекта человек способен познавать природы всех тел.

Необходимо сказать, что интеллект, который есть начало интеллектуального действия, есть форма человеческого тела... Следовательно, то начало, прежде всего благодаря которому мы мыслим, называть ли его интеллектом ли мыслящей душой, есть форма тела.

В человеке не присутствует никакой иной субстанциональной формы, помимо одной только субстанциональной души, и что последняя, коль скоро она виртуально содержит в себе душу чувственную и душу вегетативную, равным образом содержит в себе формы низшего порядка.

Коль скоро, однако, душа соединяется с телом в качестве его формы, необходимо, чтобы она пребывала во всем теле в целом и в каждой его части.

Сущность зла

Коль скоро Бог есть всеобщий распорядитель всего сущего, должно отнести к его провидению то, что он позволяет отдельным недостаткам существовать в некоторых частных вещах, дабы не потерпело ущерба совершенство всеобщего блага. В самом деле, если устранить все случаи зла,

то в мироздании недоставало бы многих благ. Так, без убийства животных была бы невозможна жизнь львов, а без жестокости тиранов – стойкость мучеников.

И вот, подобно тому, как совершенство Вселенной требует, чтобы были не только вечные, но и бранные сущности, точно также совершенство Вселенной требует, чтобы были некоторые вещи, которые могут отступить от своей благодати; поэтому они и в самом деле время от времени делают это. В этом и состоит сущность зла, т.е. в том, чтобы вещь отступала от блага.¹

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ

1. Каковы особенности средневекового символизма?
2. Сравните и проанализируйте доказательства бытия Бога в теориях Августина Аврелия и Фомы Аквинского.
3. Сформулируйте сущность и содержание средневекового креационизма. Охарактеризуйте идею «Бог как абсолютное бытие».
4. Проанализируйте космологическое учение Августина Аврелия. Как он понимал категорию «время».
5. Охарактеризуйте понимание средневековыми мыслителями соотношения веры и разума.
6. Проанализируйте взгляд на человека и общественную жизнь с точки зрения средневековой философии.
7. Сравните и проанализируйте теорию познания Августина Аврелия и Фомы Аквинского.
8. В чем состоит сущность спора об универсалиях?

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969. – С. 824-837, 838, 840, 843-844, 850, 852.

ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Николай Кузанский (1401–1464) – теолог, философ и крупный ученый своего века (особенно в области математики, астрономии и географии), родоначальник ренессансного платонизма, критик средневековой схоластики. В 1448 г. был назначен кардиналом римско-католической церкви и стал одним из виднейших ее руководителей. Написал большое количество богословских и философских произведений (в первых нередко содержатся и философские идеи, а философские нередко трактуют теологические темы). Основные труды: трактат «Об ученом незнании» (1440), «О предположениях» (1441), «О вершине созерцания» (1464), «Об искании Бога», «Апология ученого незнания» (1449), четыре диалога, объединенных общим названием «Простец» (1450) и др. работы.

Что такое «ученое незнание»?

Мы видим, что по божьей милости все в природе содержит в себе самопроизвольное стремление существовать лучше, поскольку это допускают естественные условия... Здоровый и свободный разум, стремящийся ненасытно, в силу врожденного ему искания, постигнуть истину, познает ее, крепко охватывая любовными объятиями... Всякое исследование основано на сравнении и пользуется средством сопоставлений. Всякое искание состоит в легком или трудном сравнительном сопоставлении, и вот почему бесконечное, которое ускользает как бесконечное от всякой пропорции, – неизвестно. Пропорция, выражающая согласованность в чем-нибудь, с одной стороны, и разобщенность – с другой, не может быть понята без помощи числа. Так и Пифагор настойчиво утверждал, что все установлено и понято на основе чисел.

Уточнение сочетаний в материальных предметах и точное применение известного и неизвестного настолько выше человеческого разумения, что Сократ полагал, что ничего не знает, кроме своего незнания. Равным образом мудрейший Соломон утверждал, что все вещи труднопостижимы и что язык не может их объяснить.

Человек, объятый самым пламенным рвением, может достичь более высокого совершенства в мудрости в том лишь случае, если будет оставаться весьма ученым даже в самом незнании, составляющем его свойство, и тем станет учнее, чем лучше будет знать, что он ничего не знает. С этой целью я предпринял труд – кратко изложить мысли об ученом незнании.

Нам надлежит быть учеными в некотором незнании, стоящем над нашим пониманием, чтобы, не рассчитывая уловить точно истину, как она есть, получить возможность видеть, что существует эта истина, постигнуть которую мы не в состоянии.¹

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 55-56

Бог как абсолютный максимум и минимум

Я называю максимумом нечто такое, больше чего ничего не может быть. Изобилие связано в действительности лишь с единым. Вот почему единство совпадает с максимальной и также является бытием...

Абсолютный максимум единственен, потому что он – все, в нем все есть, потому что он – высший предел. Так как ничто ему не противостоит, то с ним в то же время совпадает минимум, и максимум тем самым находится во всем. А так как он абсолютен, то воздействует в действительности на все возможное, не испытывает сам никакого ограничения, но ограничивает все. Этот максимум, который непоколебимая вера всех народов почитает так же, как Бога, явится в первой книге о человеческом разуме предметом моих посильных исследований...

От него, называемого абсолютным максимумом, исходит универсальное единство, и вследствие этого он пребывает в ограниченном состоянии, как Вселенная, чье единство замкнулось в множественности, без которой она не может быть. Однако, несмотря на то, что в своем универсальном единстве этот максимум охватывает всякую вещь таким образом, что все, что исходит от абсолюта, находится в нем и он во всем, он не мог бы, однако, существовать вне множественности, в которой пребывает, потому что не существует без ограничения и не может от него освободиться... Так как Вселенная существует лишь ограниченным образом во множестве, мы исследуем в самом множестве единый максимум, в котором Вселенная существует в степени максимальной и наиболее совершенной в своем Проявлении и достижении своей цели. Эта Вселенная соединяется с абсолютом, являющимся всеобщей целью...

Простой и абсолютный минимум, являющийся тем, больше чего не может быть, ибо он есть бесконечная истина, – нами постигается непостигаемо... Очищая максимум и минимум от количества, мысленно отбрасывая большое и малое, тебе станет очевидным, что максимум и минимум совпадают. Таким образом, в действительности, максимум, как и минимум, есть превосходная степень... Противоположности существуют лишь для вещей, допускающих нечто превосходящее и превзойденное, с которым они различно сходны. Нет никакого противопоставления абсолютному максимуму, ибо он выше всякой противоположности. Итак, над всяким ходом суждения мы видим, что абсолютная максимальность бесконечна, что ничто ей не противостоит и с ней совпадает минимум.

Из вышесказанного с ясностью вытекает, что абсолютный максимум может быть познан непостигаемо и может быть назван неизреченно... Ничто не может быть наименовано или названо, что не было бы дано в большей или меньшей степени, потому что названия присваиваются усилием рассудка вещам...

Множественность бытия не может встречаться без числа. Отнимите число, и не будет тогда возможности различать вещи, и не будет порядка, пропорции, гармонии и даже самой множественности бытия. Единица есть

начало всякого числа, так как она - минимум; она - конец всякого числа, так как она – максимум. Она, следовательно, абсолютное единство; ничто ей не противостоит; она есть сама абсолютная максимальность: всеблагой Бог.¹

Наименование Бога и утвердительная теология

Единство не есть прозвище Бога того же рода, каким мы называем и под каким понимаем «единство», потому что Бог превосходит всякий разум, тем более превосходит всякое наименование. Имена – результат движения рассудка, который гораздо ниже разума в деле различения вещей. И потому, что рассудок не может преодолеть противоречий, нет и имени, которому не было бы противопоставлено другое, согласно движению нашего рассудка...

Раз никакое отдельное название, вследствие того, что оно имеет непременно нечто отличное от себя, нечто противоположное, не может подойти Богу, разве только в бесконечном приближении, то следует, что одни утверждения недостаточно вески и понятны. Действительно, всякое имя оставляет нечто от его значения, однако ни одно из имен не может подойти Богу, который является также не чем иным, как всем. Вот почему положительные имена если и подходили бы Богу, то лишь в отношении его творений... То, что мы говорим об утвердительных именах, до такой степени верно, что даже наименование триединства и его трех лиц – отца, сына и святого духа – дано по свойству созданий.²

Отрицательная теология

Отрицательная теология так необходима для теологии утвердительной, что без нее Бог не является предметом поклонения как бесконечный Бог, но скорее как творение. Этот культ – идолопоклонство, приписывающее изображению то, что подходит только истине.

Священное незнание учило о невыразимом Боге тому, что он бесконечен, что он больше всего того, что может быть вычислено, и тому, что Бог пребывает на высшей ступени истины. О нем говорят с наибольшей правдивостью... Согласно этой отрицательной теологии, нет ни отца, ни сына, ни святого духа, но есть только бесконечное. Бесконечность как бесконечность не порождает, не порождена, ни от чего не происходит. Потому-то Бог не познаваем ни в веках, ни в будущем, что всякое творение есть относительно него мрак, ибо оно не может понять бесконечный свет, но познает само самого себя.³

Начало же всех вещей есть то, через что, в чем и из чего производится все способно быть произведенным, и однако же начала нельзя достигнуть посредством какой бы то ни было произведенной вещи. Начало есть то, через что, в чем и из чего познается все познаваемое, и все же оно остается недоступным для разума. Подобным же образом оно есть то, через что, из

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 56-57.

² Там же. – С. 60-61.

³ Там же. – С. 61.

чего и в чем выражается все выразимое, и все же оно невыразимо никакими словами. Оно есть также то, через что и из чего определяется все определимое и кончается все, что способно заканчиваться, и все же оно остается неопределимым через определение и нескончаемым через полагание конца.

Величайшее же есть то, выше чего не может ничего быть. И эта высота есть одна лишь бесконечность. Поэтому мудрость, которую все люди, стремясь к ней по природе, ищет с такой страстностью ума, познается не иначе как в знании о том, что она выше всякого знания, и непознаваема, и невыразима никакими словами, и неуразумеваема никаким разумом, неизмерима никакой мерой, незавершима никаким концом, неопределима никаким определением. И поскольку она остается невыразимой для любого красноречия, нельзя себе мыслить конца подобных выражений, ибо то, через что, в чем и из чего существуют все вещи, остается невыразимым для любого мышления.¹

Познание и истина

Все наши мудрейшие и святейшие ученые согласны между собой в утверждении, что видимые вещи суть доподлинно образы невидимых вещей, и что создатель наш может быть видим и познаваем через создания, как в зеркале и в загадке (чувственном символе). Все вещи находятся между собой в связи, скрытой, без сомнения, от нас и непостижимой, но такой, что из всех вещей проистекает одна-единственная Вселенная и что все вещи суть самое единство в единственном максимуме... Если производить исследование при помощи образа, необходимо, чтобы не было ничего, что возбуждало бы то или иное сомнение в образе. Так, все чувственные вещи непрерывно неустойчивы вследствие материальной возможности колебаний, изобилующих в них. Напротив, если взять более абстрактные образы, чем первые, в которых вещи рассматриваются таким образом, что, не будучи лишены совершенно материальных средств, без коих их нельзя было бы представить себе, они не полностью подвержены колебаниям возможного, мы видим, что эти образы очень стойки и хорошо нам известны. Так обстоит дело в математике.

И вот почему мудрецы с большим рвением искали в математике примеров, чтобы разумом проследить эти вещи, и ли один из великих умов древности не изучал трудных вещей при помощи иного какого-либо сходства, кроме как математического...²

Все вещи, воспринятые чувствами, рассудком или разумом, настолько различаются между собой и одна от другой, что между ними нет точного равенства...

В противоположных вещах мы находим излишек и избыток, как в простом и сложном, в абстрактном и конкретном, формальном и

¹ Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 364-365.

² Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 57-58.

материальном, подверженном порче и нетленном и т.п. Из этого следует, что никогда нельзя добиться получения одной из двух противоположностей в чистом виде или предмета, в котором происходит соревнование их в точном равенстве. Все вещи состоят из противоположностей в различных степенях, имеют то больше от этого, то меньше от другого, выявляя свою природу из двух контрастов путем преобладания одного над другим. Так и познание вещей состоит в изысканиях посредством разума, знания; каким образом сложность в одном объекте присоединяется к относительной простоте в другом, простота к многообразию, подверженное порче к нетленному и обратно в другом. Я говорю, что подъем к максимуму и спуск к простому минимуму невозможны, если только нет перехода в бесконечность, как это видно в числе, согласно делению непрерывности... Один только абсолютный максимум есть отрицательная бесконечность, – вот почему он один есть то, чем он может быть вкупе со всемогуществом. Но так как Вселенная объемлет все, что не есть Бог, то она и не может быть отрицательной бесконечностью, хотя не имеет предела и благодаря этому остается отрицательной.¹

Разум не может ничего постигнуть, что не было бы уже в нем самом в сокращенном, ограниченном состоянии. В процессе постижения разум раскрывает целый мир уподоблений, пребывающий в нем в сокращенном, ограниченном виде, вместе со знаниями и обозначениями, основанными на подобиях.²

Познание через чувственность является сокращенным, ограниченным познанием, ибо ощущение касается только частного. Познание умственное всеобщее, потому что, по сравнению с познанием через чувственность, оно существует безусловно и лишено частной ограниченности.³

Разум так же близок к истине, как многоугольник к кругу; ибо, чем больше число углов вписанного многоугольника, тем более он приблизится к кругу, но никогда не станет равным кругу даже в том случае, когда углы будут умножены до бесконечности, если только он не станет тождественным кругу.

Итак, ясно одно, что все, что мы знаем об истине, это то, что истину невозможно постигнуть таковой, какова она есть доподлинно, ибо истина, являющаяся абсолютной необходимостью, не может быть ни большей, ни меньшей, чем она есть и чем представляется нашему разуму как некая возможность. Итак, сущность вещей, которая есть истина бытия, недостижима в своей чистоте. Все философы искали эту истину, но никто ее не нашел, какой она есть, и, чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы подойдем к самой истине.⁴

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 60-61.

² Там же. – С. 64.

³ Там же. – С. 69.

⁴ Там же. – С. 56.

Бог как бесконечная форма

Бесконечность заставляет нас полностью преодолевать всякую противоположность... В действительности, кто понимает это, понимает все и превосходит всякий разум. Действительно, Бог, который сам максимум, к не является предпочтительно таким-то предметом перед другим, в таком-то месте больше, чем в другом. В действительности, так как Бог есть все, он – также и ничто.

Окружая все вещи, так как является бесконечной окружностью, и проникая все, так как является бесконечным диаметром, совершенный максимум [Бог] представляет основу всех вещей, ибо является центром, концом всех вещей, окружностью, серединой всего, диаметром. Совершенный максимум также и причина, производящая действие, ибо он – центр; формальная причина, так как это – диаметр; финальная, конечная причина, так как это – окружность. Он осуществляет бытие, так как это – центр; руководство, так как это – диаметр; осуществляет сохранение, так как это – окружность, и так далее для множества вещей. Вот почему ты можешь охватить умом, каким образом максимум является не чем иным, как ничем, не отличным от ничего, и почему все в нем, от него и через него, почему он – окружность, диаметр и центр.

И так как очевидно, согласно предшествующему положению, что Бог обнимает все, даже противоречия, ничто не может ускользнуть от его взора. Что бы мы ни совершили или ничего ни сделали – все это в провидении. Ничто не может произойти без провидения... Так как провидение неизбежно и неизменно и ничто не может его превзойти, все, что касается самого провидения, явно имеет характер необходимости, и это по всей истине, ибо все в Боге есть Бог, который является абсолютной необходимостью.¹

Мудрость, которая есть равенство бытия, есть Слово, или основание вещей. Она есть как бы бесконечная разумная форма; форма же дает вещи оформленное бытие. Поэтому бесконечная форма есть актуальность всех образуемых форм и точнейшее равенство их всех.

Бесконечная мудрость есть свертывающая простота всех форм и самая адекватная мера всех форм...

О, как удивительна та форма, простейшую бесконечность которой неспособны развернуть все образуемые формы! И лишь тот, кто в наивысшем разумении возносится над всякой противоположностью, видит эту наивысшую истину...

Итак, ты видишь, что единственная и простейшая мудрость Бога, поскольку она бесконечна, есть самый истинный прообраз всех образуемых форм. И это означает, что она достигает всего, все завершает, все располагает. Ведь мудрость содержится во всех формах, как истина в образе, и прообраз в копии, и форма в фигуре, и точность в уподоблении.²

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 60-61.

² Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 372-373.

Бог есть свернутый мир. Вселенная есть развернутый Бог

Бог заключает в себе все в том смысле, что все – в нем; он является развитием всего в том, что сам он – во всем. Если Бог, бытие которого вытекает из единства, не является абстракцией, извлеченной из вещей посредством разума, и, тем более, не связан с вещами и не погружен в них, как может он выявляться через множество вещей? Никто этого не понимает. Если рассматривать вещи без него, они – ничто, как число без единства. Если рассматривать Бога без вещей, то он существует, а вещи не существуют...

Отстраните Бога от творения, и останется небытие, ничто. Отнимите от сложного субстанцию, и никакой акциденции не будет существовать.

Если все вещи суть абсолютный максимум или существуют через него, то много прояснится для нас относительно мира, или Вселенной, который я хочу рассматривать лишь как ограниченный максимум. Сам он, будучи ограниченным или наглядным, конкретным, подражает, насколько может, абсолютному максимуму.

По божественной идее, все вещи вступили в бытие, и первой в бытие вступила Вселенная, а вслед за ней все вещи, без которых она не может быть ни Вселенной, ни совершенной. Как абстрактное заключено в конкретном, так в первую очередь мы рассматриваем абсолютный максимум в ограниченном максимуме, чтобы затем исследовать его во всех отдельных вещах, потому что он некоторым абсолютным образом находится в том, что представляет в ограниченном виде все.

Бог во всех вещах, как все они в нем, и так как он во всех вещах существует как бы через посредничество Вселенной, то ясно, что все – во всем и любое – в любом.¹

Душа или форма Вселенной

Душа мира должна рассматриваться как универсальная форма, заключающая в себе все формы, существующая в действительности в вещах лишь ограничено и являющаяся в любой вещи ограниченной формой вещи, как было сказано выше о Вселенной. Один Бог абсолютен, все остальные существа ограничены. Нет середины между абсолютным и ограниченным, как это воображают те, кто думает, что имелась еще некая душа мира после Бога и до ограничения мира. Один только Бог есть душа и разум мира в той мере, в какой душе представляется как нечто абсолютное, в чем действительно находятся все формы вещей...²

Творение мира

Бог, да благословенно имя его, сотворил все вещи: когда каждая вещь старается сохранить свое существование как божий дар, она совершает это сопричастно с другими предметами; например, нога не только полезна самой себе, но и для глаза, для рук, тела, для всего человека, потому что служит для

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 63-64.

² Там же. – С. 64.

передвижения. Платон говорил, что мир – животное. Если понимать Бога, как душу этого мира, без всякого поглощения ее им, то многое из того, что мы сказали, станет ясно...

Вся область Земли целиком, простирающаяся до круга огня, велика. И хотя Земля меньше Солнца, как это очевидно по ее тени и затмениям, однако неизвестно, насколько область Солнца больше или меньше области земли. Она не может быть ей строго равной, ибо ни одна звезда не может быть равной другой. Земля не является самой малой звездой, ибо она, как показывают затмения, больше Луны и даже Меркурия, а может быть, и еще других звезд...

Звезды взаимно связываются своими влияются своими влиявязывают их с другими звездами – Меркурием, Венерой и всеми звездами, существующими за пределами, как говорили древние и даже некоторые из современных мыслителей. Таким образом, ясно, что имеется соотношение влияний, при котором одно не может существовать без другого.

Бог пользовался при сотворении мира арифметикой, геометрией, музыкой и астрономией, всеми искусствами, которые мы также применяем, когда исследуем соотношение вещей, элементов и движений. При помощи арифметики Бог сделал из мира одно целое. При помощи геометрии он образовал вещи так, что они стали иметь форму, устойчивость и подвижность в зависимости от своих условий. При помощи музыки он придал вещам такие пропорции, чтобы в земле было столько земли, сколько воды в воде, сколько воздуха в воздухе и огня в огне. Он сделал так, чтобы ни один элемент не мог раствориться полностью в другом, откуда вытекает, что машина мира не может износиться и погибнуть.

Бог существует только как абсолют и, так сказать, является абсолютным всепожирающим огнем и абсолютным светом... и свет этот скрытно и проникновенно, как бы имматериально ограниченный, пребывает в умственной жизни живущих. Бог, эта абсолютная максимальность, есть одновременно творец всех своих созданий, единственный, знающий их и ту цель, чтобы все было в нем и ничего не было бы вне его, являющийся началом, средством и концом всего, центром и окружностью Вселенной таким образом, что он есть предмет всех исследований, ибо без него все вещи – небытие...¹

Человек. Идея богочеловека

Человеческая природа – такая природа, которая была помещена над всеми творениями Бога и лишь немного ниже ангелов. Она заключает в себе умственную и чувственную природу и стягивает в себе всю Вселенную: она есть микрокосм, малый мир, как называли ее с полным основанием древние. Она такова, что, будучи возведена в соединение с максимальностью,

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 67-68.

становится полнотой всех всеобщих и отдельных совершенств таким образом, что в человечестве все возведено в высшую степень.

Человеческая природа есть вписанный в круг многоугольник, а круг – божественная природа.

Несомненно, что человек образован из чувства и разума, связанных посредством рассудка, служащего для них посредником. В порядке вещей чувство подчинено рассудку, который, в свою очередь, подчинен разуму. Разум не принадлежит ни времени, ни миру, от которого он абсолютно независим. Чувство принадлежит миру, будучи подчинено времени и движению. Рассудок как бы находится на горизонте в отношении разума и как бы лежит пред глазами в отношении чувства. В нем совпадают вещи, которые существуют над временем и под ним. Чувство не способно воспринимать вещи сверхвременные и духовные.

Наивысший из законов предписывает не делать другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе, и предпочитать вечные вещи вещам временным, чистые и святые вещам преходящим и нечистым. Разум, простирая свой полет, видит, что, если бы даже чувственность подчинялась во всем рассудку и отказывала в послушании страстям, которые ей духовно родственны, все равно человек не мог бы сам по себе достигнуть конца своих умственных и вечных влечений, ибо человек рожден от семени Адама в вожделении плоти, действием, в котором животное чувство, сообразно необходимости распространения вида, преобладает над духовностью.

Природа его сама по себе, погруженная корнями своего происхождения в сладости плоти, благодаря которым человек рождается от своего отца и начинает существовать, остается коренным образом бессильной преодолеть временные вещи, чтобы охватить духовное.

Вот почему если бремя наслаждений плоти обольщает рассудок и разум до того, что они согласны не противиться этим движениям, то ясно, что человек, таким образом обольщенный и отвратившийся от Бога, целиком лишен радости высшего блага, которое для разума заключено в духовных и вечных вещах.

Если, напротив, рассудок господствует над чувственной природой, то надо, чтобы еще и разум господствовал над рассудком для того, дабы человек, сверх своего рассудка, благодаря вере прилепился к посреднику и Бог мог бы присоединить его к славе своей.

Никто никогда не мог сам по себе в мире возмочь возвыситься над самим собой и над своей природой, послушной с самого своего начала грехам плотского желания, и никто не мог вознестись выше своего рождения к вечным и небесным вещам, кроме того лишь, кто сошел с небес, – Иисуса Христа. Он возвысился через свою собственную добродетель, и в нем человеческая природа, рожденная не по велению плоти, но от Бога, не нашла преград к тому, чтобы он вернулся во всей своей силе к Богу-отцу.

В Христе человеческая природа была возвышена через единение свое с Богом до своей высшей возможности и отвращена от бремени временных

желаний, которые ее пригнетали. С другой стороны, Иисус Христос пожелал принять на себя все проступки, смертные грехи человеческой природы, привязывающие нас к земле, и попать их глубоко в своей человеческой плоти не себя ради, ибо он не совершил греха, но нас ради и стереть их, умерщвляя, дабы все люди, разделяющие его собственную человечность, нашли в нем прощение всех своих грехов.

Смерть Христа на кресте показывает, что Иисус, как максимальный человек, обладал в максимальной степени всеми добродетелями...¹

Томас Мор (1478 – 1535) - великий английский мыслитель, гуманист и политический деятель. Происходил из семьи, принадлежавшей к высшим слоям лондонской буржуазии, учился в Оксфордском университете. Он был весьма дружен с рядом английских и континентальных гуманистов (в особенности со знаменитым Эразмом Роттердамским). Одно время был членом парламента, помощником шерифа Лондона, с 1523 г. – председателем палаты общин, а с 1529 г. – лордом-канцлером Английского королевства (при Генрихе VIII). Будучи религиозным человеком. Мор во время Реформации активно защищал католицизм против лютеранства, а затем и против Генриха VIII, когда он встал на путь освобождения английской церкви от подчинения римско-католической курии и власти римского папы. За отказ признать короля в качестве главы английской церкви Мор был заключен в Тауэр и казнен.

Литературное наследие Мора обширно и разнообразно. Однако самым знаменитым и влиятельным его произведением стала «Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», впервые опубликованная (на латинском языке) в 1516 г.

На хищных Сцилл и Целен и пожирающих народы Лестригонов и тому подобных бесчеловечных чудовищ можно наткнуться почти всюду, а граждан воспитанных в здоровых и разумных правилах, нельзя найти где угодно.

Все короли в большинстве случаев охотнее отдают свое время только военным наукам, чем благим деяниям мира; затем, государи с гораздо большим удовольствием, гораздо больше заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе новые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретенным.

Существует огромное число знати; она, подобно трутням, живет праздно трудами других, именно арендаторов своих поместий, которых для увеличения доходов стрижет до живого мяса. Только такая скупость и знакома этим людям, в общем расточительным до нищеты. Мало того, эти аристократы окружают себя также огромной толпой телохранителей, которые не учились никогда никакому способу снискивать пропитание. Но стоит

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 68-71.

господину умереть или этим слугам заболеть, как их тотчас выбрасывают вон.

Впрочем, это не единственная причина для воровства – овцы. Именно во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастают от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, оставляя храмы только для свиных стойл. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами.

Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те содержатся отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют.

Поэтому я, с одной стороны, обсуждаю сам с собою мудрейшие и святейшие учреждения утопийцев, у которых государство управляется при помощи столь немногих законов, но так успешно, что и добродетель встречает надлежащую оценку, и, несмотря на равенство имущества, во всем замечается всеобщее благоденствие. С другой стороны, наоборот, я сравниваю с их нравами нравы стольких других наций, которые постоянно создают у себя порядок, но никогда ни одна из них не достигает его; всякий называет там своей собственностью то, что ему попало; каждый день издаются там многочисленные законы, но они бессильны обеспечить достижение, или охрану, или отграничение от других того, что каждый, в свою очередь, именует своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны, никогда не оканчивающиеся процессы. Так вот, повторяю, когда я сам с собою размышляю об этом, я делаюсь более справедливым к Платону... Этот мудрец легко усмотрел, что один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность.

Я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности. Но если она останется, то у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей. Я, правда, допускаю, что оно может быть до известной степени облегчено, но категорически утверждаю, что его нельзя совершенно уничтожить...

«А мне кажется наоборот, – возражаю я, – никогда нельзя жить богато там, где все общее. Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, так как его не вынуждает к ней расчет на личную прибыль, а с другой стороны, твердая надежда на чужой труд дает возможность лениться? А когда людей будет подстрекать недостаток в продуктах и никакой закон не сможет охранять как личную собственность приобретенное каждым, то не будут ли тогда люди по необходимости страдать от постоянных кровопролитий и беспорядков? И это осуществится тем более, что исчезнет всякое уважение и почтение к властям; я не могу даже представить, какое место найдется для них у таких людей, между которыми нет никакого различия». «Я не удивляюсь, ответил Рафаил, – этому твоему мнению, так как ты совершенно не можешь вообразить такого положения или представляешь его ложно. А вот если бы ты побыл со мною в Утопии и сам посмотрел на их нравы и законы, как это сделал я, который прожил там пять лет и никогда не уехал бы оттуда, если бы не руководился желанием поведать об этом новом мире, ты бы вполне признал, что нигде в другом месте ты не видал народа с более правильным устройством, чем там».

Утоп, чье победоносное имя носит остров, ...довел грубый и дикий народ до такой степени культуры и образованности, что теперь он почти превосходит в этом отношении прочих смертных.

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие – земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия ...каждый изучает какое-либо одно ремесло, как специальное. По большей части каждый вырастает, учась отцовскому ремеслу: к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь...

Утопийцы делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лени, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам. Они имеют обыкновение устраивать ежедневно в предрассветные часы публичные лекции; участвовать в них обязаны только те, кто специально отобран для занятий науками.

В целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим

примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то его удаляют обратно к ремесленникам. И наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых. Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, трибун и, наконец, самого главу государства.

Так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем.

Утопийцы едят и пьют в скудельных сосудах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре.

До нашего прибытия они даже и не слыхивали обо всех тех философах, имена которых знамениты в настоящем известном нам мире. И все же в музыке, диалектике, науке счета и измерения они дошли почти до того же самого, как и наши древние [философы]. Впрочем, если они во всем почти равняются с нашими древними, то далеко уступают изобретениям новых диалектиков. Утопийцы очень сведущи в течении светил и движении небесных тел. Мало того, они остроумно изобрели приборы различных форм, при помощи которых весьма точно уловляют движение и положение солнца, луны, а равно и прочих светил, видимых на их горизонте. Но они даже и во сне не грезят о содружествах и раздорах планет и обо всем вздоре гадания по звездам. По некоторым приметам, полученным путем продолжительного опыта, они предсказывают дожди, ветры и прочие изменения погоды. Что же касается причин всего этого, приливов морей, солёности их воды и вообще происхождения и природной сущности неба и мира, то они рассуждают об этом точно так же, как наши старые философы; отчасти же, как те расходятся друг с другом, так и утопийцы, приводя новые причины объяснения явлений, спорят друг с другом, не приходя, однако, во всем к согласию.

В том отделе философии, где речь идет о нравственности, их мнения совпадают с нашими. Они рассуждают о благах духовных, телесных и внешних, затем о том, присуще ли название блага всем им или только духовным качествам. Они разбирают вопрос о добродетели и удовольствии.

Но главным и первенствующим является у них спор о том, в чем именно заключается человеческое счастье, есть ли для него один источник или несколько. Однако в этом вопросе с большей охотой, чем справедливостью, они, по-видимому, склоняются к мнению, защищающему удовольствие: в нем они полагают или исключительный, или преимущественный элемент человеческого счастья. И, что более удивительно, они ищут защиту такого щекотливого положения в религии, которая серьезна, сурова и обычно печальна и строга. Они никогда не разбирают вопроса о счастье, не соединяя некоторых положений, взятых из религии, с философией, прибегающей к доводам разума. Без них исследование вопроса об истинном счастье признается ими слабым и недостаточным. Эти положения следующие: душа бессмертна и по благодати божьей рождена для счастья; наши добродетели и благодеяния после этой жизни ожидают награда, а позорные поступки – мучения. Хотя это относится к области религии, однако, по их мнению, дойти до верования в это и признания этого можно и путем разума. С устранением же этих положений они без всякого колебания провозглашают, что никто не может быть настолько глуп, чтобы не чувствовать стремления к удовольствию дозволенными и недозволенными средствами; надо остерегаться только того, чтобы меньшее удовольствие не помешало большему, и не добиваться такого, оплатой за которое является страдание. Они считают признаком полнейшего безумия гоняться за суровой и недоступной добродетелью и не только отстранять сладость жизни, но даже добровольно терпеть страдание, от которого нельзя ожидать никакой пользы, да и какая может быть польза, если после смерти ты не добьешься ничего, а настоящую жизнь провел всю без приятности, то есть несчастно.

Но счастье, по их мнению, заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и благородном. Утопийцы допускают различные виды удовольствий, признаваемых ими за истинные; именно, одни относятся к духу, другие к телу. Духу приписывается понимание и наслаждение, возникающее от созерцания истины. Сюда же присоединяются приятное воспоминание о хорошо прожитой жизни и несомненная надежда на будущее блаженство. Другой вид телесного удовольствия заключается, по их мнению, в спокойном и находящемся в полном порядке состоянии тела: это – у каждого его здоровье, не нарушаемое никаким страданием. Действительно, если оно не связано ни с какою болью, то само по себе служит источником наслаждения, хотя бы на него не действовало никакое привлеченное извне удовольствие.

Они считают признаком крайнего безумия, излишней жестокости к себе и высшей неблагодарности к природе, если кто презирает дарованную ему красоту, ослабляет силу, превращает свое проворство в леность, истощает свое тело постами, наносит вред здоровью и отвергает прочие ласки природы. Это значит презирать свои обязательства к ней и отказываться от всех ее благодеяний. Исключение может быть в том случае, когда кто-нибудь пренебрегает этими своими преимуществами ради пламенной заботы о

других и об обществе, ожидая взамен этого страдания большего удовольствия от бога. Иначе совсем глупо терзать себя без пользы для кого-нибудь из-за пустого призрака добродетели или для того, чтобы иметь силу переносить с меньшей тягостью несчастья, которые никогда, может быть, и не произойдут.

Утопийцы не только отвращают людей наказаниями от позора, но и приглашают их к добродетелям, выставляя напоказ их почетные деяния. Поэтому они воздвигают на площади статуи мужам выдающимся и оказавшим важные услуги государству на память об их подвигах. Вместе с тем они хотят, чтобы слава предков служила для потомков, так сказать, шпорами поощрения к добродетели.

Между собою они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. Должный почет им утопийцы оказывают добровольно, и его не приходится требовать насильно. Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что им представляются недостаточными бесчисленные тома законов и толкователей на них. Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота – доступность понимания для всякого. У утопийцев законоведом является всякий. Они признают всякий закон тем более справедливым, чем проще его толкование. По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напоминать каждому об его обязанности. Поэтому более тонкое толкование закона вразумляет весьма немногих, ибо немногие могут постигнуть это; между тем более простой и доступный смысл законов открыт для всех.

По мнению утопийцев, нельзя никого считать врагом, если он не сделал нам никакой обиды; узы природы заменяют договор, и лучше и сильнее взаимно объединять людей расположением, а не договорными соглашениями, сердцем, а не словами.

Утопийцы сильно гнушаются войною как деянием поистине зверским, хотя ни у одной породы зверей она не употребительна столь часто, как у человека; вопреки обычаю почти у всех народов, они ничего не считают в такой степени бесславным, как славу, добытую войной. Не желая, однако, обнаружить, в случае необходимости, свою неспособность к ней, они постоянно упражняются в военных науках. Они никогда не начинают войны зря, а только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или сожалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства; это делают они по человеколюбию.

Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога солнце, другие – луну, третьи – одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как перед величайшим богом, перед каким-либо

человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая, и притом наиболее благоразумная, часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, распространенное во всем этом мире не своею громадою, а силою: его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, а никому другому они воздают и божеские почести.

Мало того, и все прочие, несмотря на различие верований, согласны с только что упомянутыми согражданами в признании единого высшего существа, которому они обязаны и созданием Вселенной, и провидением.

Утоп не рискнул вынести о ней, [религии], какое-нибудь необдуманное решение. Для него было неясно, не требует ли бог разнообразного и многостороннего поклонения и потому внушает разным людям разные религии. Во всяком случае, законодатель счел нелепостью и наглостью заставить всех признавать то, что ты считаешь истинным. Но, допуская тот случай, что истинна только одна религия, а все остальные суетны, Утоп все же легко предвидел, что сила этой истины в конце концов выплывет и выявится сама собою; но для достижения этого необходимо действовать разумно и кротко. Утоп ...предоставил каждому свободу веровать во что ему угодно. Но он с неумолимой строгостью запретил всякому ронять так низко достоинство человеческой природы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что мир несется зря, без всякого участия провидения. Поэтому, по их верованиям, после настоящей жизни за пороки назначены наказания, а за добродетель - награды. Мыслящего иначе они не признают даже человеком, так как подобная личность приравняла возвышенную часть своей души к презренной и низкой плоти зверей. Такого человека они не считают даже гражданином, так как он, если бы его не удерживал страх, не ставил бы ни во что все уставы и обычаи. Действительно, если этот человек не боится ничего, кроме законов, надеется только на одно свое тело, то какое может быть сомнение в том, что он, угождая лишь своим личным страстям, постарается или искусно обойти государственные законы своего отечества, или преступить их силою? Поэтому человеку с таким образом мыслей утопийцы не оказывают никакого уважения, не дают никакой важной должности и вообще никакой службы. Его считают везде за существо бесполезное и низменное. Но его не подвергают никакому наказанию в силу убеждения, что никто не волен над своими чувствами. Вместе с тем утопийцы не заставляют его угрозами скрывать свое настроение; они не допускают притворства и лжи, к которым, как ближе всего граничащим с обманом, питают удивительную ненависть. Но они запрещают ему вести диспуты в пользу своего мнения, правда, только перед народной массой: отдельные же беседы со священниками и серьезными людьми ему не только дозволяются, но даже и поощряются, так как утопийцы уверены в том, что это безумие должно в конце концов уступить доводам разума.

Увещание и внушение лежат на обязанности священников, а исправление и наказание преступных принадлежит князю и другим чиновникам. ...Священники занимаются образованием мальчиков и юношей. Но они столько же заботятся об учении, как и о развитии нравственности и добродетели. Именно, они прилагают огромное усердие к тому, чтобы в еще нежные и гибкие умы мальчиков впитать мысли, добрые и полезные для сохранения государства.

Я описал вам, насколько мог правильно, строй такого общества, какое я, во всяком случае, признаю не только наилучшим, но также и единственным, которое может присвоить себе с полным правом название общества. Именно, в других странах повсюду говорящие об общественном благополучии заботятся только о своем собственном. Здесь же, где нет никакой частной собственности, они фактически занимаются общественными делами. И здесь и там такой образ действия вполне правилен. Действительно, в других странах каждый знает, что, как бы общество ни процветало, он все равно умрет с голоду, если не позаботится о себе лично. Поэтому в силу необходимости он должен предпочитать собственные интересы интересам народа, т. е. других.

Здесь же, где все принадлежит всем, наоборот, никто не сомневается в том, что ни один частный человек не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться о том, чтобы общественные магазины были полны. Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего и, хотя никто ничего не имеет, тем не менее, все богаты.¹

Томмазо Кампанелла (1568 – 1639) – итальянский философ. Родился в Калабрии, на юге Италии, в юности поступил в монастырь ордена доминиканцев, где изучал произведения античных и средневековых мыслителей (особенно Аристотеля и Фомы Аквинского), натурфилософов эпохи Возрождения (особенно Телезио), а также астрологов. Первое произведение – «Философия, доказанная ощущениями» (1591) (на латинском языке). В дальнейшем стал одним из руководителей заговора, целью которого было свержение испанского гнета в Неаполитанском королевстве и установление здесь теократической республики. Раскрытие заговора повлекло в 1603 г. к осуждению Кампанеллы на пожизненное заключение. В тюрьмах Южной Италии он провел 27 лет, вынес очень тяжелые пытки и, несмотря на это, написал ряд философских произведений. Важнейшее из них – знаменитый «Город Солнца». Написанное в начале XVII в. на итальянском языке, оно в 1613 г. было переведено самим автором на латинский язык. Но опубликовано было только в 1623 г. во Франкфурте. Из других философских сочинений Кампанеллы (все они написаны на латинском языке) наиболее значительны

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 97-112.

«Об ощущении вещей и о магии» (1620) и «Защита Галилея» (1622). После освобождения из тюремного заключения в 1629 г. бежал во Францию, где и умер. В этот период были опубликованы «Побежденный атеизм» (1631), «Три части универсальной философии, или учения о метафизических вещах» (1638) и ряд других произведений.

[Рассказ Морехода]

Верховный правитель у них – священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Поп, Син и Мор, или, по-нашему, Мощь, Мудрость и Любовь .

В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира...

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист.

И есть у них всего одна книга под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой...

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные... Философский образ жизни общиной..., общность жен... принята на том основании, что у них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить... Когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине.

Также надо знать и науки физические, и математические, и астрологические. Но преимущественно перед всем необходимо постичь метафизику и богословие; познать: корни, основы и доказательства всех искусств и наук; сходства и различия в вещах; необходимость, судьбу и гармонию мира; мощь, мудрость и любовь в вещах и в боге; разряды сущего и соответствия его с вещами небесными, земными и морскими и с идеальными в боге, насколько это постижимо для смертных, а также изучить пророки и астрологию

...Тот, кто занимается лишь одной какой-нибудь наукой, ни ее как следует не знает, ни других. И тот, кто способен только к одной какой-либо науке, почерпнутой из книг, тот невежествен и косен. Но этого не случается с умами гибкими, восприимчивыми ко всякого рода занятиям и способными от природы к постижению вещей, каковым необходимо и должен быть наш.

Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц – лишь постольку, поскольку они являются частями государства.

...В Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. ...Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодаями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями, а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов.

Смерти они совершенно не боятся, так как верят в бессмертие души и считают, что души, выходя из тела, присоединяются к добрым или злым духам сообразно своему поведению во время земной жизни. Хотя они и примыкают к брахманам и пифагорейцам, но не признают переселения душ, за исключением только отдельных случаев по воле бога. И они беспощадно преследуют врагов государства и религии как недостойных почитаться за людей.

...Тот, кто знает большее число искусств и ремесел, пользуется и большим почетом; к занятию же тем или иным мастерством определяются те, кто оказывается к нему наиболее способным. ...Благодаря такому распорядку работ всякий занимается не вредным для него трудом, а, наоборот, развивающим его силы.

Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям, и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более похвальную и достойную.

Они считают, что в первую очередь надо заботиться о жизни целого, а затем уже его частей.

Лица, стоящие во главе отдельных паук, подчинены правителю Мудрости, кроме Метафизика, который есть сам главенствующий над всеми науками, как архитектор: для него было бы постыдно не знать чего-либо доступного смертным. Таким образом, под началом Мудрости находятся: Грамматик, Логик, Физик, Медик, Политик, Этик, Экономист, Астролог,

Астроном, Геометр, Космограф, Музыкант, Перспективист, Арифметик, Поэт, Ритор, Живописец, Скульптор.

Законы их немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма, то есть под колоннадой; и на отдельных колоннах можно видеть определение вещей в метафизическом, чрезвычайно сжатом стиле; именно: что такое Бог, что такое ангел, мир, звезда, человек, рок, доблесть и т. д. Все это определено очень тонко. Там же начертаны определения всех добродетелей.

Памятники в честь кого-нибудь ставятся лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле.

Они признают, что чрезвычайно трудно решить, создан ли мир из ничего, из развалин ли иных миров или из хаоса, но считают не только вероятным, а, напротив, даже несомненным, что он создан, а не существовал от века. Поэтому и здесь, как и во многом другом, ненавидят они Аристотеля, которого называют логиком, а не философом, и извлекают множество доказательств против вечности мира на основании аномалий.

Солнце и звезды они почитают как живые существа, как изваяния бога, как храмы и живые небесные алтари, но не поклоняются им. Наибольшим же почетом пользуется у них солнце.

Они признают два физических начала всех земных вещей: солнце – отца и землю – мать. Воздух считают они нечистой долей неба, а весь огонь – исходящим от солнца. Море – это пот земли или истечение раскаленных и расплавленных ее недр и такое же связующее звено между воздухом и землею, как кровь между телом и духом у живых существ. Мир – это огромное живое существо, а мы живем в его чреве, подобно червям, живущим в нашем чреве. И мы зависим не от промысла звезд, солнца и земли, а лишь от промысла Божия, ибо в отношении к ним, не имеющим иного устремления, кроме своего умножения, мы родились и живем случайно, в отношении же к Богу, которого они являются орудиями, мы в его предвидении и распорядке созданы и предопределены к великой цели.

...Они непреложно веруют в бессмертие душ, которые после смерти присоединяются к сонму добрых или злых ангелов в зависимости от того, каким из них уподобились в делах своей земной жизни, ибо все устремляется к себе подобному... Относительно существования иных миров за пределами нашего они находятся в сомнении, но считают безумием утверждать, что вне его ничего не существует, ибо, говорят они, небытия нет ни в мире, ни за его пределами, и с богом, как с существом бесконечным, никакое небытие несовместимо.

Начал метафизических, полагают они, два: сущее, то есть высшего бога, и небытие, которое есть недостаток бытийности и необходимое условие всякого физического становления; ибо то, что есть, не становится и, следовательно, того, что становится, раньше не было.

Далее, от склонности к небытию рождаются зло и грех; грех имеет, таким образом, не действующую причину, а причину недостаточную. Под недостаточной же причиной понимают они недостаток мощи, или мудрости, или воли. Именно в этом и полагают они грех. ...Таким образом, все существа метафизически состоят из мощи, мудрости и любви, поскольку они имеют бытие, и из немощи, неведения и ненависти, поскольку причастны небытию; и посредством первых стяжают они заслуги, посредством последних – грешат: или грехом природным – по немощи или неведению, или грехом вольным и умышленным, либо трояко: по немощи, неведению и ненависти, либо по одной ненависти. Ведь и природа в своих частных проявлениях грешит по немощи или неведению, производя чудовищ.

Впрочем, все это предусматривается и устрояется Богом, ни к какому небытию не причастным, как существом всемогущим, всеведущим и всеблагим. Поэтому в боге никакое существо не грешит, а грешит вне бога.

Но вне бога мы можем находиться только для себя и в отношении нас, а не для него и в отношении к нему; ибо в нас заключается недостаточность, а в нем – действительность. Поэтому грех есть действие бога, поскольку он обладает существенностью и действительностью; поскольку же он обладает несущественностью и недостаточностью, в чем и состоит самая природа греха, он в нас и от нас, ибо мы по своему неустроению уклоняемся к небытию.

О, если бы ты только знал, что говорят они на основании астрологии, а также и ваших пророков о грядущем веке и о том, что в наш век совершится больше событий за сто лет, чем во всем мире совершилось их за четыре тысячи; что в этом столетии вышло больше книг, чем вышло их за пять тысяч лет, что говорят они об изумительном изобретении книгопечатания, аркебузов и применении магнита – знаменательных признаках и в то же время средствах соединения обитателей мира в единую паству, а также о том, как произошли эти великие открытия... Они уже изобрели искусство летать – единственно, чего, кажется, недоставало миру, а в ближайшем будущем ожидают изобретения подзорных труб, при помощи которых будут видимы скрытые звезды, и труб слуховых, посредством которых слышна будет гармония неба.

Они неоспоримо доказывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какою мучили одного почитаемого ими философа враги невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издали и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения.

Мы же изображаем наше Государство не как государственное устройство, данное Богом, но открытое посредством философских умозаключений, и исходим при этом из возможностей человеческого разума, чтобы показать, что истина Евангелия соответствует природе.

Поскольку мы неизменно избегали крайностей, мы все приводили к умеренности, в которой заключается добродетель. И поэтому ты не сможешь вообразить более счастливое и снисходительное государство. И наконец, пороки, которые замечались в государствах Миноса, Ликурга, Солона, Харонда, Ромула, Платона, Аристотеля и других создателей государств, уничтожены в нашем Городе Солнца, как ясно каждому, кто хорошо рассмотрит его, ибо все наилучшим образом предусмотрено, поскольку этот Город зиждется на учении о метафизических первоосновах бытия, в котором ничто не забыто и не упущено. ...Если бы мы и не смогли претворить полностью в жизнь идею такого государства, все же написанное нами отнюдь не было бы излишним, поскольку мы предлагаем образец для посильного подражания. А что такая жизнь к тому же возможна, показала община первых христиан, существовавшая при Апостолах...

Такова же была жизнь клириков вплоть до папы Урбана I, даже при св. Августине, и в наше время жизнь монахов, которую св. Златоуст считал возможным распространить на все Государство. И я надеюсь, что такой образ жизни восторжествует в будущем...

Итак, в нашем Государстве находит успокоение совесть, уничтожается жадность – корень всех зол, и обман..., и кражи, и грабежи, и излишество, и уничтожение бедных, а также невежество..., уничтожаются также излишние заботы, труды, деньги, которые добывают купцы, скупость, гордость и другие пороки, которые порождаются разделением имуществ, а равным образом – себялюбие, вражда, зависть, козни, как уже было показано. Вследствие распределения государственных должностей соответственно природным способностям мы достигаем искоренения зол, которые проистекают из неследования должностей, из их выборности и из честолюбия, как учит св. Амвросий, говоря о государстве пчел. И мы подражаем природе, которая ставит начальниками наилучших, как это происходит у пчел, ибо если мы и прибегаем к избранию, однако оно согласно с природой, а не является произвольным: это означает, что мы избираем того, кто возвышается благодаря своим естественным и моральным добродетелям. В нашем Государстве должности доставляются исходя из практических навыков и образованности, а не из благосклонности и родственных отношений, ибо мы свели на нет родственные связи.

Ведь было ж время Золотого века,
Так может он вернуться, и не раз.
Все, что погребено, назад стремясь,
К корням своим придет по кругу снова...
Коль позабудет мир «мое», «твое»
Во всем полезном, честном и приятном,
Я верю, раем станет бытие.¹

¹ Антология мировой философии: в 2 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 180-188, 191.

Макиавелли Никколо (1469 – 1527) – самый известный политический философ Европы, вплоть до сегодняшнего времени. Его работы и поныне актуальны. В своих основных трудах: «Государь», «История Флоренции», «Рассуждение на первую декаду Тита Ливия» Макиавелли обосновал главные принципы исследования законов социума, в особенности, политической сферы.

Идея «естественного» человека

...Ведь о людях можно вообще сказать, что они неблагодарны, изменчивы, лицемерны, трусливы перед опасностью, жадны до наживы. Пока ты им делаешь добро, они все твои, предлагают тебе свою кровь, имущество, жизнь, детей, все до тех пор, пока нужда далека, как я уже сказал, но как только она приближается, люди начинают бунтовать. Князь, который всецело положится на их слова, находя ненужными другие меры, погибнет. Дело в том, что дружба, приобретаемая деньгами, а не величием и благородством души, хоть и покупается, но в действительности ее нет, и когда настанет время, на нее невозможно рассчитывать; при этом люди меньше боятся обидеть человека, который внушал любовь, чем того, кто действовал страхом. Ведь любовь держится узами благодарности, но так как люди дурны, то эти узы рвутся при всяком выгодном для них случае. Страх же основан на боязни, которая не покидает тебя никогда.

Ведь умы бывают трех родов, из коих один понимает все сам, второй усваивает мысли других, третий не понимает ни сам, ни когда ему объясняют другие; первые – это крупнейшие умы, вторые крупные, третьи бесполезные...

...Ведь люди так восторгаются собственными делами и так себя на этот счет обманывают, что им трудно предохранить себя от этого бедствия, а при желании от него избавиться возникает опасность, что их начнут презирать. Ведь нет средства оградиться от лести, кроме одного: люди должны знать, что они не оскорбляют тебя, говоря правду. Но если всякий может сказать правду в лицо, то пропадет почтение к тебе.

Что значит в человеческих делах судьба и как с ней можно бороться

Мне небызвестно, что многие держались и держатся мнения, будто дела мира так направляются судьбой и богом, что люди, с их умом, нич, с их умом, ничтом не могут, а, наоборот, совершенно беспомощны. Итак, можно было бы сказать, что не стоит в поте лица над этими делами трудиться, а надо предоставить себя на волю судьбы. Это мнение еще больше утвердилось в наши времена благодаря великим переворотам, совершившимся и совершающимся каждый день у нас на глазах, наперекор всякой человеческой предусмотрительности. Иногда размышляя об этом, я в известной мере склонялся к мнению таких людей. Однако дабы не была утрачена наша свободная воля, можно, думается мне, считать за правду, что судьба распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной

или около того она предоставляет нам самим. Я уподобляю судьбу одной из тех разрушительных рек, которые, разъярившись, заливают долины, валят деревья и здания, отрывают глыбы земли от одного места и прибивают к другому. Каждый бежит перед ними, все уступает их натиску, не имея сил ни на какую борьбу. И хотя это так, оно все же не значит, чтобы люди в спокойные времена не могли принимать меры заранее, строя заграждения и плотины, дабы волны при новом подъеме или направлялись по отводу, или напор их не был так безудержен и губителен. То же происходит и с судьбой: она проявляет свое могущество там, где нет силы, которая была бы заранее подготовлена, чтобы ей сопротивляться, и обращает свои удары туда, где, она знает, не возведено плотин и заграждений, чтобы остановить ее. Если вы посмотрите на Италию, страну этих переворотов, давшую им толчок, то увидите, что это равнина без единой насыпи и преграды. Будь она защищена достаточной силой, как Германия, Испания или Франция, наводнение не причинило бы происшедших великих изменений или вовсе бы не случилось. Нахожу, что сказанного довольно, поскольку речь шла о сопротивлении судьбе вообще. Сосредоточиваясь, однако, ближе на частностях, скажу, что мы видим, как сегодня тот или другой Князь процветает, а завтра погибает, причем не изменилась ни природа, ни свойства его. Я уверен, что это вызвано главным образом причинами, о которых подробно говорилось раньше, именно: что Князь, полагающийся целиком на счастье, погибает, как только оно ему изменяет. Утверждаю также, что счастлив тот, кто сообразует свой образ действий со свойствами времени, и столь же несчастлив тот, чьи действия со временем в разладе. Не хочу останавливаться на прочих его делах, которые все были похожи на описанное и все кончались успешно; краткость жизни папы не дала ему возможности испытать неудачи, так как если бы наступили времена, требующие осторожности, то с ними пришла бы его гибель: никогда не отступил бы он от средств, к которым влекла его природа. Итак, я заключаю, что раз судьба изменчива, а люди в поведении своем упрямы, то они счастливы, пока судьба в согласии с их поведением, и несчастны, когда между ними разлад. Полагаю, однако, что лучше быть смелым, чем осторожным, потому что судьба – женщина, и если хочешь владеть ею, надо ее бить и толкать. Известно, что таким людям она чаще дает победу над собою, чем тем, кто берется за дело холодно. И, наконец, как женщина, судьба всегда благоволит к молодым, потому что они не так осмотрительны, более отважны и смелее ею повелевают.

Основы понимания политики и управления государством

При этом надо иметь в виду, что нет дела более трудного по замыслу, более сомнительного по успеху, более опасного при осуществлении, чем вводить новые учреждения. Ведь при этом врагами преобразователя будут все, кому выгоден прежний порядок, и он найдет лишь прохладных защитников во всех, кому могло бы стать хорошо при новом строе. Вялость эта происходит частью от страха перед врагами, имеющими на своей стороне

закон, частью же – от свойственного людям неверия, так как они не верят в новое дело, пока не увидят, что образовался уже прочный опыт. Отсюда получается, что каждый раз, когда противникам нового строя представляется случай выступить, они делают это со всей страстностью вражеской партии, а другие защищаются слабо, так что Князю с ними становится опасно. Все же, если хотите правильно рассуждать об этом предмете, необходимо различать, могут ли такие преобразователи держаться собственной силой или они зависят от других, то есть надо ли им для исполнения своей задачи просить или же они могут принуждать. В первом случае им всегда приходится плохо, и ничего из их дела не выходит, но если они зависят только от себя и могут заставлять других, то редко попадают в очень опасное положение. Вот почему все вооруженные пророки победили, а безоружные погибли. Ко всему сказанному надо прибавить, что народ по природе своей непостоянен, легко убедить его в чем-нибудь, но трудно утвердить в этом убеждении. Поэтому нужно поставить дело так, что, когда люди больше не верят, можно было бы заставить их верить силой.

Итак, нет необходимости Князю обладать всеми описанными выше добродетелями, но непременно должно казаться, что он ими наделен. Больше того: я осмелюсь сказать, что если он их имеет и всегда согласно с ними поступает, то они вредны, а при видимости обладания ими, они полезны; так, должно казаться милосердным, верным, человечным, искренним, набожным; должно и быть таким, но надо так утвердить свой дух, чтобы при необходимости стать иным ты бы мог и умел превратиться в противоположное. Тебе надо понять, что Князь, и особенно Князь новый, не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии.

Наконец, он должен быть всегда готов обернуться в любую сторону, смотря по тому, как велят ветры и колебания счастья, и, как я говорил выше, не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо.

Итак, Князь должен особенно заботиться, чтобы с уст его никогда не сошло ни одного слова, не преисполненного перечисленными выше пятью добродетелями, чтобы, слушая и глядя на него, казалось, что Князь – весь благочестие, верность, человечность, искренность, религия. Всего же важнее видимость этой последней добродетели. Люди в общем судят больше на глаз, чем на ощупь; глядеть ведь может всякий, а пощупать только немногие. Каждый видит, каким ты кажешься, немногие чувствуют, какой ты есть, и эти немногие не смеют выступить против мнения толпы, на стороне которой величие государства; а ведь о делах всех людей и больше всего Князей, над которыми нельзя потребовать суда, судят по успеху. Пусть Князь заботится поэтому о победе и сохранении государства, – средства всегда будут считаться достойными и каждым будут одобрены, потому что толпа идет за видимостью и успехом дела. В мире нет ничего, кроме толпы, а немногие

только тогда находят себе место, когда толпе не на кого опереться. Есть в наше время один Князь – не надо его называть, – который никогда ничего, кроме мира и верности, не проповедует, на деле же он и тому и другому великий враг, а храни он верность и мир, не раз лишился бы и славы и государства.

Каким образом избежать презрения и ненависти

Обсуждая выше качества Князя, я уже сказал о самых для него важных, поэтому остальные хочу обсудить кратко, имея в виду общее правило, что Князь, как отчасти уже говорилось, должен стараться избегать таких дел, которые вызвали бы к нему ненависть и презрение. Всякий раз, как он этого избегнет. Князь сделает свое дело, а от прочих укоров никакой опасности для него не будет. Как я говорил, ненависть к нему вызывается прежде всего алчностью, захватом имущества подданных и жен их; от этого он должен воздержаться. Если не трогать имущество и честь людей, то они вообще довольны жизнью, и приходится бороться только с честолюбием немногих, которое можно обуздать разными способами и очень легко. Князя презирают, если считают его непостоянным, легкомысленным, изнеженным, малодушным, нерешительным; этого Князь должен остерегаться, как подводного камня, и надо ему умудриться сделать так, чтобы в поступках его признавались величие, смелость, обдуманность, твердость; по частным же делам подданных Князю надо стремиться к тому, чтобы приговор его был нерушим, и утвердить о себе такое мнение, чтобы никто не подумал обмануть Князя или перехитрить его.

Князь, который заставляет людей так думать о себе, пользуется очень большим уважением, а против правителя, которым дорожат, трудно составить заговор, и нелегко на него напасть, раз известно, что он человек выдающийся и в почете у своих. Дело в том, что Князю должны быть страшны две опасности: одна – изнутри, от подданных, другая – извне, от иноземных государств. От второй защищаются хорошим оружием и хорошими союзами; если есть хорошее оружие, всегда будут и хорошие друзья, а дела внутри страны всегда будут устойчивы, если все благополучно вовне, лишь бы не начались заговоры и не пошла бы из-за этого смута. Если бы даже внешние дела и расстроились, то Князь, который управлял и жил, как мною указано, и при том не растеряется, всегда выдержит любой натиск, подобно Набиду Спартанскому, о чем я уже сказал. Что же касается подданных, то при спокойствии вовне приходится опасаться, как бы они не злоумышляли тайно; от этого Князь вполне может себя оградить, стараясь не возбуждать ненависти и презрения и устроив дела так, чтобы народ был им доволен; последнего надо непременно достигнуть, как подробно говорилось выше. И одно из сильнейших средств, какое имеется у Князя против заговоров, состоит именно в том, чтобы народ в целом не ненавидел и не презирал его. Ведь заговорщик всегда верит, что убийством Князя он удовлетворит народ;

если же он боится, что этим возмутит его, то на такое дело у него не хватит духу, потому что препятствиям для заговорщиков нет числа.¹

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ

1. Проанализируйте философские представления о человеке в эпоху Возрождения.
2. В чем состоит сущность проблемы власти и политического в философии Возрождения?
3. Проведите анализ философско-теологической концепции мира Н. Кузанского.
4. В чем заключается математическая составляющая философской концепции Н. Кузанского?
5. Раскройте содержание понятий «политика», «политический процесс», «национальное единство» у Н. Макиавелли.
6. В чем состоит новый взгляд на личность человека в теории политики Н. Макиавелли?
7. Проанализируйте социальные утопии Т. Мора и Т. Кампанеллы по следующей схеме:
 - Понятие утопии.
 - Место расположения утопического государства.
 - Государственное устройство.
 - Взаимоотношения власти и народа.
 - Образование и воспитание в утопическом государстве. Досуг.
 - Место и роль науки.

¹ Макиавелли Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М. -Л., 1934. – С. 283-284, 314-315, 234-235, 288-289, 290-291.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Бэкон Френсис (1561 – 1626) – английский философ, основатель английского материализма и методологии экспериментирующей, опытной науки Нового времени. После окончания Кембриджского университета он прошел ряд высоких государственных должностей, вплоть до лорд-канцлера.

Уже в молодые годы философ вынашивал грандиозный план «Великого Восстановления наук», к реализации которого стремился всю жизнь. Главное произведение Бэкона – его знаменитое методологическое сочинение «Новый Органон» (1620). В числе других его произведений – небольшой трактат «О принципах и началах в их отношении к мифам о Купидоне и о небе или о философии Парменида и Телезио и особенно Демокрита в связи с мифом о Купидоне», неоконченная социальная утопия «Новая Атлантида» (1624). Первым опубликованным произведением Бэкона были «Опыты и наставления нравственные и политические» (1597).

Предмет философии. «Великое восстановление наук»

У философии троякий предмет: Бог, природа, человек, и, сообразно этому, троякий путь воздействия. Природа воздействует на интеллект непосредственно, т.е. как бы прямыми лучами. Бог же воздействует на него через неадекватную среду (т.е. через творения), преломленными лучами. Человек же, становясь объектом собственного познания, воздействует на свой интеллект отраженными лучами. Следовательно, выходит, что философия делится на три учения: учение о божестве, учение о природе, учение о человеке. А так как различные отрасли науки нельзя уподобить нескольким линиям, расходящимся из данной точки, а скорее их можно сравнить с ветвями дерева, вырастающими из одного ствола, который до того, как разделиться на ветви, остается на некотором участке цельным и единым, ... то необходимо допустить одну всеобщую науку, которая была как бы матерью всех остальных наук. Эту науку мы назовем «первая философия», или же «мудрость». Этой науке мы не можем противопоставить никакую другую, ибо она отличается от остальных наук скорее своими границами, чем содержанием и предметом, рассматривая вещи лишь в самой общей форме.

...Учение о природе следует разделить на исследование причин и получение результатов, т.е. на теоретическую и практическую части. Первая исследует недра природы, вторая переделывает природу, как железо на наковальне.

...Мы разделили естественную философию на исследование причин и получение результатов. Исследование причин мы отнесли к теоретической философии. Ее мы разделили на физику и метафизику. Физика – это наука,

исследующая действующую причину и материю, метафизика – это наука о форме и конечной причине.

...Учение о человеке состоит из двух частей. Одна из них рассматривает человека как такового, вторая – в его отношении к обществу. Первую мы называем философией человека, вторую – гражданской философией. Философия человека складывается из наук, изучающих тело человека и его душу, сюда также входят логика и этика.¹

Онтология: учение о материи и формах

...История естественных явлений складывается из пяти взаимосвязанных частей. Первая из них – это история небесных явлений, которая охватывает только сами эти явления как таковые и совершенно не связана с теорией. Вторая часть – это история метеоров (включая кометы) и того, что называют атмосферой, однако пока невозможно найти сколько-нибудь серьезное и ценное исследование природы комет, огненных метеоров, ветров, дождей, бурь и т.п. Третья часть – это история земли и моря (насколько они являются едиными частями Вселенной), гор, рек, приливов и отливов, песков, лесов, островов, наконец, самих очертаний континентов и их протяженности; но во всех этих явлениях важно прежде всего наблюдать и исследовать их природу, а не ограничиваться их простым описанием. Четвертая часть посвящена истории общих масс материи, которые мы называем большими собраниями и которые обычно именуют элементами. Ведь не существует описания огня, воздуха, воды, земли, их природы, характера движения, действия, влияния на окружающее, которые бы могли составить их подлинную историю. Пятая, и последняя, часть посвящена истории особенных собраний материи, которые мы называем меньшими собраниями и которые обычно именуют видами.²

...Природа и внешняя сторона Вселенной открыты и доступны для взора, судьбы же индивидуумов скрыты и неожиданны. Сама мастерская природы в своем лоне и в своих недрах производит все явления, большие и малые, в свое время и по определенному закону.

...Уже давно укрепилось твердое мнение, что никакие человеческие усилия не в состоянии раскрыть сущностные формы вещей или их истинные отличительные признаки. А между тем это мнение подтверждает наше убеждение, что нахождение форм является наиболее достойной исследования областью во всей науке... Если мы внимательно, серьезно и искренне обратимся к действию и практике, то без большого труда сможем в результате исследований достичь того, что собой представляют те формы, познание которых могло бы удивительным образом обогатить и облагодетельствовать человечество.³

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1971. – С. 199-200, 207, 209-210, 240, 277.

² Там же. – С. 165.

³ Там же. – С. 237

Следует больше изучать материю, ее внутреннее состояние и изменение состояния, чистое действие и закон действия или движения, ибо формы суть выдумки человеческой души, если только не называть формами эти законы действия.¹

Неверно мнение, что формы или истинные отличия вещей, которые в действительности суть законы чистого действия, открыть невозможно, и что они лежат за пределами человеческого...

Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать форму данной природы, или истинное отличие, или производящую природу, или источник происхождения, ибо таковы имеющиеся у нас слова, более всего приближающиеся к обозначению этой цели.

...Хотя в природе не существует ничего действительного, помимо единичных тел, осуществляющих сообразно с законом отдельные чистые действия, однако в науках этот же самый закон и его разыскания, открытия и объяснения служат основанием как знанию, так и деятельности. И этот же самый закон и его разделы мы разумеем под названием форм...

Материя в свою очередь (поскольку уничтожение или подлинная гибель материи может совершиться только всемогущим господом), претерпевает удивительные превращения, принимает различные образы, переходя от одного изменения к другому, до тех пор, пока не совершит весь круговорот и не возвратится в прежнее состояние.

Почти все древние мыслители – Эмпедокл, Анаксагор, Анаксимен, Гераклит и Демокрит – хотя и расходились между собой во многих других пунктах, касающихся первой материи, тем не менее сходились в том, что все они определяли материю как активную, как имеющую некоторую форму, как наделяющую этой формой образованные из нее предметы и как заключающую в себе принцип движения. Да и никто не может мыслить иначе, если он не желает совершенно покинуть почву опыта, поэтому все указанные мыслители подчинили свой разум природе вещей, между тем как Платон подчинил мир мыслям, а Аристотель подчинил эти мысли словам...²

Теория познания: «идолы» (заблуждения) разума и основные пути познания

Как науки, которые теперь имеются, бесполезны для новых открытий, так и логика, которая теперь имеется, бесполезна для открытия знаний...

Логика, которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению заблуждений, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полезна.

Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне.

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1972. – С. 23.

² Там же. – С. 40, 83, 84, 258, 306.

Другой же путь: выводит аксиомы из ощущений и частных, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока, наконец, не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный.

Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине. Но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружатся против них, насколько возможно...

Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того, чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид *идолами рада*, второй – *идолами пещеры*, третий – *идолами площади* и четвертый – *идолами театра*...

Идолы рода находят основание в самой природе человека, в племени или самом роде людей, ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума, покоятся на аналогии человека, а не аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде...

Идолы пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятое и предрасположенное или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам...

Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающие их общения и сотоварищества людей, *идолами площади*. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивая все, и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям...

Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем *идолами театра*, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры.

Те, кто занимался науками, были или эмпириками, или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно паукам, производят ткань из самих себя. Пчела же

избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознание нетронутый материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей – опыта и рассудка.

...Мы же не воздвигаем какой-либо Капитолий или пирамиду в честь человеческого высокомерия, но основываем в человеческом разуме священный храм по образцу мира. И мы следуем этому образцу. Ибо то, что достойно для бытия, достойно и для познания, которое есть изображение бытия.¹

Что же касается опровержения призраков или идолов, то этим словом мы обозначаем глубочайшие заблуждения человеческого ума. Они обманывают не в частных вопросах, как остальные заблуждения, затемняющие разум и расставляющие ему ловушки: их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта.²

Наука и ее методология. Индуктивный метод

Но наиболее серьезная из всех ошибок состоит в отклонении от конечной цели науки. Ведь одни люди стремятся к знанию в силу врожденного и беспредельного любопытства, другие – ради удовольствия, третьи – чтобы приобрести авторитет, четвертые – чтобы одержать верх в состязании и споре, большинство – ради материальной выгоды и лишь очень немногие – для того, чтобы данный от бога дар разума направить на пользу человеческому роду.

...Наша цель состоит в том, чтобы найти и предоставить интеллекту необходимую помощь, благодаря которой он сможет преодолеть все трудности и раскрыть тайны природы... Именно это мы и собираемся сделать: к подобной цели и направлены все наши усилия: с помощью особой науки сделать разум адекватным материальным вещам, найти особое искусство указания и наведения, которое раскрывало бы нам и делало известным остальные науки, их аксиомы и методы.³

Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте. Подлинная же и надлежащая мета [цель] наук не может быть другой, чем наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами.

Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не прерывающимся

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1972. – С. 13, 15, 18-20, 59, 73.

² Там же. Т. 1. – С. 322.

³ Там же. – С. 3121, 299.

ступеням – от частных к меньшим аксиомам и затем средним, одна выше другой, и, наконец, к самым общим.

Ведь только пустой и ограниченный ум способен считать, что можно создать и предложить некое с самого начала совершенное искусство научных открытий, которое затем остается только применять в научных исследованиях. Но люди должны твердо знать, что подлинное и надежное искусство открытия растет и развивается вместе с самими открытиями, так что если кто-то, приступая впервые к исследованиям в области какой-нибудь науки, имеет некоторые полезные руководящие принципы исследования, то после того, как он будет делать все большие успехи в этой науке, он может и должен создавать новые принципы, которые помогут ему успешно продвигаться к дальнейшим открытиям.¹

Ведь это было какое-то помрачение науки, которое быстро прошло, нечто, безусловно, несерьезное и одновременно в высшей степени вредное для нее. Ибо, когда сторонники такого подхода извращают явления в угоду законам своего метода, а все, что не подходит под их дихотомии, либо отбрасывают, либо, не считаясь с природой, искажают...

Знание же передается другим, подобно ткани, которую нужно выткать до конца, и его следует вкладывать в чужие умы таким же точно методом (если это возможно), каким оно было первоначально найдено. И этого, конечно, можно добиться только в том знании, которое приобретено с помощью индукции...

...При изложении научных знаний следует соблюдать меру во всякого рода возражениях, использовать их осторожно и только в том случае, когда необходимо разрушить какие-то значительные предрассудки и заблуждения ума.

Следующее различие метода выражается в том, что метод приспособляется к предмету изложения...вообще невозможно к многообразной материи успешно применить единый метод. Метод же – это своеобразная архитектура науки...²

Истинный же метод опыта сначала зажигает свет, потом указывает светом дорогу: он начинает с упорядоченного и систематического опыта, отнюдь не превратного и отклоняющегося в сторону, и выводит из него аксиомы, а из построенных аксиом – новые опыты...

Правильно же построенный метод неизменной стезей ведет через леса опыта к открытию аксиом.

Наш путь и наш метод...состоят в следующем: мы извлекаем не практику из практики и опыты из опытов (как эмпирики), а причины и аксиомы из практики и опытов и из причин и аксиом снова практику и опыты как законные истолкователи природы...

Наш способ истолкования...принимает во внимание не только движение и деятельность ума (подобно обычной логике), но также и природу

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1971. – С. 35, 45, 63, 313-314.

² Там же. – С. 342-343, 346-347.

вещей, постольку мы направляем ум так, чтобы он мог всегда пригодными способами обратиться к природе вещей. И поэтому в учении об истолковании мы даем много разнообразных указаний о видоизменениях способа открытия применительно к качеству и состоянию того предмета, который мы исследуем.

Индукцию мы считаем той формой доказательства, которая считается с данными чувств и настигает природу и устремляется к практике, почти смешиваясь с нею. Но и в самой форме индукции и в получаемом через нее суждении мы замышляем великие перемены...

Для наук нужна такая форма индукции, которая производила бы в опыте разделение и отбор и путем должных исключений и отбрасываний делала бы необходимые выводы.¹

Подобно тому, как общепринятая логика, которая распоряжается вещами посредством силлогизмов, относится не только к естественным, но и ко всем наукам, так и наша логика, которая движется посредством индукции, охватывает все.

Пусть никто не надеется, что он сможет управлять природой или изменять ее, пока должным образом ее не поймет и не узнает...

Необходимо разделение и разложение тел, конечно, не огнем, но посредством размышления и истинной индукции с помощью опытов, а также посредством сравнения с другими телами и сведения к простым природам и их формам, сходящимся и слагающимся в сложном.

Мы должны не измышлять и выдумывать, а открывать то, что свершает и привносит природа...

Следует применить истинную и законную *индукцию*, которая есть самый ключ истолкования.²

Элементы диалектики

Общепринятая диалектика, будучи вполне применима в гражданских делах и в тех искусствах, которые основаны на речи и мнении, все же далеко не достигает тонкости природы; и, пытавшись поймать неуловимое, она содействовала скорее укоренению и как бы закреплению ошибок, чем расчистке пути для истины.

[Наука] — ... богатое хранилище и сокровищница, созданные во славу творца всего сущего и в помощь человечеству. Ведь именно служение этой цели действительно украсило бы науку и подняло бы ее значение, если бы теория и практика соединились более прочными узами, чем до сих пор.

Существуют два рода стремлений и движений. Существуют простые движения, заключающие в себе корень всех остальных действий в природе (в зависимости, правда, от тех или иных состояний материи), и движения сложные или произвольные.

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. — М., 1971. — С. 46-47, 70-71, 75, 79.

² Там же. Т. 2. — С. 78, 88-89, 91.

Целью диалектики является раскрытие формы доказательств, необходимой для защиты интеллекта, а не для обмана его.

Кому неизвестно, что противоположности обладают одной и той же сущностью, хотя они и противопоставляются на практике.

Но никто не может придать данному телу новую природу или удачно и целесообразно превратить тело в новое, пока он не будет хорошо знать об изменении и превращении тела.¹

Итак, мы покажем прежде всего главные виды движений. Первое движение есть движение *противостояния* материи, которая присутствует в ее отдельных частицах. Второе движение есть движение *сцепления*. Третье движение есть движение *освобождения*. Четвертое движение, которому мы дали имя движения *материи*, некоторым образом противоположно движению, названному нами движением освобождения. Пятое движение есть движение *непрерывности*. Шестое движение есть движение, которое мы называем движением выгоды или движением *нужды*... Седьмое движение есть то, которое мы называем движением *большого собрания*... Восьмое движение есть движение *меньшего собрания*. Девятое движение есть движение *магнетическое*. Десятое движение есть движение *бегства*, оно противоположно движению меньшего собрания... Одиннадцатое движение есть движение *уподобления*, или *самоумножения*, или также *простого порождения*... Двенадцатое движение есть движение *побуждения*. Тринадцатое движение есть движение *запечатления*. Четырнадцатое движение есть движение *очертания*. Пятнадцатое движение есть движение *препровождения*, или движение *по течению*. Шестнадцатое движение есть *царственное*, или *правлящее*, движение. Семнадцатое движение есть движение *самопроизвольного вращения*. Восемнадцатое движение есть движение *дрожания*. Деятнадцатое, и последнее, движение таково, что ему едва ли подходит название движения, и все же оно вполне есть движение. Это движение можно назвать движением *покоя* или движением *избегания движения*.²

Ведь для того, чтобы познать претерпевание и процессы материи, необходимо понимание в целом всего сущего – и того, что было, и того, что есть, и того, что будет, хотя бы знание это не распространялось на отдельные части.

Мы наблюдаем в мире огромную массу противоположностей – плотного и редкого, теплого и холодного, света и тьмы, одушевленного и неодушевленного – противоположностей, которые взаимно сталкиваются и разрушают друг друга...

Всякий порядок, и плохой и хороший, состоит из противоположностей. Но одно дело – сочетать противоположности, а иное – переходить от одной к другой.

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1971. – С. 67-68, 121-122, 232, 351, 353.

² Там же. – С. 88, 186-203.

Одно можно сказать с достоверностью: материя не знает покоя и находится в вечном движении.¹

Новая Атлантида

...Рано поутру явился к нам тот самый человек с жезлом, который посетил нас первым, и сказал, что прислан доставить нас в Дом чужестранцев, а прибыл рано затем, чтобы мы имели в нашем распоряжении весь день... Мы поблагодарили его, сказав, что бог вознаградит его за заботу о бесприютных чужестранцах. Итак, шестеро из нас сошли с ним на берег; причем он, идя впереди, обернулся и сказал, чтобы мы считали его нашим проводником и слугой. Он провел нас тремя прекрасными улицами; на всем нашем пути по обеим сторонам улицы собрался народ; но все выстроились правильными рядами и вели себя так вежливо, словно собрались не дивиться па нас, а приветствовать; некоторые при нашем приближении несколько выставляли вперед руку, что является у них знаком приветствия...

На следующий день часов около десяти управитель явился к нам снова; после приветствий сказал дружески, что пришел навестить нас, велел подать себе стул и сел; сели и мы, человек десять (остальные были низкого звания, а некоторые отсутствовали). Когда мы уселись, он начал следующим образом: «Мы, жители острова Бенсалем (ибо так он именуется на их языке), благодаря нашему отдаленному расположению, тайне, к которой обязываем мы наших путешественников, и редкому допущению к себе чужестранцев, хорошо осведомлены о большей части обитаемых земель, сами же остаемся неизвестны... Вам надлежит знать (хотя вы и можете счесть это невероятным), что три тысячи, и более, лет назад мореплавание (особенно в отдаленные страны) было развито более, нежели сейчас. Не думайте, что мне неизвестно, какие успехи оно сделало за последние сто двадцать лет. Я знаю это отлично и, тем не менее, повторяю: более, нежели сейчас. Потому ли, что пример ковчега, спасшего остатки рода человеческого от всемирного потопа, поощрял людей вверяться волнам, или по другой причине, но так оно было. Большой флот был у финикийцев, особенно у жителей Тира, а также у их колонии, Карфагена, лежавшего еще дальше к западу. На востоке много кораблей было у Египта и Палестины. Китай и великая Атлантида (именуемая у вас Америкой), сейчас имеющие лишь джонки и пироги, в ту пору также в изобилии имели большие суда. Наш остров (как видно из достоверных летописей того времени) имел полторы тысячи прочных кораблей большого водоизмещения. Об этом у вас сохранилось мало сведений, или же вовсе никаких, нам же все это хорошо ведомо.

В то время страна наша была известна и посещалась кораблями всех названных мною стран. И нередко случалось, что с ними прибывали также люди других стран, не имевших своего флота, как-то: персы, халдеи, арабы; так что у нас побывали почти все могучие и слабые народы, от которых здесь

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1971. – С. 258, 314, 392, 482.

и по сей день сохранилось несколько родов и небольших племен. Что касается собственных наших кораблей, то они, плавая повсюду, достигали и вашего пролива, называемого Геркулесовыми столбами, и других частей Атлантики и Средиземного моря, и Пекина (иначе называемого Камбалу), и Кинсаи на Восточных морях, и даже самих рубежей Восточной Татарии.

В это же время, и еще столетие спустя, процветала и великая Атлантида. И хотя повесть о ней, написанная одним из ваших великих людей, – который назвал ее поселением потомков Нептуна и описал ее великолепный храм, дворец, город и холм, ее многочисленные судоходные реки, опоясывавшие город точно кольцами, и величавые ступени, по которым туда восходили, – хотя все это поэтический вымысел, одно, во всяком случае, верно: эта Атлантида, так же как и Перу (в то время называвшаяся Койя) и Мексика (носившая название Тирамбель), были мощными и гордыми державами, которые славились войском, флотом и богатствами, столь мощными, что жители последних одновременно (или на протяжении десяти лет) совершили два больших плавания...

Менее чем сто лет спустя великая Атлантида была разрушена до основания – не землетрясением, как утверждает ваш источник (ибо вся та часть света мало им подвержена), но частичным потопом и наводнением... Вот из-за этого-то бедствия и прекратились наши сношения с Америкой, с которой, вследствие более близкого соседства, они были наиболее тесными.

Что касается других частей света, то в последующие века (вследствие ли войн или просто превратностей времени) мореплавание всюду пришло в крайний упадок; а дальние плавания прекратились вовсе (чему способствовало также распространение галер и других подобных судов, непригодных в открытом море). Итак, тот способ сношений, который состоял в посещении нас чужестранцами, уже издавна, как видите, стал невозможен, не считая редких случаев, вроде того, что привел сюда вас. Что же касается второго способа, а именно, наших плаваний в чужие земли, то для этого должен я привести другую причину, ибо не могу (не греша против истины) сказать, что флот наш по части численности и прочности судов, искусства моряков и лоцманов и всего, относящегося до мореплавания, стал сколько-нибудь хуже, чем прежде. Отчего сделались мы домоседами, о том надлежит рассказать особо; а тем самым отвечу я и на главный ваш вопрос.

Около тысячи девятисот лет назад правил у нас король, память которого мы чтим более всех других – не как-либо суеверно, но потому, что в нем, хотя и смертном человеке, видим орудие божественного промысла. Имя его было Соломон, и он считается законодателем нашей страны. Государь этот обладал сердцем неистощимой доброты; и цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать страну и народ счастливыми. Видя, сколь богата наша земля и способна прокормиться без помощи чужеземцев, ибо имеет в окружности пять тысяч шестьсот миль и на редкость плодородную почву почти повсеместно; и сколько найдется дела нашим кораблям, как на рыбных промыслах, так и на перевозках из порта в порт или на небольшие

острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству; и сколь страна наша счастлива и благополучна; и сколько есть способов ухудшить это положение, тогда как едва ли найдется хоть один способ улучшить его, – решил он, что для осуществления его благородной цели (насколько это доступно человеческому предвидению) требуется лишь увековечить столь счастливое состояние. Поэтому в число изданных им основных законов нашего королевства включил он запреты, касающиеся посещения нас чужеземцами, что в те времена (хотя это было уже после бедствия, постигшего Америку) случалось часто; ибо опасался новшеств и влияния чужих нравов... Что касается наших путешествий в чужие края, то наш законодатель счел нужным запретить их совершенно...

Знайте же, дорогие друзья, что в числе превосходных законов, введенных этим государем, особо выделяется один. Это было основание некоего Ордена, или Общества, называемого нами «Дом Соломона» – благороднейшего (по нашему мнению) учреждения на земле, служащего стране нашей путеводным светочем. Оно посвящено изучению творений господних. Некоторые считают, что в его названии имя основателя подверглось искажению и что правильной было бы называть его «Дом Соломона». Но именно так оно значится в летописях. И я полагаю, что оно названо в честь царя иудеев, прославленного у вас и нам также небезызвестного. Ибо у нас имеются некоторые его сочинения, считающиеся у вас утерянными, а именно его *Естественная история*, трактующая обо всех растениях, от кедра ливанского до иссопа, растущего из стены, и обо всем, чему присуща жизнь и движение. Это заставляет меня думать, что государь наш, видя, что деятельность его во многом совпадает с деяниями иудейского царя (жившего за много лет до него), почтил его память этим названием. В этом мнении меня еще более утверждают древние летописи, иногда называющие Дом Соломона Коллегией шести дней творения; откуда очевидно, что достойный государь наш знал от иудеев о сотворении мира и всего в нем сущего в шесть дней и поэтому, учреждая Общество для познания истинной природы всех вещей (дабы прославить бога, создавшего их, а людей научить плодотворному пользованию ими), дал ему также и это второе название.

Но обратимся к главному предмету нашей беседы. Запретив своим подданным плавание во все края, не подвластные его короне, государь, однако ж, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов; и чтобы привезшие их корабли возвращались, сами же они оставались в чужой земле до следующей такой поездки. Корабли эти грузятся провиантом и запасом золота, который остается у членов Соломонова дома для закупок и оплаты различных услуг по

их усмотрению. Сообщать вам, каким образом наши матросы остаются неузнанными; и как те, кто высаживается на берег, выдают себя за представителей других наций; и куда именно ходили наши корабли; и какие порты определены им для дальнейших поездок – я не могу; да и вы навряд ли этого хотите. Но, как видите, мы ведем торговлю не ради золота, серебра или драгоценностей; не ради шелков, пряностей или иных материальных ценностей; но единственно ради того, что создано господом раньше всех других вещей, т. е. света – чтобы обрести свет, в каком бы конце земли он ни забрезжил»...

Однажды двое из нас были приглашены на так называемый Праздник семьи – обычай весьма почтенный, благочестивый и согласный с природою и выказывающий эту нацию с самой лучшей стороны. Вот как он празднуется. Праздновать его может всякий, кто породит не менее тридцати живых детей и внуков, как только младший из них достигнет трехлетнего возраста; расходы же по устройству праздника берет на себя государство. За два дня до празднества отец семейства, называемый здесь тирсаном, приглашает к себе троих друзей по своему выбору; в приготовлениях ему помогает также правитель города или местности, где происходит празднество; и собираются все члены семьи обоего пола. Эти два дня тирсан проводит в совещаниях о благополучии семьи. Если оказываются между ее членами раздоры или тяжбы, их разбирают и улаживают. Если кто-либо из семьи впал в нищету или находится в тяжелом положении, изыскиваются способы помочь ему и обеспечить средства к существованию. Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносятся порицание и осуждение. Здесь же даются указания относительно браков, выбора подходящего занятия и другие подобные советы. При этом присутствует правитель, дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться; однако надобность в этом бывает редко: настолько велико у них уважение к законам природы. Здесь же тирсан выбирает из числа своих сыновей одного, которому предстоит жить в его доме и носить звание Сына виноградной лозы. А откуда такое название, будет видно из дальнейшего...

Тирсан выходит со всем своим потомством, причем мужчины идут впереди его, а женщины позади; а если жива мать, породившая их всех, то справа от кресла, на хорах, отгораживают для нее особое помещение с дверью и застекленным окном с резной рамою, украшенной лазурью и золотом; там она сидит, невидимая присутствующим. Тирсан садится в кресло, а все семейство становится вдоль стены, позади его и по сторонам возвышения, по старшинству, но без различия пола; комната при этом всегда полна народа, но без всякой суматохи и шума; спустя минуту с противоположного конца появляется таратан (а по нашему вестник) и с ним два мальчика, из которых один несет свиток тамошнего желтого и блестящего пергамента, а другой – золотую виноградную гроздь на длинном стебле... Свиток этот содержит королевскую грамоту с перечислением пенсий, льгот, почестей и привилегий, даруемых отцу семейства, которого король в обращении всегда

именует «своим любезным другом и займодавцем»; и это звание ни в каких других случаях не употребляется. Ибо здесь считают, что король не может ни перед кем быть в долгу, кроме человека, приумножающего число его подданных... Эту грамоту вестник читает вслух, а тирсан выслушивает стоя, поддерживаемый двумя из своих сыновей. После этого вестник подымается на возвышение и вручает ему грамоту, а все присутствующие приветствуют это восклицаниями на их языке, означающими: «счастлив народ Бенсалема!» Затем вестник берет из рук второго мальчика виноградную гроздь, которая сделана целиком из золота – как стебель, так и ягоды... Число ягод в грозди соответствует числу потомства. Эту гроздь вестник также вручает тирсану, который тут же передает ее тому из сыновей, кого избрал он жить при себе, и тот всегда потом, в торжественных случаях, носит ее впереди отца, почему и называется Сыном виноградной лозы. По окончании этой церемонии тирсан удаляется, а спустя некоторое время выходит к обеду, в продолжение которого он, как и ранее, сидит один под балдахином, и никто из потомков его не садится с ним, каково бы ни было его звание и положение, если только это не член Соломонова дома. За столом прислуживают отцу только дети мужского пола, которые каждый раз преклоняют перед ним колени; а женщины стоят вдоль стены. Пониже возвышения накрыты столы для приглашенных, где все подается с большой торжественностью; а в конце обеда (пиршества у них никогда не длятся более полутора часов) исполняется гимн, который бывает различным, смотря по искусности сочинителя (поэты здесь превосходные), но темой своей неизменно имеет восхваление Адама, Ноя и Авраама, из коих первые два населили мир, а третий был отцом верующих; а в заключение всегда поется хвала рождеству Спасителя, рождением своим искупившего грехи всех рожденных.

По окончании трапезы тирсан вновь удаляется и после некоторого времени, проводимого в уединении и молитве, появляется в третий раз, чтобы благословить свое потомство, которое, как и вначале, стоит вокруг него. Он вызывает их одного за другим поименно, в любом удобном ему порядке, но обычно по старшинству. Названный преклоняет колени перед креслом (стол к тому времени убирается), а глава семьи возлагает ему руку на голову, произнося следующее благословение: «Сын Бенсалема (или дочь Бенсалема), так говорит отец твой, даровавший тебе дыхание жизни: да будет на тебе благословение вечного отца, князя мира и святого духа, а дни странствия твоего да будут долгими и счастливыми». Так говорит он каждому из них. А после того, если окажутся среди его сыновей люди выдающихся заслуг и достоинств (но не более двух), он призывает их вновь и, обняв за плечи, произносит: «Дети, благо, что вы родились; восхвалите господа и не сходите с доброго пути». С этими словами вручает он каждому из них драгоценное украшение в виде пшеничного колоса, которое они всегда потом носят на своей чалме или шляпе. Затем начинаются музыка, танцы и иные принятые у них развлечения, и так проходит весь день. Таков порядок этого праздника...

«Имеется у них множество мудрых и превосходных законов, касающихся брака. Многоженство не допускается. Есть также закон, не позволяющий вступать в брак или обручаться ранее, чем через месяц после первой встречи брачующихся. Брак без согласия родителей хотя и признается, но карается особым законом о наследстве. Ибо дети от таких браков не могут наследовать более трети родительского имущества. Читал я в одной вашей книге, описывающей некое воображаемое государство, что там вступающим в брак разрешается предварительно видеть друг друга нагими. Этого здешние жители не одобряют, ибо считают оскорбительным отвергнуть кого-либо после столь близкого общения. Но из-за наличия у мужчин и женщин многих тайных телесных изъянов прибегают они к более учтивому способу, устраивая вблизи каждого города по два водоема, называемых водоемами Адама и Евы – где одному из друзей жениха, а также одной из подруг невесты дозволено видеть их, порознь, нагими во время купания»...

Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным. Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины. Ибо мы полагаем, что внутренность горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности одно и то же; ибо они равно лишены солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижнею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых, искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут, действительно, очень долго; так что мы многому от них научились.

Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают китайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни. Они служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как-то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение.

Есть у нас обширные озера, как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье, или же погружены в воду. Есть у нас также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или,

наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ, требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрее, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником; ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков, и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их – крупнее и слаще, иного вкуса, аромата, цвета и формы. А многим из них мы придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое.

Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например,

сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных после того, как, по всем признакам, наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупнее, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы случать различные виды, отчего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобразуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится.

Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей.

Вино выделяем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и кореньев; а также из смесей и настоек меда, сахара, манной и сухих фруктов, или из древесных соков и сердцевин тростника. Напитки эти выдерживаются – иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, кореньев и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса, причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготавливать напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, кореньев и орехов, а иногда из сушеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ; так что некоторые сорта его служат для возбуждения аппетита, а другие настолько питательны, что многие ничего кроме них не употребляют и живут, однако же, очень долго. Также и мясо подвергается у нас такой обработке, измельчению и разжижению – без всякого, однако, ущерба для его свежести – что даже слабый жар больного желудка превращает их в полноценный млечный сок с такой же легкостью, с какой обычно мясо переваривается здоровым желудком. Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести длительное голодание, и, есть другие, от которых мышцы становятся заметно плотнее и тверже и силы прибывают необычайно.

Есть у нас аптеки. И коль скоро имеется у нас такое разнообразие растений и животных, большее, нежели у вас, европейцев (ибо все ваши

породы нам известны), то и лекарственных трав и других веществ должно быть соответственно больше. Некоторые из них мы выдерживаем и подвергаем длительному брожению. Что касается приготовляемых из них лекарств, то нам известны не только многие совершенные способы перегонки и выделения – чаще всего посредством равномерного нагревания и процеживания сквозь различные фильтры, иногда весьма плотные – но также и точные формулы соединений, благодаря которым из множества составных частей получаем как бы природное вещество.

Есть у нас различные производства, неизвестные вам, и немало изделий, как-то: бумага различных сортов; льняные, шелковые и другие ткани; нежные ткани из пуха с удивительными переливами; отличные краски и многое другое. И есть мастерские как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца.

Есть у нас различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; раздуваемые мехами; с сухим или влажным жаром и тому подобное. Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям, проводя через циклы, усиливая или уменьшая и тем достигая удивительных результатов. Мы воспроизводим также теплоту навоза, чрева животных и их пасти; теплоту их крови и тела; теплоту сена и трав, когда их сгребли влажными; теплоту негашеной извести и другие. Есть у нас также приборы, порождающие теплоту одним лишь своим движением. Есть особые места для сильного прокаливания на солнце, а также подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное тепло. Этими различными видами тепла мы пользуемся смотря по тому, какую производим работу.

Есть у нас дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности. Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии. Здесь же производим мы опыты с окрашиванием света, со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теневыми изображениями.

Мы открыли также различные, еще не известные вам, способы получать свет из различных тел. Мы нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные – близкими и можем искусственно создавать впечатление любого расстояния. Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные

трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы, как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен или изъяны в драгоценных камнях, которые иначе не удалось бы обнаружить и найти в крови и моче вещества, также невидимые иным способом.

Мы искусственно получаем радугу, сияния и ореолы вокруг источников света. А также воспроизводим явления отражения, преломления и усиления видимых лучей.

Есть у нас всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам неизвестны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, приведенных в стеклообразное состояние. Есть немало неизвестных вам ископаемых и низших минералов, магниты огромной мощности и другие редкие камни, как природные, так и искусственные.

Есть у нас дома звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. Нам известны неведомые вам гармонии, создаваемые четвертями тонов и еще меньшими интервалами, и различные музыкальные инструменты, также вам неизвестные и зачастую звучащие более приятно, чем любой из ваших. Есть у нас колокола и колокольчики с самым приятным звуком. Слабый звук мы умеем делать сильным и густым, а густой звук ослабленным или пронзительным. И можем заставить дрожать и тремолить звук, который зарождается цельным. Мы воспроизводим все звуки речи и голоса всех птиц и зверей. Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его, или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном; а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

Есть у нас дома ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями. Мы умеем, как это ни странно, усиливать запахи, умеем искусственно их создавать и заставлять все вещества издавать иной запах, чем свойственно им от природы. Мы умеем также подражать вкусу различных веществ, так что эти подделки способны обмануть кого угодно. Тут же имеется у нас кондитерская, где изготавливаются всевозможные свежие и сухие сладости, а также различные сладкие вина, молочные напитки, бульоны и салаты, куда более разнообразные, чем у вас.

Есть у нас дома механики, где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов — и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов, как для развлечения, так и для

других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета. Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, изготавливая для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности.

Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством.

Есть у нас особые дома, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разъясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств – стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества под угрозой штрафа и бесчестия запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома. Что касается различных обязанностей и занятий членов нашего Дома, то они распределяются следующим образом: двенадцать из нас отправляются в чужие земли, выдавая себя за представителей других наций (ибо существование нашей страны мы храним в тайне), и отовсюду привозят нам книги, материалы и описания опытов. Их называем мы торговцами светом.

Трое из нас извлекают материал для опытов, содержащийся в книгах. Их называем мы похитителями.

Трое других собирают опыт всех механических наук, равно как и всех свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку. Их мы называем охотниками за секретами.

Еще трое производят новые опыты, по собственному усмотрению. Их называем мы пионерами, или изыскателями.

Еще трое заносят результаты опытов всех названных четырех категорий в таблицы и сводки для более удобного извлечения из них общих наблюдений и законов. Их называем мы компиляторами.

Еще трое занимаются изучением опытов своих товарищей ради изобретений, которые могут быть полезны в обиходе, а также всего пригодного для дальнейших работ или для учебного объяснения причин явлений и наиболее легкого усвоения состава и свойств различных тел. Их называем мы дарителями, или благодетелями.

А после того как указанные работы подвергнутся обсуждению на общих совещаниях членов нашего Дома, трое других составляют на их основе

указания для новых опытов, более высокого порядка и глубже проникающих в природу, нежели предыдущие. Их называем мы светочами.

Еще трое осуществляют эти новые опыты и дают о них отчет. Их называем мы прививателями.

И, наконец, еще трое возводят все добытые опытом открытия в общие наблюдения, законы и принципы. Их называем мы истолкователями природы.

Есть у нас новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе, не считая многочисленных слуг и подручных обоюбого пола. И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних вы некоторые сообщаем государству, а некоторые – нет.

Обратимся теперь к нашим обычаям и обрядам. Есть у нас две просторные и красивые галереи; в одной из них выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений; в другой – скульптурные изображения всех великих изобретателей. Среди них находится статуя вашего Колумба, открывшего Вест-Индию; а также первого кораблестроителя; монаха, изобретшего огнестрельное оружие и порох; изобретателя музыки; изобретателя письменности; изобретателя книгопечатания; изобретателя астрономических наблюдений; изобретателя обработки металлов; изобретателя стекла; изобретателя культуры шелка; первого винодела; первого хлебопашца и первого, кто начал добывать сахар. Все они известны нам более достоверно, нежели вам. Кроме того, у нас немало и своих отличных изобретателей. Но поскольку ты не видел этих изобретений, описывать их было бы чересчур долго; к тому же по описанию ты можешь составить о них ошибочное суждение. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение. Статуи делаются иногда из меди, из мрамора и яшмы, из кедрового или другого ценного дерева, позолоченного и изукрашенного, из железа, серебра или золота.

Есть у нас особые гимны и ежедневные литургии для восхваления господина и благодарения за чудесные его творения, и особые молитвы о содействии нашим трудам и обращении их на цели благие и благочестивые.

И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем – сопровождая это естественными объяснениями – поварные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное и даем жителям советы, как предупредить стихийные бедствия и бороться с ними.¹

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1972. – С. 483-518.

Декарт Рене (лат. Картезий) (1596 – 1650) – французский ученый и философ, представитель классического рационализма. Родился в семье дворянина, учился в привилегированной школе (иезуитском колледже). Двадцать с лишним лет жил в Нидерландах, где занимался активной научной деятельностью. Главная черта философского мировоззрения Декарта – дуализм души и тела, «мыслящей субстанции» и материальной («протяженной») субстанции. Один из родоначальников механицизма и в то же время – провозвестник эволюционных идей (картезианский парадокс).

Основные работы: «Рассуждение о методе» (1637), «Начала философии» (1644).

Смысл философии и ее предмет

И заметив, что истина *Я мыслю, следовательно, я существую* столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасения принять ее за первый принцип искомой мною философии.

...И, заметив, что в истине *положения Я мыслю, следовательно, я существую* меня убеждает единственное ясное представление, что для мышления надо существовать, я заключил, что можно взять за общее правило следующее: все представляемое нами вполне ясно и отчетливо-истинно. Однако некоторая трудность заключается в правильном различении того, что именно мы способны представлять себе вполне отчетливо.

Ведь полагать, что мыслящая вещь в то самое время, как она мыслит, не существует, будет явным противоречием. А посему положение *Я мыслю, следовательно, существую* – первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования.¹

...Из самого факта моего сомнения вытекает, что я существую...²

Слово *философия* означает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание, что может познать человек; это же знание, которое направляет нашу жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытием во всех искусствах. А чтобы оно стало таковым, оно должно быть выведено из первых причин так, чтобы тот, кто старается овладеть им (а это значит, собственно, философствовать), начиная с исследования этих первых причин, именуемых первоначалами. Для этих первоначал существует два требования. Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности. Во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них так, что, хотя основоположения и могли бы быть познаны поимо познания прочих вещей, однако эти последние, не могли бы быть познаны без знания первоначал. Затем надо попытаться вывести знание о вещах из тех начал, от которых ни зависят,

¹ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 269, 316.

² Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1994. – С. 32.

таким образом, чтобы во всем ряду выводов не встречалось ничего, что не было бы совершенно очевидным.

Философия, поскольку она простирается на все доступное для человеческого познания, одна только отличает нас от дикарей и варваров и что каждый народ тем более цивилизован и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего, как иметь истинных философов.

А такое высшее благо, как показывает даже и помимо света веры природный разум, есть не что иное, как познание истины по ее первопричинам, т.е. мудрость; занятие последнею и есть философия.

...Должно серьезно отдаться подлинной философии, первой частью которой является метафизика, где содержатся начала познания. Среди них – объяснение главных атрибутов Бога, нематериальности нашей души, а равно и всех остальных ясных и простых понятий, какими мы обладаем. Вторая часть – физика. В ней, после того, как будут найдены истинные начала материальных вещей, рассматривается главным образом, как образован весь универсум. Затем, особо, какова природа Земли и всех остальных тел, находящихся около Земли, как, например, воздуха, воды, огня, магнита и иных минералов. Далее... должно исследовать природу растений, животных, а особенно человека, чтобы быть в состоянии приобретать прочие полезные для него знания. Таким образом, вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие от этого ствола, все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике. Последнюю я считаю высочайшей и совершеннейшей наукой, которая предполагает полное знание других наук и является последней ступенью к высшей мудрости.¹

...Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел... мы могли бы использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы.

Моя философия вовсе не нова – она самая древняя и общераспространенная. Ибо я не рассматривал ничего, кроме фигуры, движения и величины всякого тела, и не исследовал ничего, что не должно было бы, согласно законам механики, достоверность которых доказана бесчисленными опытами, вытекать из столкновения тел, имеющих различную величину, фигуру или движение.²

Онтология: Физика телесной субстанции (материи)

...Я признаю лишь два высших рода вещей: одни из них вещи – умпостигаемые, или относящиеся к мыслящей субстанции; другие – вещи материальные, или относящиеся к протяженной субстанции, то

¹ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 301-303, 309.

² Там же. – С. 286, 415.

есть к телу. Восприятие, воление и все модусы как восприятия, так и воления относятся к мыслящей субстанции; к протяженной же относятся величина, или сама протяженность в длину, ширину и глубину, фигура, движение, положение, делимость этих вещей на части и т. п.

...Имеется некоторая субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину, существующая в настоящее время в мире и обладающая всеми свойствами, о которых нам с очевидностью известно, что они ей присущи. Эта-то протяженная *субстанция* и есть то, что называется собственно телом или *субстанцией материальных вещей*...

Если...мы рассмотрим вообще все тела, составляющие универсум, то найдем только три вида тел, которые могут быть названы большими, и которые можно рассматривать как главные части универсума. Во-первых, это солнце и неподвижные звезды, во-вторых, небеса и, в-третьих, земля с планетами и кометами.

...Этот мир или протяженная материя, составляющая универсум, не имеет никаких границ... земля и небеса созданы из одной и той же материи; и даже если бы миров было бесконечное множество, то они необходимо состояли бы из этой же материи. Отсюда следует, что не может быть многих миров, ибо мы теперь с очевидностью постигаем, что материя, природа которой состоит только в том, что она – вещь протяженная, занимает ныне все воображимые пространства, где те или иные миры могли бы находиться; а идеи какой-либо иной материи мы в себе не находим.

Следовательно, во всем универсуме существует одна и та же материя, и мы познаем ее единственно лишь в силу ее протяженности. Все свойства, отчетливо воспринимаемые в материи, сводятся единственно к тому, что она делима и подвижна в своих частях и, стало быть, способна принимать различные состояния, которые, как мы видели, могут вытекать из движения ее частей.

...Материя делится на беспредельные и бесчисленные части. Это беспредельное деление, то есть деление на столько частей, что мы не можем мысленно определить часть столь малой, чтобы не мыслить ее разделенной на еще меньшие части... Я прямо заявляю, что мне неизвестна иная материя телесных вещей, как только всячески делимая, могущая иметь различную фигуру и движимая различным образом...

...Все тела, составляющие универсум, состоят из одной и той же материи, бесконечно делимой и действительно разделенной на множество частей, которые движутся различно, причем движение они имеют некоторым образом кругообразное, и в мире постоянно сохраняется одно и то же количество движения.¹

...Мне представляется, что нельзя ни доказать, ни даже постичь, что материя, из которой состоит мир, имеет границы. Ведь, исследуя природу этой материи, я нахожу, что таковая состоит не в чем ином, как в обладании

¹ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 195, 333, 349, 359-360, 386, 391.

протяженностью в длину, ширину и глубину, и, таким образом, все, имеющее три измерения, является частью данной материи; при этом в ней не может существовать пустого пространства, то есть пространства, не содержащего никакой материи, ибо мы не можем помыслить такое пространство, в котором мы одновременно не мыслили бы указанные три измерения, а следовательно – материю, ...до сих пор мне не встречалось в природе материальных вещей ничего, что не позволило бы придумать очень легкое механическое объяснение.¹

Рационалистическая теория познания и методология

...Все науки связаны между собой настолько, что гораздо легче изучать их все сразу, чем отделяя одну от других. ...Все они связаны между собой и друг от друга зависимы. Но пусть тот, кто хочет исследовать истину вещей думает только о приумножении естественного света разума, не для того, чтобы разрешить то или иное школьное затруднение, но для того, чтобы в любых случаях жизни разум предписывал воле, что следует избрать, и вскоре он удивится, что сделал успехи гораздо большие, чем те, кто занимался частными науками, и не только достиг всего того, к чему стремился, но и превзошел то, на что мог надеяться.

Мы приходим к познанию вещей двумя путями, а именно посредством опыта или дедукции. Вдобавок следует заметить, что опытные данные о вещах часто бывают обманчивыми, дедукция же, или чистый вывод одного из другого, хотя и может быть оставлена без внимания, если она неочевидна, но никогда не может быть неверно произведена разумом, даже крайне малорассудительным.

...Только разум способен к науке, но ему могут содействовать или препятствовать три другие способности, а именно воображение, чувство и память. Следовательно, нужно рассмотреть по порядку, для того чтобы остережся, в чем каждая из этих способностей может мешать или, чтобы воспользоваться всеми их возможностями, в чем может быть полезной...

В нас имеется только четыре способности, которыми мы для этого можем воспользоваться, а именно разум, воображение, чувство и память. Конечно, один лишь разум способен к постижению истины, однако он должен прибегать к помощи воображения, чувства и памяти, с тем, чтобы мы случайно не оставили без внимания нечто находящееся в нашем распоряжении.

...Мы приходим к познанию вещей двумя путями, а именно посредством интуиции и дедукции...

Под интуицией я подразумеваю не зыбкое свидетельство чувств..., а понимание ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем...

¹ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1994. – С. 557, 583.

Мы отличаем здесь интуицию ума от достоверной индукции потому, что в последней обнаруживается движение, или некая последовательность, чего нет в первой. А также потому, что для дедукции не требуется наличной очевидности, как для интуиции, но она, скорее, некоторым образом заимствует свою достоверность у памяти. ...И если положения, которые непосредственно выводятся из первых принципов, познаются в зависимости от различного их рассмотрения то посредством интуиции, то посредством дедукции, то сами первые принципы познаются только с помощью интуиции, а отдаленные следствия – дедукции.¹

...Способность правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения – что, собственно, и составляет, как принято выражаться, здравомыслие, или разум, – от природы одинаково у всех людей... недостаточно просто иметь хороший ум, но главное – это хорошо применять его.

...Что же касается разума, или здравомыслия, то, поскольку это единственная вещь, делающая нас людьми и отличающая от животных, то я хочу верить, что он полностью наличествует в каждом...

Нас отвлекает от истинного познания множество предрассудков; очевидно, мы можем избавиться от них лишь в том случае, если хоть раз в жизни постараемся усомниться во всех тех вещах, в отношении достоверности которых мы питаем хотя бы малейшее подозрение...

Но это сомнение должно быть ограничено лишь областью созерцания истины.

Под словом «мышление» я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем. Таким образом, не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что и мыслить.

Гораздо лучше никогда не думать об отыскании истины какой бы то ни было вещи, чем делать это без метода... Под методом же я разумею достоверные и легкие правила, строго соблюдая которые человек никогда не примет ничего ложного за истинное и, не затрачивая напрасно никакого усилия ума, но постоянно шаг за шагом приумножая знания, придет к истинному познанию всего того, что он будет способен познать.

Ни о чем я не думаю здесь так мало, как об общепринятой математике, но излагаю некую другую дисциплину, такую, что упомянутые науки являются скорее ее покровом, нежели частями. Ведь эта наука должна содержать в себе первые начала человеческого рассудка и достигать того, чтобы извлекать истины из какого угодно предмета; и, если говорить откровенно, я убежден, что она превосходит любое другое знание, переданное нам людьми, так как она служит источником всех других знаний.

Должна существовать некая общая наука, которая, не будучи зависимой ни от какого частного предмета, объясняла бы все то, что может быть обнаружено в связи с порядком и мерой. И эта самая наука должна

¹ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 79, 81, 84-85, 104-105, 113, 123.

называться не заимствованным именем, а уже сделавшимся старым, но вновь вошедшим в употребление именем всеобщей математики, ибо в ней содержится все то, благодаря чему другие науки и называются частями математики.

...Вот почему, насколько было в моих силах, я до сих пор разрабатывал эту всеобщую математику...

Весь метод состоит в порядке и расположении тех вещей, на которые надо обратить взор ума, чтобы найти какую-либо истину.¹

Чистый разум... перечислит все другие орудия познания, какими мы обладаем, кроме разума; их окажется только два, а именно фантазия и чувство. Итак, он приложит все старания, чтобы различить и исследовать три этих способа познания, и, увидя, что истина и ложь в собственном смысле могут существовать не иначе как лишь в разуме, но зачастую они ведут свое происхождение только от двух других способов, он постарается обратить внимание на все те вещи, которыми он может быть введен в заблуждение, с тем чтобы остерегаться их, и точно перечислит все пути, которые открыты людям к истине, с тем, чтобы следовать верным путем...

...Метод подобен тем из механических ремесел, которые не нуждаются в посторонней помощи, но сами наставляют, каким образом надо изготовлять инструменты для них.

...Для интуиции ума на необходимы два условия, а именно, чтобы положение понималось ясно и отчетливо, а затем, чтобы оно понималось все сразу, а не последовательно. А дедукция...включает в себя некоторое движение нашего ума, выводящего одно из другого.²

...В логике ее силлогизмы и большинство других правил служат больше для объяснения другим того, что нам известно, или, как искусство Луллия, учат тому, чтобы говорить, не задумываясь о том, чего не знаешь, вместо того, чтобы познать это. Хотя логика в самом деле содержит немало очень верных и хороших правил, однако к ним примешано столько вредных и излишних, что отделить их от этих последних почти так же трудно, как извлечь Диану или Минерву из куска необработанного мрамора.

Вместо большого числа правил, составляющих логику, я заключил, что было бы достаточно четырех следующих, лишь бы только я принял твердое решение постоянно соблюдать их без единого отступления.

Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, то есть тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе – делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

¹ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 86, 88, 90-91.

² Там же. – С. 102-103, 111.

Третье – располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено.¹

Элементы диалектики

Я же признаю, что покой есть также качество, которое должно приписать материи в то время, когда она остается в одном месте, подобно тому, как движение есть одно из качеств, которые приписываются ей, когда она меняет место.

Движение противоположно не другому движению, а покою: направленность движения в одну сторону противоположна направленности его в другую сторону.

...Все чисто материальные вещи могли бы с течением времени сделаться такими, какими мы видим их теперь; к тому же их природа гораздо легче познается, когда мы видим их постепенное возникновение, нежели тогда, когда мы рассматриваем их как вполне уже образовавшиеся.²

...Природа ума и тела признается нами не только различной, но даже в известной мере противоположной... сам по себе он [ум] не изменяется; а что касается тела человека, то оно изменяется хотя бы уже потому, что подвержены изменению формы некоторых его частей. Из этого следует, что тело весьма легко погибает, ум же по самой природе своей бессмертен.

Что касается способа доказательства, то он носит двоякий характер – анализа и синтеза.

Анализ указывает правильный путь, на котором нечто может быть найдено методически и как бы априори...

Синтез, наоборот, ведет доказательство противоположным путем и как бы апостериори (хотя часто самый способ доказательства гораздо более априорен в синтезе, нежели в анализе) и ясно излагает полученные выводы...ведь одно и то же и не одно и то же, или различное, – это взаимоисключающие понятия.³

Об основах человеческого познания

1. О том, что для разыскания истины необходимо раз в жизни, насколько это возможно, поставить все под сомнение.

Так как мы были детьми, раньше чем стать взрослыми, и составили относительно предметов, представлявшихся нашим чувствам, разные суждения, как правильные, так и неправильные, прежде чем достигли

¹ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 260.

² Там же. – С. 201, 276, 373.

³ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М., 1994. – С. 113, 124, 188.

полного обладания нашим разумом, то некоторые опрометчивые суждения отвращают нас от истинного познания и владеют нами настолько, что освободиться от них мы, по-видимому, можем не иначе, как решившись хотя бы раз в жизни усомниться во всем том, по поводу чего обнаружим малейшие подозрения в недостоверности.

2. Нам также необходимо считать все поставленное под сомнение ложным.

Более того, нам полезно считать то, в чем мы усомнились ложным, дабы яснее определить то, что наиболее достоверно и доступно для познания.

3. О том, что для руководства нашими поступками мы не должны следовать такому сомнению.

...Я не предлагаю пользоваться методом сомнения вообще, а лишь тогда, когда мы задаемся целью созерцания истины. Ибо несомненно, что для руководства в жизни мы часто вынуждены следовать взглядам, которые лишь вероятны, по той причине, что случай совершать поступки почти всегда проходит прежде, чем мы можем разрешить все сомнения. И если по поводу одного и того же предмета встречается несколько взглядов, то хотя бы мы и не усматривали большей правдоподобности в одном из них, но, если дело не терпит отлагательства, разум все же требует, чтобы мы избрали один из них и чтобы, избрав его, и в дальнейшем следовали ему, как если бы считали его вполне достоверным.

4. Почему можно усомниться в истинности чувственных вещей.

...Мы по опыту знаем, сколь часто нас обманывали чувства, и, следовательно, неосмотрительно было бы чересчур полагаться на то, что нас обмануло хотя бы один раз. Кроме того, мы почти всегда испытываем во сне видения, при которых нам кажется, будто мы живо чувствуем и ясно воображаем множество вещей, между тем как эти вещи нигде больше и не имеются. Поэтому, решившись однажды усомниться во всем, не находишь более признака, по которому можно было бы судить, являются ли более ложными мысли, приходящие в сновидении, по сравнению со всеми остальными.

5. Почему можно сомневаться также и в математических доказательствах.

Станем сомневаться и во всем остальном, что прежде полагали за самое достоверное; даже в математических доказательствах и их обоснованиях, хотя сами по себе они достаточно ясны, ведь ошибаются же некоторые люди, рассуждая о таких вещах. Главное же усомнимся потому, что слышали о существовании Бога, создавшего нас и могущего творить все, что ему угодно, и мы не знаем, не захотел ли он создать нас такими, чтобы мы всегда ошибались даже в том, что нам кажется самым достоверным. Ибо, допустив, чтобы мы иногда ошибались, как уже было отмечено, почему бы ему не допустить, чтобы мы ошибались постоянно? Если же мы предположим, что обязаны существованием не всемогущему Богу, а либо самим себе, либо чему-нибудь другому, то, чем менее могущественным

признаем мы виновника нашего существования, тем более будет вероятно, что мы так несовершенны, что постоянно ошибаемся...

7. О том, что нельзя сомневаться не существуя и что это есть первое достоверное познание, какое возможно приобрести.

Отбросив, таким образом, все то, в чем так или иначе мы можем сомневаться, и даже предполагая все это ложным, мы легко допустим, что нет ни Бога, ни неба, ни земли и что даже у нас самих нет тела, но мы все-таки не можем предположить, что мы не существуем, в то время как сомневаемся в истинности всех этих вещей. Столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что, невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение я мыслю, следовательно, я существую истинно и что оно поэтому есть первое и вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли.

8. О том, что таким путем познается различие между душой и телом.

Мне кажется, что это лучший путь, какой мы можем избрать для познания природы души и ее отличия от тела. Ибо, исследуя, что такое мы, предполагающие теперь, что вне нашего мышления нет ничего подлинно существующего, мы очевидно сознаем, что для того, чтобы существовать, нам не требуется ни протяжение, ни фигура, ни нахождение в каком-либо месте, ни что-либо такое, что можно приписать телу, но что мы существуем только потому, что мы мыслим. Следовательно, наше понятие о нашей душе или нашей мысли предшествует тому, которое мы имеем о теле, и понятие это достовернее, так как мы еще сомневаемся в том, имеются ли в мире тела, но с несомненностью знаем, что мыслим.

9. Что такое мышление.

Под словом «мышление» я разумею все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также чувствовать означает здесь то же самое, что мыслить. Ибо ведь если я скажу «я вижу» или «я иду» и сделаю отсюда вывод, что «я существую», и буду разумеать действия, совершаемые моими глазами или ногами, то заключение не будет настолько непогрешимым, чтобы я не имел основания в нем сомневаться, так как я могу думать, что вижу или хожу, хотя бы я не открывал глаз и не трогался с места, как бывает подчас во сне и как могло бы быть, даже если бы я вовсе не имел тела. Если же я подразумеваю только действие моей мысли или моего чувства, иначе говоря, мое внутреннее сознание, в силу которого мне кажется, будто я вижу или хожу, то заключение настолько правильно, что я в нем не могу сомневаться, ибо оно относится к душе, которая одна лишь способна чувствовать и мыслить каким бы то ни было образом.

10. О том, что имеются понятия, настолько ясные сами по себе, что, определяя их по школьным правилам, их можно лишь затемнить и что они не приобретаются путем изучения, а рождаются вместе с нами.

...Я заметил, что философы, пытаясь объяснять по правилам их логики вещи сами по себе ясные, лишь затемняют дело. Сказав, что положение я мыслю, следовательно, я существую является первым и наиболее достоверным, представляющим всякому, кто методически располагает свой мысли, я не отрицал тем самым надобности знать еще до этого, что такое мышление, достоверность, существование, не отрицал, что для того, чтобы мыслить, надо существовать, и тому подобное...

11. О том, что мы яснее можем познать нашу душу, чем наше тело.

...Мы тем лучше познаем вещь, или субстанцию, чем больше отмечаем в ней свойств. А мы, конечно, относительно нашей души отмечаем их много больше, чем относительно чего-либо иного, тем более что нет ничего, побуждающего нас познать что-либо, что еще с большей достоверностью не приводило бы нас к познанию нашей мысли...

13. В каком смысле можно сказать, что, не зная Бога, нельзя иметь достоверного познания ни о чем.

Но когда душа, познав сама себя и продолжая еще сомневаться во всем остальном, осмотрительно стремится распространить свое познание все дальше, то прежде всего она находит в себе идеи о некоторых вещах; пока она их просто созерцает, не утверждая и не отрицая существования вне себя чего-либо подобного этим идеям, ошибиться она не может. Она встречает также некоторые общие понятия и создает из них различные доказательства, столь убедительные для нее, что, занимаясь ими, она не может сомневаться в их истинности. Так, например, душа имеет в себе идеи чисел и фигур, имеет также среди общих понятий и то, что «если к равным величинам прибавить равные, то получаемые при этом итоги будут равны между собой». Она имеет еще и другие столь же очевидные понятия, благодаря которым легко доказать, что сумма трёх углов треугольника равна двум прямым, и т. д. Пока душа видит эти понятия и порядок, каким она выводит подобные заключения, она вполне убеждена в их истинности; так как душа не может на них постоянно сосредоточиваться, то, когда она вспоминает о каком либо заключении, не заботясь о пути, каким оно может быть выведено, и притом полагает, что творец мог бы создать ее такой, чтобы ей свойственно было ошибаться во всем, что ей кажется вполне очевидным, она ясно видит, что по праву сомневается в истинности всего того, чего не видит отчетливо, и считает невозможным иметь какое-либо достоверное знание прежде, чем познает того, кто ее создал.

14. О том, что существование Бога доказуемо одним тем, что необходимость бытия, или существования, заключена в понятии, какое мы имеем о нем.

Далее, когда душа, рассматривая различные идеи и понятия, существующие в ней, обнаруживает среди них идею о существе всеведущем, всемогущем и высшего совершенства, то по тому, что она видит в этой идее, она легко заключает о существовании Бога, который есть это всесовершенное существо; ибо, хотя она и имеет отчетливое представление о некоторых

других вещах, она не замечает в них ничего, что убеждало бы ее в существовании их предмета, тогда как в этой идее она видит существование не только возможное, как в остальных, но и совершенно необходимое и вечное.

15. О том, что в понятиях, какие мы имеем о прочих вещах, заключается не необходимость бытия, а лишь его возможность. В истинности этого заключения душа убедится еще больше, если заметит, что у нее нет идеи, или понятия, о какой-либо иной вещи, относительно которой она столь же совершенно могла бы отметить необходимое существование. По одному этому она поймет, что идея существа высочайшего совершенства не возникла в ней путем фикции, подобно представлению о некой химере, но, что, наоборот, в ней запечатлена незыблемая и истинная природа, которая должна существовать с необходимостью, так как не может быть постигнута иначе, чем как необходимо существующая...

...Находя в себе идею Бога, или всесовершенного существа, мы вправе допытываться, по какой именно причине имеем ее. Но, внимательно рассмотрев, сколь безмерны представленные в ней совершенства, мы вынуждены признать, что она не могла быть вложена в нас иначе, чем всесовершенным существом, то есть никем иным, как Богом, подлинно сущим или существующим, ибо при естественном свете очевидно не только то, что ничто не может произойти из ничего, но и то, что более совершенное не может быть следствием и модусом менее совершенного, а также потому, что при том же свете мы видим, что в нас не могла бы существовать идея или образ какой-либо вещи, первообраза которой не существовало бы в нас самих или вне нас, первообраза, действительно содержащего все изображенные в нашей идее совершенства. А так как мы знаем, что нам присущи многие недостатки и что мы не обладаем высшими совершенствами, идею которых имеем, то отсюда мы должны заключить, что совершенства эти находятся в чем-то от нас отличном и действительно всесовершенном, которое есть Бог, или что по меньшей мере они в нем некогда были, а из того, что эти совершенства бесконечны, следует, что они и ныне там существуют...

20. О том, что не мы первопричина нас самих, а Бог и что, следовательно, Бог есть.

...Так как относительно искусно сделанной машины мы достаточно знаем, каким образом мы получили о ней понятие, а относительно нашей идеи о Боге мы не можем припомнить, когда она была сообщена нам Богом, – по той причине, что она в нас была всегда, – то поэтому мы должны рассмотреть и этот вопрос, должны разыскать, кто творец нашей души или мысли, включающей идею о бесконечных совершенствах, присущих Богу. Ибо очевидно, что нечто, знающее более совершенное, чем оно само, не само создало свое бытие, так как оно при этом придало бы себе самому все те совершенства, сознание о которых оно имеет, и поэтому оно не могло произойти ни от кого, кто не имел бы этих совершенств, то есть не был бы Богом.

...Легко понять, что нет в нас никакой силы, посредством которой мы сами могли бы существовать или хотя бы на мгновение сохранить себя, и что тот, кто обладает такой мощью, что дает нам существовать вне его и сохраняет нас, тем более сохранит самого себя; вернее, он вовсе не нуждается в сохранении кем бы то ни было; словом, он есть Бог.

27. О различии между неопределенно большим и бесконечным.

Все...мы скорее назовем неопределенно большим, а не бесконечным или беспредельным, чтобы название «бесконечный» сохранить для одного Бога, столь же потому, что в нем одном мы не видим никаких пределов его совершенствам, сколь и потому, что знаем твердо, что их и не может быть. Что же касается остальных вещей, то мы знаем, что они несовершенны, ибо, хотя мы и отмечаем в них подчас свойства, кажущиеся нам беспредельными, мы не можем не знать, что это проистекает из недостаточности нашего разума, а не из их природы.

29. Бог не есть причина наших заблуждений.

Первый из атрибутов Бога, подлежащий здесь нашему обсуждению, состоит в том, что он – высшая истина и источник всякого света, поэтому явно нелепо, чтобы он нас обманывал, то есть был прямой причиной заблуждений, которым мы подвержены и которые испытываем на самих себе... Способность познания, данная нам Богом и называемая естественным светом, никогда не касается какого-либо предмета, который не был бы истинным в том, в чем она его касается, то есть в том, что она постигает ясно и отчетливо.

32. О том, что у нас лишь два вида мыслей, а именно восприятие разумом и действие воли.

Без сомнения, все виды мыслительной деятельности, отмечаемые нами у себя, могут быть отнесены к двум основным: один из них состоит в восприятии разумом, другой – в определении волей. Итак, чувствовать, воображать, даже постигать чисто интеллектуальные вещи – все это лишь различные виды восприятия, тогда как желать, испытывать отвращение, утверждать, отрицать, сомневаться – различные виды воления...

34. Наряду с рассудком для суждения требуется и воля.

Признаю, что мы ни о чем не можем судить без участия нашего рассудка, ибо нет оснований полагать, чтобы наша воля определялась тем, чего наш рассудок никоим образом не воспринимает. Но так как совершенно необходима воля, чтобы мы дали наше согласие на то, чего мы никак не восприняли, и так как для вынесения суждения, как такового, нет необходимости в том, чтобы мы имели полное и совершенное познание, то мы часто соглашаемся со многим таким, что познали вовсе не ясно, а смутно.

35. Воля обширнее разума – отсюда и проистекают наши заблуждения.

Восприятие рассудком распространяется только на то небольшое, что ему представляется, поэтому познание рассудком всегда весьма ограничено. Воля же в известном смысле может показаться беспредельной, ибо мы

никогда не встретим ничего, что могло бы быть объектом воли кого-либо иного, даже безмерной воли Бога, на что не могла бы простираться и наша воля. Вследствие этого нашу волю мы распространяем обычно за пределы ясно и четко воспринимаемого нами, а раз мы так поступаем, то неудивительно, что нам случается ошибаться.

39. Свобода нашей воли постигается без доказательств, одним нашим внутренним опытом.

То, что мы обладаем свободой воли и что последняя по своему выбору может со многим соглашаться или не соглашаться, ясно настолько, что должно рассматриваться как одно из первых и наиболее общих врожденных нам понятий.

40. Мы знаем также вполне достоверно, что Бог все предустановил.

Однако, ввиду того что познанное нами с тех пор о Боге убеждает нас в столь великом его могуществе, что преступно было бы полагать, будто когда-либо мы могли бы совершить нечто им заранее не предустановленное, мы легко можем запутаться в больших затруднениях, если станем пытаться согласовать божье предустановление со свободой нашего выбора и постараемся понять, иначе говоря, охватить и как бы ограничить нашим разумением всю обширность свободы нашей воли, равно как и порядок вечного провидения.

41. Каким образом можно согласовать свободу нашей воли с божественным предопределением.

Напротив, мы легко избегнем заблуждений в том случае, если отметим, что наш дух конечен, божественное же всемогущество, согласно которому Бог все, что существует или может существовать, не только знает, но и водит и предустановляет, бесконечно. Поэтому нашего разума достаточно, чтобы ясно и отчетливо понять, что всемогущество это существует в Боге; однако его недостаточно для постижения обширности такого всемогущества настолько, чтобы мы могли понять, каким образом Бог оставляет человеческие действия совершенно свободными и недетерминированными.

С другой стороны, в свободе и безразличии внутри нас мы уверены настолько, что для нас нет ничего более ясного; таким образом, всемогущество Бога не должно нам препятствовать в это верить.

45. Что такое ясное и отчетливое восприятие.

Ясным я называю такое восприятие, которое очевидно и имеется налицо для внимательного ума, подобно тому как мы говорим, что ясно видим предметы, имеющиеся налицо и с достаточной силой действующие, когда глаза наши расположены их видеть. Отчетливым же я называю восприятие, которое настолько отлично от всего остального, что содержит только ясно представляющееся тому, кто надлежащим образом его рассматривает.

51. О том, что такое субстанция и что название это не может быть приписано в одинаковом смысле Богу и творениям.

Разумея субстанцию, мы можем разуметь лишь вещь, которая существует так, что не нуждается для своего существования ни в чем, кроме самой себя. Тут может представиться неясность в объяснении выражения «нуждаться лишь в себе самой».

Ибо таков, собственно говоря, один только Бог, и нет ничего сотворенного, что могло бы просуществовать хотя бы мгновение, не будучи поддерживаемо и хранимо его могуществом. Поэтому справедливо говорят в школах, что название субстанции не однозначно подходит к Богу и к творениям, то есть что нет такого значения этого слова, которое мы отчетливо бы постигали и которое обнимало бы и его и их. Но ввиду того что среди сотворенных вещей некоторые по природе своей не могут существовать без некоторых других, мы их отличаем от тех, которые нуждаются лишь в обычном содействии Бога, и называем последние субстанциями, а первые - качествами или атрибутами этих субстанций...

53. Всякая субстанция имеет преимущественный атрибут: для души – мысль, подобно тому как для тела – протяжение.

Хотя любой атрибут достаточен для познания субстанции, однако у каждой субстанции есть преимущественное, составляющее ее сущность и природу свойство, от которого зависят все остальные. Именно, протяжение в длину, ширину и глубину составляет природу субстанции, ибо все то, что может быть приписано телу, предполагает протяжение и есть только некоторый модус протяженной вещи; подобно этому все свойства, которые мы находим в мыслящей вещи, суть только разные модусы мышления. Так, например, фигура может мыслиться только в протяженной вещи, движение - только в протяженном пространстве, воображение же, чувство, желание настолько зависят от мыслящей вещи, что мы не можем их без нее постичь. И наоборот, протяжение может быть понимаемо без фигуры и без движения, а мыслящая вещь – без воображения и без чувств; так и в остальном.

54. Каким образом нам доступны раздельные мысли о субстанции мыслящей, о телесной и о Боге.

Итак, мы легко можем образовать два ясных и отчетливых понятия, или две идеи: одну - о сотворенной мыслящей субстанции, другую - о субстанции протяженной, если, конечно, тщательно различим все атрибуты мышления от атрибутов протяжения. Мы можем также иметь ясную и отчетливую идею о несотворенной субстанции, мыслящей и независимой, то есть идею о Боге, бы мы не предполагали, что эта идея выражает все, что есть в нем, и не примыслили бы что-либо к ней, а считались лишь с тем, что действительно содержится в отчетливом понятии о нем и что мы воспринимаем как принадлежащее к природе всесовершенного существа.

59. Каковы универсалии. Универсалии образуются в силу только того, что мы пользуемся одним и тем же понятием, чтобы мыслить о нескольких отдельных вещах, сходных между собой. И тогда, когда мы обнимаем одним названием вещи, обозначаемые этим понятием, название также универсально.

71. Первой и основной причиной наших заблуждений являются предубеждения нашего детства. Отсюда мы и получили большую часть наших ошибок, а именно: в раннем возрасте душа наша была столь тесно связана с телом, что особенное внимание уделяла лишь тому, что вызывало в ней некоторые впечатления; она при этом не задавалась вопросом, вызывались ли эти впечатления чем-либо, находящимся вне ее, а только чувствовала. ...С возрастом же, когда наше тело, произвольно направляясь в ту или иную сторону благодаря устройству своих органов, встречало что-либо приятное и избегало неприятного, душа, тесно связанная с ним, размышляя о встречавшихся вещах, полезных или вредных, отметила прежде всего, что они существуют вне ее, и приписала им не только величины, фигуры, движения и прочие свойства, действительно присущие телам и вполне справедливо воспринимавшиеся ею как вещи или модусы вещей, но также и вкусы, запахи и все остальные понятия такого рода, которые она также замечала. А так как душа находилась еще в такой зависимости от тела, что все остальные вещи рассматривала лишь с точки зрения его пользы, то она и находила в каждом предмете больше или меньше реальности в зависимости от того, казались ли ей впечатления более или менее сильными.

Отсюда и произошло, что она стала считать, будто гораздо больше субстанции или телесности заключается в камнях или металлах, чем в воде или воздухе, ибо ощущала в них больше твердости и тяжести; воздух она стала считать за ничто, поскольку не обнаруживала в нем никакого дуновения, или холода, или тепла...

72. Вторая причина та, что мы не можем забыть эти предубеждения.

Наконец, в зрелые годы, когда мы вполне владеем нашим разумом, когда душа уже не так подвластна телу и ищет правильного суждения о вещах и познания их природы, хотя мы и замечаем, что весьма многие из прежних наших суждений, составленных в детстве, ложны, тем не менее нам не так легко вполне от них освободиться; однако несомненно, что, если мы упустим из виду их сомнительность, мы всегда будем в опасности впасть в какое-либо ложное предубеждение. Например, с раннего возраста мы представляем себе звезды весьма малыми; хотя доводы астрономии с очевидностью показывают нам, что звезды очень велики, тем не менее предрассудок еще и теперь настолько силен, что нам трудно представлять себе звезды иначе, чем мы представляли их прежде.

73. Третья – наш ум утомляется, внимательно относясь ко всем вещам, о которых мы судим.

Сверх того наша душа только с известным трудом и напряжением может в течение долгого времени вникать в одну и ту же вещь; всего же труднее ей приходится тогда, когда она занята чисто интеллигибельными вещами..., не представляемыми ни чувством, ни воображением, потому ли, что, будучи связана с телом, она по своей природе такова, или потому, что в ранние годы мы так привыкли чувствовать и воображать, что приобрели

большой навык и большую легкость в упражнении именно этих, а не иных способностей мышления. Отсюда и происходит, что многие не могут поверить, что существует субстанция, если она невообразима, телесна и даже ощущаема. Обычно не принимают во внимание, что вообразить можно только вещи, состоящие в протяжении, движении и фигуре, тогда как мышлению доступно многое иное; поэтому большинство людей убеждено, что не может существовать ничего, что не было бы телом, и что нет даже тела, которое не было бы чувственным. А так как в действительности ни одну вещь в ее сущности мы не воспринимаем при помощи наших чувств, а только посредством нашего разума, когда он вступает в действие, то не следует и удивляться, если большинство людей все воспринимает весьма смутно, так как лишь очень немногие стремятся надлежащим образом управлять им.

74. Четвертая заключается в том, что наши мысли мы связываем со словами, которые их точно не выражают.

Наконец, ввиду того что мы связываем наши понятия с известными словами, чтобы выразить их устно, и припоминаем впоследствии слова легче, нежели вещи, то едва ли мы понимаем когда-нибудь какую-либо вещь настолько отчетливо, чтобы отделить понятие о ней от слов, избранных для ее выражения. Внимание почти всех людей сосредоточивается скорее на словах, чем на вещах, вследствие чего они часто пользуются непонятными для них терминами и не стараются их понять, ибо полагают, что некогда понимали их, или же им кажется, будто они их получили от тех, кто понимал значение этих слов, и тем самым они тоже его узнали ...

75. Краткое изложение всего, чему нужно следовать, чтобы правильно философствовать.

Итак, чтобы серьезно предаться изучению философии и разысканию всех истин, какие только мы способны постичь, нужно прежде всего освободиться от наших предрассудков и подготовиться к тому, чтобы откинуть все взгляды, принятые нами некогда на веру, пока не подвергнем их новой проверке. Затем должно пересмотреть имеющиеся у нас понятия и признать за истинные только те, которые нашему разумению представляются ясными и отчетливыми. Таким путем мы прежде всего познаем, что существуем, поскольку нам присуще мыслить, а также, что существует Бог, от которого мы зависим; по рассмотрении его атрибутов мы можем приступить к разысканию истины о прочих вещах, ибо он есть их первая причина. Наконец, кроме понятий о Боге и нашей душе мы найдем в нас самих также знание многих вечно истинных положений, как, например, «из ничего ничто не может произойти» и т. д., найдем также понятие о некоторой телесной природе, то есть протяженной, делимой, движимой и т. д., а равно и понятие о некоторых чувствах, возбуждающих в нас известные расположения, как, например, чувства боли, цвета, вкуса и т. д. Сравнив же то, что мы узнали, рассматривая вещи по порядку, с тем, что думали о них до такого их рассмотрения, мы приобретем навык составлять себе ясные и отчетливые понятия обо всех познаваемых

вещах. В этих немногих правилах, как мне кажется, я выразил наиболее общие и основные начала человеческого познания.

76. Божественный авторитет мы должны предпочесть нашим рассуждениям, но из того, что не было сообщено откровением, мы не должны верить ничему, чего не знали бы очевиднейшим образом.

Прежде же всего мы должны запечатлеть в нашей памяти как непогрешимое правило, что во все, сообщенное нам Богом путем откровения, должно верить, как в более достоверное, чем все остальное, потому что, если бы случайная искра разума внушала нам нечто противное, мы всегда должны быть готовы подчинить свое суждение тому, что исходит от Бога. Но что касается истин, о которых Богословие нас не наставляет, то тому, кто хочет стать философом, менее всего прилично принимать за истинное нечто такое, в истинности чего он не убедился, и больше доверяться чувствам, то есть необдуманном суждениям своей юности, чем зрелому разуму, которым он в состоянии надлежащим образом управлять.¹

Гоббс Томас (1588 – 1679) – английский философ и политический мыслитель. Родился в семье сельского приходского священника. Окончил Оксфордский университет, был секретарем Ф.Бэкона, взгляды которого разделял и развивал. Он глубоко изучал математику и естественные науки. Как и Ф.Бэкон, резко критиковал схоластику, считая, что целью философии является практическая польза. Большой интерес проявлял к анализу социальных явлений, пытаясь понять их с научных позиций. Главное произведение – «Левиафан» (1651).

Назначение и смысл философии

О философии, основы которой я здесь собираюсь изложить, ты, любезный читатель, не должен думать как о чем-то, при помощи чего можно раздобыть философский камень, или как о искусстве, которое представлено в трактатах по метафизике. Философия есть скорее естественный человеческий разум, усердно изучающий все дела творца, чтобы найти и сообщить бесхитростную правду об их порядке, их причинах и следствиях. Философия есть дочь твоего мышления и всей Вселенной и живет в тебе самом, правда, в еще не ясной форме подобно матери Вселенной в период ее бесформенного начала. Ты должен действовать, как скульпторы, которые, обрабатывая бесформенную материю резцом, не творят форму, а выявляют ее. Подражай акту творения! Пусть твое мышление (поскольку ты желаешь серьезно работать над философией) витает над хаотической бездной твоих рассуждений и экспериментов. Все хаотическое должно быть разложено на составные части, а последние следует отличить друг от друга, и всякая часть, получив соответствующее ей обозначение, должна занять свое прочное место. Иными словами, метод должен соответствовать порядку творения вещей.

¹ Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. – С. 423-432, 434-443, 445-451.

Порядок же творения был следующим: свет, отделение дня от ночи, пространство, небеса, чувственно воспринимаемое, человек. Заключительным актом творения явилось установление закона...

В первом разделе первой части, озаглавленном «Логика», я зажигаю свет разума. Во втором разделе, названном «Первая философия», я различаю посредством точного определения понятий идеи наиболее общих вещей, с тем, чтобы устранить все сомнительное и неясное. Третий раздел посвящен вопросам пространственного протяжения, т.е. геометрии. Четвертый раздел описывает движение созвездий и, кроме того, чувственные свойства.

Во второй части всей системы, если на то будет божья воля, я подвергну рассмотрению природу человека, а в третьей – уже указанный нами вопрос о гражданине.

1. Философия, как мне кажется, играет ныне среди людей ту же роль, какую, согласно преданию, в седой древности играли хлебные злаки и вино в мире вещей... Подобным же образом и философия, т.е. естественный разум, врождена каждому человеку, ибо каждый в известной мере рассуждает о каких-нибудь вещах. Однако там, где требуется длинная цепь доводов, большинство людей сбивается с пути и уклоняется в сторону, так как им не хватает правильного метода, что можно сравнить с отсутствием планомерного посева... Я, правда, признаю, что та часть философии, которая трактует о величинах и фигурах, прекрасно разработана. Но, зная, что другие ее части еще не достигли равной степени развития, я решаюсь лишь развить по мере моих сил немногие элементы всей философии, как своего рода семена, из которых, как мне кажется, может вырасти чистая и истинная философия.

Я вполне сознаю, как трудно выбить из головы воззрения, внедрившиеся и укоренившиеся в ней благодаря авторитету красноречивейших писателей; эта трудность усугубляется еще и тем, что истинная (т.е. точная) философия отвергает не только словесные белила и румяна, но и почти всякие прикрасы. Первые основы всякой науки действительно далеко не ослепляют своим блеском: они скорее скромны, сухи и почти безобразны.

2. Философия есть познание, достигаемое посредством правильного рассуждения и объясняющее действия, или явления, из известных нам причин, или производящих оснований, и, наоборот, возможные производящие основания – из известных нам действий...

6. Цель, или назначение, философии заключается, таким образом, в том, что благодаря ей, мы можем использовать к нашей выгоде предвидимые нами действия и на основании наших знаний по мере сил и способностей планомерно вызывать эти действия для умножения жизненных благ.

Ибо одно преодоление трудностей или открытие наиболее сокровенной истины не стоит тех огромных усилий, которых требует занятие философией; я считаю еще менее возможным, чтобы какой-либо человек усердно занимался наукой с целью обнаружить перед другими свои знания, если он не

надеется достигнуть этим ничего другого. Знание есть только путь к силе. Теоремы (которые в геометрии являются путем исследования) служат только решению проблем. И всякое умозрение в конечном счете имеет целью какое-нибудь действие или практический успех.

7. Однако мы лучше всего поймем, насколько велика польза философии, особенно физики и геометрии, если наглядно представим себе, как она может содействовать благу человеческого рода, и сравним образ жизни тех народов, которые пользуются ею, с образом жизни тех, кто лишен ее благ.

Разве не обладают все люди одной и той же духовной природой и одними и теми же духовными способностями? Что же имеют одни и не имеют другие? Только философию! Философия, таким образом, является причиной всех этих выгод. Пользу же философии морали и философии государства можно оценить не столько по тем выгодам, которые обеспечивают их знание, сколько по тому ущербу, который наносит их незнание. Ибо корень всякого несчастья и всех зол, которые могут быть устранены человеческой изобретательностью, есть война, в особенности война гражданская...

Гражданская война возможна только потому, что люди не знают причин войны и мира, ибо только очень немногие занимались исследованием тех обязанностей, выполнение которых обеспечивает упрочение и сохранение мира, т.е. исследованием истинных законов гражданского общества. Познание этих законов есть философия морали.

8. Предметом философии, или материей, о которой она трактует, является всякое тело, возникновение которого мы можем постичь посредством научных понятий и которое мы можем в каком-либо отношении сравнивать с другими телами, иначе говоря, всякое тело, в котором происходит соединение и разделение, т.е. всякое тело, происхождение и свойства которого могут быть познаны нами.

Это определение, однако, вытекает из определения самой философии, задачей которой является познание свойств тел из их возникновения или их возникновения из их свойств. Следовательно, там, где нет ни возникновения, ни свойств, философии нечего делать. Поэтому философия исключает теологию, т.е. учение о природе и атрибутах вечного, несотворенного и непостижимого бога, в котором нет никакого соединения и разделения и в котором нельзя себе представить никакого возникновения.

Философия исключает также учение об ангелах и обо всех тех вещах, которые нельзя считать ни телами, ни свойствами тел, так как в них нет соединения или разделения большего и меньшего, т.е. по отношению к ним неприменимо научное рассуждение.

Она исключает также историю, как естественную, так и политическую, хотя для философии обе в высшей степени полезны (вернее, необходимы), ибо их знание основано на опыте или авторитете, но не на правильном рассуждении.

Она исключает и знание, имеющее своим источником божественное внушение, или откровение, да и вообще всякое знание, которое не приобретено нами при помощи разума, а мгновенно даровано нам божественной милостью (как бы через сверхъестественный орган чувства).

Она, далее, исключает не только всякое ложное, но и всякое плохо обоснованное учение, ибо то, что познано посредством правильного рассуждения, или умозаключения, не может быть ни ложным, ни сомнительным; вот почему ею исключается астрология в той форме, в какой она теперь в моде, и тому подобные пророческие искусства.

Наконец, из философии исключается учение о богопочитании, так как источником такого знания является не естественный разум, а авторитет церкви, и этого рода вопросы составляют предмет веры, а не науки.

9. Философия распадается на две основные части. Всякий, кто приступает к изучению возникновения и свойств тел, наталкивается на два совершенно различных между собой вида последних. Один из них охватывает предметы и явления, которые называют естественными, поскольку они являются продуктами природы; другой – предметы и явления, которые возникли благодаря человеческой воле, в силу договора и соглашения людей и называются государством. Поэтому философия распадается на философию природы и философию государства. Но так как, далее, для того чтобы познать свойства государства, необходимо предварительно изучить склонности, аффекты и нравы людей, то философию государства подразделяют обычно на два отдела, первый из которых, трактующий о склонностях и нравах, называется этикой, а второй, исследующий гражданские обязанности, – политикой или просто философией государства. Поэтому мы, предварительно установив то, что относится к природе самой философии, прежде всего будем трактовать о естественных телах, затем о склонностях и нравах людей и, наконец, об обязанностях граждан...¹

Онтология

...Вещь может быть принята в расчет в качестве *материи*, или *тела*, как *живая, чувствующая, разумная, горячая, холодная, движущаяся, находящаяся в покое*, под всеми этими именами подразумевается *материя*, или *тело*, так как все таковые имена суть имена материи.²

...Мыслящая вещь представляет собой нечто телесное; ибо, по всей вероятности, субъекты всякого рода деятельности могут быть поняты только как нечто телесное, или материальное.

...Предположение о материальности мыслящей субстанции кажется мне более правильным, чем другое предположение, а именно то, согласно которому она нематериальна.³

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964. – С. 49-60.

² Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1965. – С. 71-72.

³ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964. – С. 415.

Слово *тело* в наиболее общем употреблении обозначает то, что заполняет и занимает определенное пространство или воображаемое место и не зависит от воображения, а является реальной частью того, что мы называем *вселенной*. Так как *вселенная* есть совокупность всех тел, то нет такой реальной части ее, которая не была бы также *телом*. Точно так же ничто не может быть *телом* в собственном смысле этого слова, не будучи одновременно частью (этой совокупности всех тел) *вселенной*. Так как, далее, тела подвержены изменению, т.е. могут в разнообразных видах представиться чувствам живых существ, то они называются *субстанцией*, т.е. тем, что *подвержено* разнообразным акциденциям. Иногда они бывают в движении, а иногда в покое, иногда кажутся нашим ощущениям горячими, иногда холодными, иногда имеющими один цвет, запах, вкус, иногда другой. И это разнообразие кажимости (произведенное разнообразными действиями тел на наши органы чувств). Мы принимаем за изменения действующих на нас тел и называем их *акциденциями* тел. В соответствии с этим значением слова *акциденция* и *тело* означают одно и то же...¹

...Определение тела гласит: *телом называется все то, что не зависит от нашего мышления и совпадает с какой-нибудь частью пространства, или имеет с ней равную протяженность*.

...[Акциденция] является *способом, посредством которого мы представляем себе тело*. Иными словами: *акциденция есть определенная способность тела, благодаря которой оно вызывает в нас представление о себе*.

...Разнообразие всяких форм возникает из разнообразия движений, посредством которых они образуются, а причиной движения можно считать только движение. Да и разнообразие чувственно воспринимаемых вещей, например цветов, звуков, вкусовых ощущений и т.д. не имеет другой причины, кроме движения, происходящего частью в действующих на наши органы чувств предметах, частью в нас самих...

А тот, кто понимает, что такое *движение*, должен знать, что *движение есть оставление одного места и достижение другого*.

...Физические явления могут быть поняты лишь после того, как изучены движения мельчайших частиц тела, а движение последних в свою очередь может быть понято только тогда, когда познана сущность того, что производится движением одного тела в другом, и притом только тогда, когда знают, что производится простым движением. И так как всякое чувственное проявление вещей характеризуется определенным качеством и величиной, а последние в свою очередь имеют своим основанием сочетание движений, каждое из которых наделено определенной степенью скорости и проходит определенный путь, то прежде всего должны быть исследованы пути движения, как такового (что составляет предмет геометрии), затем пути видимых движений и, наконец, пути движений внутренних и невидимых

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1965. – С. 397-398.

(которые исследует физика) Вот почему бесполезно изучать философию природы, не начав с изучения геометрии, и те, кто пишет или спорит о философии природы без знания геометрии, только даром отнимают время у своих читателей или слушателей.

Движение есть непрерывная перемена мест, т. е. оставление одного места и достижение другого; то место, которое оставляется, называется обычно *terminus a qui*; то же, которое достигается – *terminus ad quem*.

...Нельзя себе представить, будто что-либо движется вне времени, ибо время есть, согласно определению, призрак, т.е. образ движения. Представлять себе, будто что-нибудь движется вне времени, значило бы, поэтому, представлять себе движение без образа движения, что невозможно.

Покоящимся называется то, что в течение известного промежутка времени остается в одном и том же месте; движущимся же или двигавшимся – то, что раньше находилось в ином месте, чем теперь, независимо от того, пребывает ли оно в данный момент в *состоянии покоя* или в *состоянии движения*. Из этого определения следует, во-первых, что все тела, которые в настоящее время находятся в процессе движения, двигались и до этого. Ведь пока они находятся в том же самом месте, что и ранее, они пребывают в состоянии покоя, т.е. не движутся, согласно определению покоя; если же они находятся в другом месте, то они двигались ранее, согласно определению движения.

Тело становится причиной движения лишь тогда, когда оно движется и ударяется о другое тело.

...Противоположностью движения является не движение, а покой. Недоразумение здесь обусловливается тем обстоятельством, что имена *покой* и *движение* логически исключают друг друга, между тем как в действительности движению оказывает противодействие не покой, а встречное движение.

...Всякое изменение, происходящее в каком-нибудь теле, должно корениться в движении его частей...¹

Теория познания и методология

Для уразумения того, что я понимаю под способностью познания, необходимо вспомнить и признать, что в нашем уме всегда имеются известные образы, или идеи вещей, существующих вне нас, в силу чего, если бы какой-нибудь человек остался жить, а весь остальной мир был уничтожен, этот человек, тем не менее, сохранил бы образ мира и всех тех вещей, которые он некогда видел и воспринял в мире. Всякий из собственного опыта знает, что отсутствие или уничтожение вещей, раз воспринятых нами, не влечет за собой отсутствия или уничтожения соответствующих образов. Такие образы, или изображения, качеств вещей, существующих вне нас, составляют то, что мы называем нашим представлением и образом

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964. – С. 135, 107-108, 110, 141-142, 154-155.

воображения, идеей, понятием или знанием этих вещей. Способность же, или сила, при помощи которой мы приобретаем это знание, есть то, что я здесь называю способностью познания, или представления.

Первый принцип познания состоит в том, что мы имеем такие-то и такие-то представления; второй – в том, что мы так-то и так-то называем вещи, к которым относятся наши представления; третий – в том, что мы соединяем эти имена таким образом, чтобы образовать из них истинные предложения, и, наконец, четвертый – в том, что мы соединяем эти предложения так, чтобы из них можно было выводить умозаклучения и истина этих умозаклучений могла быть познана.

...Два рода познания – математическое и догматическое. Первое свободно от споров и разногласий, ибо сводится к сравнению фигур и движений, а в этих вопросах истина не сталкивается с интересами людей. В области же познания второго рода все вызывает споры, ибо этот род познания занимается сравнением людей, затрагивает их права и выгоды, а в этих вопросах человек будет восставать против разума всякий раз, когда разум выскажется против него.¹

Имеются два рода знания, из которых первый есть *знание факта*, второй – *знание последовательной зависимости одного утверждения от другого*. Первый род знания есть не что иное, как ощущение и память, и является *абсолютным знанием*, например, когда мы наблюдаем совершающийся факт или вспоминаем, что он совершался, и это то знание, которое требуется от свидетеля. Второй род знания называется *наукой*...

...Способность к рассуждению не есть нечто врожденное..., она приобретается прилежанием: прежде всего, в подходящем употреблении имен, во-вторых, в усвоении хорошего и правильного метода, который состоит в продвижении вперед от элементов, каковыми являются имена, к суждениям, образованным путем соединения имен между собой, и отсюда к силлогизмам, которые суть связи одного суждения с другим, пока мы доходим до знания всех связей имен, относящихся к интересующей нас теме, именно это и называют люди *научным знанием*. Между тем как ощущение и память дают нам лишь знание факта, являющегося вещью прошлой и непреложной, наука есть знание связей и зависимостей фактов.

...Ощущение есть движение в органах и во внутренних частях человеческого тела, вызванное действием вещей, которые мы видим, слышим и т.д., и что представление есть лишь остаток того же движения, сохранившийся после ощущения.

...Чувственные образы и образы фантазии есть что-то иное, нежели реально существующие вне нас предметы.²

...Для развития философских знаний необходимы знаки, при помощи которых мысли одного могли бы быть сообщены и разъяснены другим.

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964. – С. 442, 439, 467.

² Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1965. – С. 80, 83, 113, 610.

Например те, о которых мы только что говорили; другие же произвольны, т.е. выбираются нами по произволу...

Чувственное восприятие, или ощущение, таким образом, может быть лишь движением внутренних частей ощущающего тела. Эти движения происходят в *органах чувств*, посредством которых мы воспринимаем вещи. Субъектом ощущения является, таким образом, тот, кто обладает образами. Итак, природа чувственного восприятия, или ощущения, в какой-то мере выяснена нами, – это внутреннее движение, происходящее в ощущаемом теле.

...Полное определение ощущения, вытекающее из объяснения его причин и процесса его возникновения, гласит: *ощущение есть образ, обусловленный противодействием и направленным вовне импульсом, которые возникают в органе чувств под влиянием импульса, исходящего от предмета и направленного внутрь, при условии известной продолжительности такого импульса.*

Под наукой мы понимаем истины, содержащиеся в теоретических утверждениях, т.е. во всеобщих положениях и выводах из них. Когда речь идет лишь о достоверности фактов, то мы говорим не о *науке*, а о *знании*. Наука начинается лишь с того знания, благодаря которому мы постигаем истину, содержащуюся в каком-нибудь утверждении; она есть познание какого-нибудь предмета на основании его причины, или познание его возникновения посредством правильной дедукции. Знание есть также правильное понимание возможной истинности какого-нибудь положения; такое понимание мы получаем путем правильного умозаключения из установленных опытом следствий. Оба указанных вида дедукции мы называем обычно доказательствами.

Все хаотическое должно быть разложено на составные части, а последние следует отличить друг от друга, и всякая часть, получив соответствующее ей обозначение, должна занять свое прочное место. Иными словами, метод должен соответствовать порядку творения вещей.

В целях познания метода нужно припомнить определение философии, сформулированное мной следующим образом: философия есть осуществляемое посредством правильного рассуждения познание явлений, или действий, исходя из знания их возможного возникновения или образования, а также действительного или возможного способа их возникновения, исходя из знания их действий. Следовательно, *метод при изучении философии есть кратчайший путь к тому, чтобы на основании знания причин прийти к познанию их действий и на основании знания действий прийти к познанию их причин*. Но мы только тогда поймем какое-нибудь действие, когда познаем, каковы его причины, каков субъект, в котором эти причины кроются, в каком субъекте они производят данное действие и каким образом они его производят...

Первое начало всякого знания – образы восприятий и воображения, о существовании которых нам достаточно известно в силу свойств нашей

природы. Однако, почему они существуют и откуда происходят, мы узнаем только посредством научного исследования, которое состоит в разложении предмета на его основные элементы и в соединении последних. Поэтому всякий метод, посредством которого мы исследуем причины вещей, является или соединительным, или разделительным, или частью соединительным, а частью разделительным. Обычно разделительный метод называется *аналитическим*, а соединительный – *синтетическим*.

Для каждого метода характерно умозаключение от известного к неизвестному...¹

Учение о государстве и праве

Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако, если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, на которое другой не мог бы претендовать с таким же правом...

Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение наших целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их цели (которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении) они стараются погубить или покорить друг друга. Таким образом, выходит, что там, где человек может отразить нападение лишь своими собственными силами, он, сажая, сея, строя или владея каким-нибудь приличным имением, может с вероятностью ожидать, что придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы. А нападающий находится в такой же опасности со стороны других.

Там, где нет власти, способной держать в подчинении всех, люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается того, чтобы его товарищ ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежительного отношения, естественно, пытается, поскольку у него хватает смелости (а там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, эта смелость доходит до того, что они готовы погубить друг друга), вынудить у своих хулителей более высокое уважение к себе: у одних – наказанием, у других – примером.

Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы... Отсюда очевидно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964. – С. 49, 61, 105, 187, 235.

называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех. Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения... Вот почему все, что характерно для времени войны, когда каждый является врагом каждого, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна.

Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости. ...Указанное состояние характеризуется также отсутствием собственности, владения, отсутствием точного разграничения между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, что он может добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это.

Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководятся стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося...необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов...

В самом деле, естественные законы (как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и (в общем) поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам) сами по себе, без страха какой-нибудь силы, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т. п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность.¹

...Государство возникает обычно или в результате победы, если люди борются друг с другом, или в результате соглашения, если они приходят к взаимопониманию...

Только в государстве существует всеобщий масштаб для измерения добродетелей и пороков. И таким масштабом могут, поэтому, служить лишь законы каждого государства. Ведь когда государственный строй установлен, то даже естественные законы становятся частью законов государственных. И

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1965. – С. 93-98, 129.

этот масштаб существует во всех государствах, несмотря на то, что в каждом из них есть бесчисленное множество законов, равно как и на то, что эти государства имели некогда иные законы. Ибо, каковы бы ни были эти законы, подчинение им всегда и везде считалось добродетелью граждан, а нарушение их – пороком.

...Государства бывают двух видов: одни из них являются *естественными, патерналистскими и деспотическими*, а другие – *установленными* и могут быть названы *политическими*. В первых *властитель* приобретает граждан по своей воле; во вторых граждане по собственному решению подчиняют себя *господству одного человека или собрания людей, наделяемых верховной властью*.

...Три вида государства. К первому виду относятся государства, в которых верховная власть принадлежит собранию, где любой из граждан имеет право голоса; они называются *демократиями*. Ко второму – государства, в которых верховная власть принадлежит собранию, где имеют право голоса не все граждане, а лишь известная часть их; они называются *аристократиями*. К третьему – государства, в которых верховная власть принадлежит одному человеку; они называются *монархиями*. В первой разновидности государства обладателем верховной власти является народ (демос); во второй – лучшие люди (оптиматы); в третьей – монарх.

Итак, вне государства – владычество страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, варварство, дикость, невежество; в государстве – владычество разума, мир, безопасность, богатство, благопристойность, общество, изысканность, знание и благосклонность.¹

...Государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты*.

Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном*, и о нем говорят, что он обладает *верховой властью*, а всякий другой является его *подданным*.

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один путь – это физическая сила... Второй путь – это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанном на *установлении*, а государство, основанное первым путем – государством, основанным на *приобретении*.

Так как мы видим, что задачей государства является обеспечить народу внутренний мир и защиту против внешнего нападения, то эта задача требует

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964. – С. 261, 302, 346, 354, 364.

глубокого знания склонностей человеческого рода, прав правительства и природы справедливости, законов, правосудия и чести...¹

...Именем права обозначается не что иное, как свобода каждого располагать своими естественными способностями в соответствии с требованиями правого разума. Следовательно, первое основание естественного права состоит в том, чтобы каждый *защищал свою жизнь и оберегал члены своего тела, как он только может*.

...Три основания, по которым кто-либо может обладать правом господства над личностью другого человека. Первое из них действует в том случае, когда люди добровольно (ради мира и взаимной защиты), исходя из заключенных друг с другом соглашений, подчиняются господству какого-нибудь человека или собрания людей... Второе действует тогда, когда кто-нибудь, будучи взят в плен, побежден или лишен сил (например, находясь на пороге к смерти), дает обещание служить победителю или кому-либо более сильному, чем он сам, т.е. делать все, что тот прикажет. ...Тот, кто связан таким образом, *называется рабом*, а тот, по отношению к кому он связан, – *господином*. Наконец, третье основание права господства над личностью приобретает сам факт рождения...

...Закон есть приказание того лица (человека или собрания), предписание которого служит основанием повиновения...

Право есть естественная свобода, которую законы не устанавливают, но оставляют. Поэтому по уничтожении законов свобода становится неограниченной; ее ограничивают прежде всего *законы естественные и божественные*; тому, что от нее остается, ставят еще более узкие границы *гражданские законы*; то же, что остается от нее после вступления в силу этого гражданского закона, могут в свою очередь ограничивать *постановления отдельных городов и обществ*. Следовательно, между законом и правом существует значительное различие, ибо закон – это *узы*, а право — *свобода*, они различаются как противоположности.²

Естественное право...есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению и разумению, является наиболее подходящим для этого средством.

Следует различать *право* и *закон*, хотя тот, кто пишет на эту тему, обычно смешивает эти понятия, *ибо право* состоит в свободе делать или не делать, между тем как *закон* определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой, так же как обязательство и свобода, которые несовместимы в отношении одной и той же вещи.

Гражданским правом являются для каждого подданного те правила, которые государство устно, письменно или при помощи других достаточно

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1965. – С. 197, 277.

² Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – М., 1964. – С. 304, 360, 382.

ясных знаков своей воли предписало ему, дабы он пользовался ими для различения между правильным и неправильным, т.е. между тем, что согласуется, и тем, что не согласуется с правилом.

...*Право есть свобода*, именно та свобода, которую оставляет нам гражданский закон. *Гражданский же закон есть обязательство* и отнимает у нас ту свободу, которую предоставляет нам естественный закон.¹

Локк Джон (1632 – 1704) – английский философ и политический деятель. Родился в семье судейского чиновника. Окончил Оксфордский университет. В 1667 г. поступил на службу к лорду Эшли (графу Шефтсбери), видному политическому деятелю Англии той эпохи, виднейшему лидеру противников режима реставрации. Принимал непосредственное участие в политической жизни страны и в борьбе против феодального абсолютизма. После революции 1688 г., когда английским королем стал нидерландский штатгальтер Вильгельм Оранский, Локк возвращается в Англию и выпускает здесь один за другим свои философские и политические труды, разработанные им ранее. Важнейший из них – знаменитый и обширный «Опыт о человеческом разуме», появившийся в Лондоне в 1690 г. (автор работал над ним в общей сложности около 20 лет). Примерно одновременно были опубликованы «Письма о веротерпимости», «Трактаты о государственном правлении», а затем и ряд других произведений.

Онтология: Общий взгляд на материальный мир

Мы не можем не замечать, что в большинстве вещей их чувственные качества, даже самые их субстанции, подвержены непрерывным изменениям, потому мы не без основания считаем их и далее способными к тем же изменениям.

Тело протяженно не более и не иначе, как связью и сцеплением своих плотных частиц; поэтому мы будем очень плохо понимать *протяженность* тела, если не постигнем, в чем состоит связь и сцепление его частиц...

Плотность, протяженность и пределы ее – форма вместе с движением и покоем, идеи которых есть у нас, реально существовали бы в мире, как и теперь, все равно, были бы в нем существа, способные воспринимать эти качества, или нет. Потому на эти качества мы имеем основание смотреть как на реальные модификации материи и как на причины, возбуждающие все наши разнообразные ощущения от тел.

...Хотя *материя* и *тело* в действительности не отличаются друг от друга и где есть одно, там есть и другое, однако слова «материя» и «тело» обозначают два различных понятия, из которых одно неполное и составляет только часть другого. В самом деле, «тело» обозначает субстанцию плотную, протяженную, с определенной формой; «материя» же есть часть понятия

¹ Гоббс Т Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1965. – С. 155-156, 281, 304.

субстанции и понятие более смутное, так как, по моему мнению, оно употребляется для обозначения субстанции и плотности тела без его протяженности и формы. Вот почему, когда мы говорим о *материи*, мы всегда говорим о ней как о чем-то одном: она на самом деле ясно заключает в себе только идею плотной субстанции, которая везде одна и та же, везде однообразна. Раз наша *идея материи* такова, мы так же мало можем представлять себе, или говорить, или мыслить о различных *материях* в мире как о различных плотностях, несмотря на то, что мы можем и представлять себе, и говорить о различных телах, потому что протяженность и форма могут изменяться. Но плотность не может существовать без протяженности и формы...

Так как имена [субстанций] должны обозначать не только сложные идеи в уме других людей в своем обычном значении, но и такие сочетания простых идей, какие действительно существуют в самих вещах, то *для правильного определения этих имен нужно обратиться к помощи естественной истории* и обнаружить свойства субстанций путем внимательного их изучения. Нужно еще, ознакомившись с историей данного вида вещей, исправить и установить для себя сложную идею, относящуюся к каждому видовому имени...¹

Два вида вещей – мыслящие и немыслящие. Человек знает или представляет себе в мире только два вида вещей. Во-первых, предметы чисто материальные, без чувства, восприятия или мысли... Во-вторых, существа чувствующие, мыслящие, воспринимающие, как мы сами. Если угодно, мы будем дальше называть их *мыслящими и немыслящими вещами*...

Соединяя в определенную форму с определенным движением крупные частицы материи, вы можете рассчитывать на получение чувства, мысли и познания на таком же основании, как при соединении самых мелких частиц, какие только где-либо существуют. Мелкие частицы ударяются, сталкиваются и сопротивляются друг другу совершенно так же, как и крупные; это все, что они могут сделать. Так что если мы не хотим предположить ничего первичного или вечного, то *материя* не может иметь начала своего бытия; если мы хотим предположить первичными или вечными только материю и движение, то *мысль* может не иметь начала бытия...

Идея материи есть протяженная плотная субстанция; там, где есть такая субстанция, есть материя и сущность материи, какие бы другие качества, не содержащиеся в этой сущности, ни угодно было бы богу присоединить к ней. Например, бог создает протяженную плотную субстанцию, не присоединяя к ней ничего, так что мы можем рассматривать ее как находящуюся в покое. К определенным частям ее он присоединяет движение, но она все еще сохраняет сущность материи.

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 286, 360, 429-430, 556-557, 579.

Материя есть протяженная плотная субстанция; будучи объемлема различными поверхностями, она образует соответственно отдельные отличные друг от друга тела.

...Никакая частица материи не может сообщить себе самой ни движения, ни покоя, поэтому тело, находящееся в состоянии покоя, будет пребывать в нем вечно, пока какая-либо внешняя причина не приведет его в движение; тело же, находящееся в движении, будет двигаться вечно, если оно не будет остановлено какой-либо внешней причиной...

Каждый, кто наблюдает окружающий его мир, замечает несколько ясно выраженных отдельных масс материи, существующих независимо друг от друга, причем некоторым из них свойственны различные движения. Таковыми являются Солнце, неподвижные звезды, кометы и планеты, одна из которых – Земля, обитателями которой мы являемся. Все они видны невооруженным глазом.

Кроме того, благодаря телескопам было открыто несколько неподвижных звезд, не видимых невооруженным глазом, а также несколько других тел, движущихся вокруг некоторых планет; все эти тела были невидимы и неизвестны до того, как были изобретены увеличительные стекла.¹

...Мы говорим, что из чувственного опыта очевидно существование в природе чувственно воспринимаемых вещей, т.е. что действительно существуют тела и их свойства, а именно: легкость, тяжесть, тепло, холод, цвета и прочие качества, доступные чувственному восприятию, и все они каким-то образом могут быть сведены к движению...

...Материя, будучи вещью, с которой наши чувства имеют дело постоянно, способна до такой степени овладевать душой и исключать всякие другие виды сущего, что предрассудок, основанный на подобных принципах, часто не оставляет места для допущения духов или каких-либо нематериальных существ в природе вещей, в то время как очевидно, что ни одно из великих явлений природы не может быть объяснено при помощи лишь материи и движения.

...Несравненный мистер Ньютон показал, насколько математика, примененная к известным частям природы, может, опираясь на принципы, оправдываемые фактами, продвинуть нас в познании некоторых, если можно так выразиться, провинций непостижимой Вселенной. И если бы другие могли дать нам столь же хорошее и ясное описание других частей природы, какое он дает в своей удивительной книге...относительно нашего планетного мира и важнейших явлений, наблюдаемых в нем, то мы могли бы надеяться со временем получить более правильные и более достоверные знания о различных частях этой изумительной машины, чем имели оснований ожидать до сих пор.²

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 2. – М., 1987. – С. 101, 102, 423, 496, 498.

² Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М., 1988. – С. 22-23, 587, 589.

Учение об опыте: Критика теории врожденных идей

На опыте основывается все наше знание, от него, в конце концов, оно происходит. Наше наблюдение, направленное или на *внешние ощущаемые предметы*, или на *внутренние действия нашего ума*, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления. Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь.

...Под *рефлексией* в последующем изложении я подразумеваю то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают *идеи* этой деятельности. Эти два источника, повторяю я, т.е. внешние материальные вещи, как объекты *ощущения* и внутренняя деятельность нашего собственного ума как объект *рефлексии*, по-моему, представляют собой единственное, откуда берут свое начало все наши идеи...

В том, прав ли я, я призываю в свидетели опыт и наблюдение, ибо лучший способ прийти к истине – это изучать вещи, как они есть в действительности, а не решать, что они таковы, как мы их воображаем себе сами или как нас научили воображать их другие.

Обращение к опыту. Сказать правду, *это единственный*, какой я сумел открыть, *путь, которым идеи вещей проникают в разум...*

Опыт показывает нам, что ум в отношении своих простых идей совершенно пассивен и получает их все от существования и воздействия вещей, как их представляют ему ощущение или рефлексия, сам не будучи в состоянии образовать ни одной идеи.¹

...Мы должны положиться на опыт. И желательно было бы усовершенствование опыта. Мы видим, что благородные усилия некоторых лиц в этом направлении увеличили запас знаний о природе. И если бы другие, претендующие на знание, отличались в своих наблюдениях той осмотрительностью и в своих сообщениях той честностью, которая подобает людям, называющим себя любителями мудрости, то наше знакомство с окружающими нас телами и наше проникновение в их силы и действия были бы гораздо большими.

...*Опыт должен научить меня* тому, чему не может научить разум. Лишь посредством опыта я могу узнать с достоверностью, какие другие качества существуют совместно с качествами моей сложной идеи, узнать, например, *ковко или нет, желтое, тяжелое, плавкое тело*, которое я называю *золотом*. Но такой опыт (независимо от того, что бы он ни доказал в отношении данного исследуемого тела) не дает мне уверенности в том, что то же самое имеет место во всех или любых других *желтых, тяжелых, плавких телах*, помимо тела, исследуемого мной.²

Исследование о разумении, приятное и полезное. Так как *разум* ставит человека выше остальных чувствующих существ и дает ему все то

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 154-155, 211, 338.

² Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 2. – М., 1987. – С. 26, 123.

превосходство и господство, которое он имеет над ними, то он, без сомнения, является предметом, заслуживающим изучения уже по одному своему благородству. Разумение, подобно глазу, давая нам возможность видеть и воспринимать все остальные вещи, не воспринимает само себя: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором отдалении и сделать его собственным объектом. Но каковы бы ни были трудности, лежащие на пути к этому исследованию, что бы ни держало нас в таком неведении о нас самих, я уверен, что всякий свет, который мы сможем бросить на свои собственные умственные силы, всякое знакомство со своим собственным разумом будет не только очень приятно, но и весьма полезно, помогая направить наше мышление на исследование других вещей...

...Моей *целью* является исследование происхождения, достоверности и объема человеческого познания вместе с основаниями и степенями веры, мнений и согласия... Для моей настоящей цели достаточно изучить познавательные способности человека, как они применяются к объектам, с которыми имеют дело.

Знание своих познавательных способностей предохраняет нас от скептицизма и умственной бездеятельности. Когда мы будем знать свои *силы*, мы будем лучше знать, что можем предпринять с надеждой на успех. Когда мы хорошенько обследуем свои умственные суды и произведем оценку того, чего можно ждать от них, у нас, с одной стороны, не будет склонности оставаться в бездействии и вообще не давать работы своему мышлению, не имея надежды знать что-нибудь; с другой стороны, мы не будем ставить под сомнение все и отрицать всякое знание на том основании, что некоторые вещи непостижимы...

Знание некоторых истин, я признаюсь, появляется в душе очень рано; но оно появляется таким путем, который показывает, что они неврожденные, ибо наблюдение всегда обнаружит нам, что такое знание принадлежит к идеям не врожденным, а приобретенным, так как уже вначале оно имеет дело с идеями, запечатлевшими внешние вещи, с которыми раньше всего встречаются младенцы и которые чаще всего воздействуют на их чувства...

Если кто думает, что есть такие врожденные идеи и положения, которые своей ясностью и полезностью отличаются от всего, что есть в душе привходящего и приобретенного, ему не трудно будет указать нам, каковы они, и тогда каждый верно рассудит, врожденные они или нет; ибо если есть совершенно отличные от всех прочих восприятий и знаний врожденные идеи и впечатления, то каждый увидит это по себе...

Наблюдения над детьми с очевидностью показывают, что *нет других идей, кроме идей, получаемых из ощущения или рефлексии*. Я не вижу поэтому оснований верить, что *душа мыслит прежде, чем чувства снабдят ее идеями* для мышления. По мере того как идеи умножаются и удерживаются, душа посредством упражнения развивает в различных направлениях свою способность мышления, точно так же как впоследствии сочетанием этих идей и рефлексией о своей деятельности она увеличивает свой запас, равно как и

развивает легкость запоминания, воображения, рассуждения и других способов мышления. Кто черпает свои познания из наблюдения и опыта и не делает из своих гипотез законов природы, найдет в новорожденном мало признаков души, привыкшей активно мыслить, и еще меньше признаков какого бы то ни было рассуждения вообще.¹

Концепция первичных и вторичных качеств

Идеи в уме, качества в телах. Чтобы лучше раскрыть природу наших идей и толковать о них понятно, будет удобно провести в них различие, поскольку они являются идеями, или восприятиями, в нашем уме и поскольку они – видоизменения материи в телах, возбуждающих в нас такие восприятия. Это нужно для того, чтобы мы *не могли* думать (как, быть может, это обыкновенно делают), будто идеи – точные образы и *подобия* чего-то внутренне присущего предмету. Большинство находящихся в уме идей ощущения также мало похожи на наши идеи, обозначающие их названия, хотя последние и способны, как только мы их услышим, вызывать в нас эти идеи.

Все, что ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, я называю идеею; силу, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею, я называю *качеством* предмета, которому эта сила присуща. Так, снежный ком способен порождать в нас *идеи белого, холодного и круглого*. Поэтому силы, вызывающие эти идеи в нас, поскольку они находятся в снежном коме, я называю *качествами*, а поскольку они суть ощущения или восприятия, в наших умах, я называю их *идеями*. Если я говорю иногда об идеях, как бы находящихся в самих вещах, это следует понимать таким образом, что под ними имеются в виду те качества в предметах, которые вызывают в нас идеи.

Первичные качества. Среди рассматриваемых таким образом качеств в телах есть, во-первых, такие, которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии; такие, которые оно постоянно сохраняет при всех переменах и изменениях, каким оно подвергается, какую бы силу ни применить к нему; такие, которые чувства постоянно находят в каждой частице материи, обладающей достаточным для восприятия объемом, а ум находит, что они неотделимы ни от какой частицы материи, хотя бы она была меньше той, которая может быть воспринята нашими чувствами. Названные *качества* тела я называю *первоначальными* или *первичными*. Мне кажется, мы можем заметить, что они порождают в нас простые идеи, т.е. плотность, протяженность, форму, движение или покой и число.

Вторичные качества. Во-вторых, такие *качества*, как цвета, звуки, вкусы и т. д., которые на деле не играют никакой роли в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 91, 94, 103, 149, 166-167.

первичными качествами вещей, т.е. объемом, формой, строением и движением их незаметных частиц, я называю *вторичными* качествами...

Идеи первичных качеств суть[продукт сходства, вторичных – нет. Отсюда, мне кажется, легко заметить, что *идеи* первичных качеств тел сходны с ними, и их прообразы действительно существуют в самих телах, но *идеи*, вызываемые в нас вторичными качествами, вовсе не имеют сходства с телами. В самих телах нет ничего сходного с этими нашими идеями.¹

Учение о познании, идеях и истине

...В наших умах не остается ничего иного, как признать светочем природы разум и чувственные ощущения. Только эти две способности, по-видимому, формируют и образуют ум человека и обеспечивают то, что составляет собственно функцию этого светоча: дать возможность вещам, иначе совершенно неизвестным и кроющимся во тьме, предстать перед разумом и быть познанными и как бы воочию увиденными. И коль скоро эти две способности взаимно помогают друг другу, когда чувство дает разуму идеи отдельных чувственно воспринимаемых вещей и предоставляет материал для мышления, разум же, напротив, направляет чувственное восприятие, сопоставляет между собой воспринятые от него образы вещей, формирует на их основе другие, выводит новые... Разум же берется здесь как дискурсивная способность души, которая продвигается от известного к неизвестному и выводит одно из другого в четкой и правильной последовательности суждений. Это и есть тот разум, с помощью которого человечество пришло к познанию закона природы. Основание же, на котором строится это познание, которое разум возводит ввысь и поднимает до самого неба, составляют объекты чувственного восприятия; ведь чувства самыми первыми дают и проводят в потаенные глубины ума весь первоначальный материал мышления...²

И тот мало знаком с предметом настоящего исследования – *разумом*, кто не ведает, что поскольку разум есть самая возвышенная способность души, то и пользование им приносит более сильное и постоянное наслаждение, чем пользование какой-нибудь другой способностью. Поиски разумом истины представляют род соколиной или псовой охоты, в которой сама погоня за дичью составляет значительную часть наслаждения. Каждый шаг, который делает ум в своем движении к знанию, есть некоторое открытие, каковое является не только новым, но и самым лучшим, на время, по крайней мере.

...Прежде чем предаться такого рода исследованиям, необходимо было изучить свои собственные способности и посмотреть, какими предметами наш разум способен заниматься, а какими нет.³

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 183-186.

² Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М., 1988. – С. 21-22.

³ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 80-82

*Общее и всеобщее – это созидания разума...общее и всеобщее не относятся к действительному существованию вещей, а изобретены и созданы разумом для его собственного употребления и касаются только знаков – слов или идей. Слова бывают общими, как было сказано, когда употребляются в качестве знаков общих идей и потому применимы одинаково ко многим отдельным вещам; идеи же бывают общими, когда выступают как представители многих отдельных вещей. Но всеобщность не относится к самим вещам, которые по своему существованию все единичны...*¹

...На мой взгляд, идеи могут быть разделены на три разряда. Они бывают: во-первых, реальные или фантастические; во-вторых, адекватные или неадекватные; в-третьих, истинные или ложные.

Во-первых, под *реальными идеями* я разумею такие идеи, которые имеют основание в природе, которые сообразны с реальным бытием и существованием вещей, или со своими прообразами.

Фанатическими или химерическими я называю такие идеи, которые не имеют ни основания в природе, ни сообразности с тою реальностью бытия, к которой их молчаливо относят как к их прообразу...

Адекватные идеи суть такие идеи, которые полностью представляют свои прообразы. Из наших реальных идей одни адекватны, а другие неадекватны. *Адекватными* я называю те идеи, которые полностью представляют нам те прообразы, от которых, как полагает ум, они взяты и которые они должны замещать, относясь к ним. *Неадекватны* идеи, являющиеся лишь частичным или неполным представлением тех прообразов, к которым их относят...

*Идеи, отнесенные к чему-нибудь, могут быть истинными или ложными. Идеи могут называться истинными или ложными, когда ум относит какую-нибудь из них к чему-либо внешнему им. Ибо при этом ум делает скрытое предположение об их сообразности с данной вещью; и если это предположение будет истинным или ложным, то и сами идеи получают такое же наименование.*²

Ум не может долго задержаться на одной неизменяющейся идее. Если действительно идеи в нашем уме (пока мы имеем в нем какие-нибудь идеи) постоянно меняются и текут в непрерывной последовательности, то невозможно — возразит кто-нибудь — долгое время думать о каком бы то ни было одном предмете. Если под этим подразумевать, что можно *долгое время удерживать в уме лишь одну и ту же отдельную идею без всякого (в не) изменения*, то я считаю это фактически невозможным...

Истина состоит в соединении или разделении представителей, смотря по соответствию или несоответствию самих обозначаемых ими вещей, ложность – в противоположном...

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 471.

² Там же. – С. 425-426, 428, 439

Почти никогда и нигде еще истина не получала признания при своем первом появлении; новые взгляды всегда вызывают подозрение, всегда встречают отпор лишь потому, что они еще не общеприняты. Но истина, подобно золоту, не бывает менее истинной от того что она добыта из рудников недавно.

...Устранение ложных основ идет не во вред, а на пользу истине, которая терпит наибольший урон и подвергается наибольшей опасности именно тогда, когда ее перемешивают с ложью или строят на лжи...

...Лучше отказаться от какого-нибудь своего мнения и отбросить его, когда истина оказывается против него, чем опровергать чужое, ибо я ищу только истину и всегда буду рад ей, когда бы и откуда бы она ни шла.

...Если бы люди изучили пути, которыми они пришли к знанию многих всеобщих *истин*, они нашли бы, что эти истины появились в уме людей в результате должного рассмотрения существа самих вещей...¹

Наше познание касается наших идей. Так как у ума во всех его мыслях и рассуждениях нет непосредственного объекта, кроме тех его собственных идей, одни лишь которые он рассматривает или может рассматривать, то ясно, что наше познание касается только их.

Познание есть восприятие соответствия или несоответствия двух идей. На мой взгляд, познание есть лишь восприятие связи и соответствия либо несоответствия и несовместимости наших отдельных идей. В этом только оно и состоит. Где есть это восприятие, есть и познание.

Интуитивное познание. Так как все наше познание, как я сказал, состоит в созерцании умом своих собственных идей, в созерцании, предсозерцании, представую большую ясность и величайшую достоверность, какая только возможна для нас при наших способностях и при нашем способе познания, то будет неплохо кратко рассмотреть степени его очевидности.

Различия в ясности нашего познания, на мой взгляд, зависят от различных способов восприятия умом соответствия или несоответствия своих идей. Если мы станем размышлять о своих способах мышления, то найдем, что иногда ум воспринимает соответствие или несоответствие двух идей непосредственно через них самих, без вмешательства каких-нибудь других идей; это, я думаю, можно назвать «интуитивным познанием». Ибо уму не нужно при этом доказывать либо изучать, он воспринимает истину, как глаз воспринимает свет: только благодаря тому, что он на него направлен. Таким образом, ум воспринимает, что белое не есть черное, что круг не есть треугольник, что три больше двух и равно одному плюс два. Такого рода истины ум воспринимает при первом взгляде на обе идеи вместе одной лишь интуицией, без содействия других идей; и такого рода знание самое ясное и наиболее достоверное, какое только доступно слабым человеческим способностям. Эту часть познания нельзя не принять: подобно яркому солнечному свету она заставляет воспринимать себя немедленно, как только

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 78-79, 86-87, 152, 236, 447

ум устремит свой взор в этом направлении. Она не оставляет места колебанию, сомнению или изучению: ум сейчас же заполняется ее ясным светом. От такой интуиции зависят всецело достоверность и очевидность всего нашего познания. Такую достоверность каждый признает столь значительной, что не может представить себе большей и потому не требует ее, ибо человек не может представить себе, что он способен к более достоверному знанию, чем знание того, что данная идея в его уме такова, как он ее воспринимает, и что две идеи, в которых он замечает различие, различны и не вполне тождественны...

Демонстративное познание. Следующей степенью познания является та, где ум воспринимает соответствие или несоответствие идей, но не непосредственно. Хотя всюду, где ум воспринимает соответствие или несоответствие своих идей, там имеется достоверное познание, однако ум не всегда замечает соответствие или несоответствие идей друг с другом даже там, где оно может быть обнаружено; в этом случае ум остается в незнании и по большей части не идет дальше вероятных предположений. Соответствие или несоответствие двух идей не всегда может быть тотчас же воспринято умом по той причине, что те идеи, о соответствии или несоответствии которых идет речь, не могут быть соединены так, чтобы это обнаружилось. В том случае, когда ум не может соединить свои идеи так, чтобы воспринять их соответствие или несоответствие через их непосредственное сравнение и, так сказать, помещение [их] бок о бок или приложение друг к другу, он старается обнаружить искомое соответствие или несоответствие через посредство других идей (одной или нескольких, как придется); именно это мы и называем «рассуждением». Так, если ум хочет знать, соответствуют ли или не соответствуют друг другу по величине три угла треугольника и два прямых, он не может сделать это непосредственным созерцанием и сравнением их, потому что нельзя взять сразу три угла треугольника и сравнить их с каким-нибудь одним или двумя углами. Таким образом, в этом случае ум не имеет непосредственного, интуитивного знания. В этом случае ум стремится найти какие-нибудь другие углы, которым были бы равны три угла треугольника; и, найдя, что эти углы равны двум прямым, он приходит к знанию того, что углы треугольника равны двум прямым.

Чувственное познание существования отдельных вещей. Интуиция и доказательства суть две ступени нашего познания. То, что не достигается тем или другим, с какою бы ни принималось уверенностью, есть лишь вера или мнение, а не знание, по крайней мере, для всех общих истин. Есть, правда, и другое восприятие в уме, касающееся единичного существования конечных предметов вне нас; простираясь дальше простой вероятности, но не достигая вполне указанных степеней достоверности, оно слывет за «познание». Ничего нет достовернее того, что идея, получаемая нами от внешнего объекта, находится в нашем уме; это – интуитивное познание. Но некоторые считают, что можно сомневаться, существует ли что-нибудь, кроме данной идеи в нашем уме, и можем ли мы отсюда заключить с достоверностью о

существовании какого-нибудь предмета вне нас, соответствующего данной идее, ибо в уме можно иметь такие идеи и тогда, когда таких предметов нет, и никакой объект не воздействует на наши чувства. Но я думаю, что здесь у нас есть чувство очевидности, устраняющее всякое сомнение.

Я спрашиваю любого, разве нет у него непоколебимой уверенности в том, что он по-разному воспринимает, когда смотрит на солнце днем и думает о нем ночью, когда действительно пробует полынь и нюхает розу и когда только думает об этом вкусе или запахе? Разницу между идеей, восстановленной в нашем уме нашей собственной памятью, и между идеей, в данный момент приходящей в наш ум через наши чувства, мы сознаем так же ясно, как разницу между любыми двумя отличными друг от друга идеями. Если кто-нибудь скажет: «Сон может сделать то же самое, и все эти идеи могут быть вызваны у нас без всяких внешних объектов», тому, быть может, будет угодно услышать во сне, что я отвечаю ему: 1) неважно, устраню ли я его недоумения или нет: где все лишь сон, там рассуждения и доказательства не нужны, истина и познание – ничто; 2) я думаю, что он признает очень большую разницу, снится ли ему, что он находится в огне, или он находится в огне наяву. Но если бы кто решился быть таким скептиком, чтобы утверждать, что то, что я называю «находится в огне наяву», есть лишь сон и что мы не можем тем самым узнать с достоверностью о существовании вне нас такой вещи, как огонь, я отвечаю следующее: если мы знаем достоверно, что удовольствие или страдание происходит от прикосновения к нам определенных предметов, существование которых мы воспринимаем своими чувствами или видим во сне, что воспринимаем, то эта достоверность так же велика, как наше благополучие или несчастье, и сверх этого нам безразлично, идет ли речь о знании или существовании. Так что, мне думается, к двум прежним видам познания можно прибавить и этот познание существования отдельных внешних предметов через наше восприятие и осознание того, что мы действительно получаем от них идеи, и таким образом допустить следующие три ступени познания: интуитивное, демонстративное и чувственное, причем для каждого из них существуют особые степени и виды очевидности и достоверности.¹

Социальные взгляды

Политическая власть – это право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности и применять силу сообщества для исполнения законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только ради общественного блага.

Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – состояние полной свободы в

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 2. – М., 1987. – С. 14-15.

отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого.

Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим и не облечет его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть. Но состояние свободы не равно состоянию своеволия. Естественное состояние имеет законы природы, разум, который учит, что нельзя приносить вред жизни, здоровью, собственности других. Каждый обязан сохранять себя и сохранить остальную часть человечества. Не существует подчинение, которое дает право уничтожать друг друга. В естественном состоянии любой имеет право приводить в жизнь законы природы, которые требуют мира и сохранения, и наказывать тех, кто нарушает этот закон.

От человека, преступившего естественный закон, надо обезопасить других, его можно уничтожить, т.к. с ним не может быть совместной жизни. На этом основан закон природы. Поэтому в естественном состоянии человек может наказывать и за меньшие нарушения закона, но в такой степени и с такой же строгостью, чтобы это не было выгодно преступнику и дало ему повод раскаться и послужило уроком для остальных. Наказания в естественном состоянии ничем не отличаются от наказаний в государстве. В естественном состоянии каждый обладает исполнительной властью. Гражданское правление избавляет от неудобств естественного состояния. А эти неудобства огромны, так как люди – судьи в своих собственных делах. Ни один преступник не осудит самого себя.

Состояние войны есть состояние вражды и разрушения. И, следовательно, сообщая словом или действием не об опрометчивом и поспешно принятом, но о продуманном и твердом решении лишить жизни другого человека, сделавший это вовлекает себя в состояние войны с тем, в отношении кого он заявил о подобном намерении, и, таким образом, подвергает свою собственную жизнь опасности со стороны другого или всякого, кто будет помогать тому защищаться и примет его сторону. Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением. Ибо по основному закону природы нужно стремиться оберегать человека насколько возможно; когда нельзя уберечь всех, то необходимо в первую очередь думать о безопасности невинных. ...Тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым

вовлекает себя в состояние войны с ним; это следует понимать как объявление об умысле против его жизни. Ибо у меня имеется основание заключить, что тот, кто хочет подчинить меня своей власти без моего согласия, будет поступать со мной, добившись своего, как ему заблагорассудится, и может даже уничтожить меня, если у него будет такая прихоть; ведь никто не может желать иметь меня в своей неограниченной власти, если только он не собирается принудить меня силой к тому, что противоречит праву моей свободы, сделать меня рабом. Быть свободным от подобной силы является единственным залогом моего сохранения; и разум побуждает меня смотреть на него как на врага моей безопасности, который стремится отнять у меня свободу, обеспечивающую ее; таким образом, тот, кто пытается поработить меня, тем самым ставит себя в состояние войны со мной.

Естественная свобода заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы. Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон. Никто не может дать большую власть, чем та, которой он сам обладает и тот, кто не может лишить себя жизни, не может дать другому власти над ней (над своей жизнью). Состояние рабства – это продолжающееся состояние войны между законным победителем и пленником. Если же о повиновении заключен договор, то на время его действия состояния войны и рабства прекращаются.

Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности. Человеку принадлежит труд его тела и работа его рук, следовательно, и плоды, результаты его труда тоже... Человек имеет право своим трудом присвоить столько, сколько сможет потребить, пока этот предмет не подвергнется порче. Все остальное принадлежит другим. Главным предметом собственности является сама земля. В соответствии может быть лишь такой участок, какой под силу обработать одному человеку... Сначала собственность труда была утверждена путем договора. Начало ей положили труд и усердие, а потом разные государства при заключении союзов публично отказались на претензию и прав на землю, составляющую территорию других государств, хотя раньше по естественному праву они имели право на эту землю. Это было положительное соглашение.

Политическое общество – там, где каждый из членов отказался от естественной власти, передав ее в руки общества. Общество становится третейским судьей, устанавливая постоянные правила, равные для всех с помощью получивших от общества полномочий людей проводит в жизнь эти правила, разрешает разногласия, наказывает. Гражданское общество – те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, которое наделено властью разрешать споры и наказывать

преступников. Законодательная власть – государство имеет право устанавливать меру наказания за нарушения. Власть войны и мира. Власть наказывает за ущерб, нанесенный любому члену общества тем, кто не входит в него. Исполнительная власть выполняет приговор. Люди отказываются от своей исполнительной власти, чтобы составить один народ, одно политическое тело, под властью одних верхов правительства. Абсолютная монархия несовместима с гражданским обществом. Цель гражданского общества возмещать неудобства естественного состояния, которые возникают, когда каждый человек – судья в собственном деле. Если существуют какие-либо лица, не имеющие органа, куда можно обратиться для разрешения разногласий – значит, эти лица еще в естественном состоянии, тогда находится абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен. В естественном состоянии человек сам себя защищает, а в абсолютной монархии всем распоряжается каприз и воля монарха – это на ступень ниже обычного состояния разумных существ... Люди не могут считать, что находятся в гражданском обществе, пока законодательная власть не передана в руки коллективного органа. Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключение из законов этого общества.

Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом согласилось создать сообщество или государство, то они тем самым уже объединены и составляют единый политический организм, в котором большинство имеет право действовать и решать за остальных. Ведь когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица сообщество, то они тем самым сделали это, сообщество единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению большинства. Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет согласие большинства: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, единым сообществом, как на то согласились все объединенные в него отдельные

лица; и, таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться большинству.

Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности.

Поскольку с момента объединения людей в общество большинство обладало всей властью сообщества, то оно могло употреблять всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами; в этом случае форма правления будет представлять собой совершенную демократию. Или же оно может передать законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их наследников или преемников, и тогда это будет олигархия. Или же в руки одного лица, и тогда это будет монархия; если в руки его и его наследников, то это наследственная монархия; если же власть передана ему только пожизненно, а после его смерти право назначить преемника возвращается к большинству, то это выборная монархия. И в соответствии с этим сообщество может устанавливать сложные и смешанные формы правления и в зависимости от того, что оно считает лучшим. Форма правления зависит от того, у кого находится верховная власть, которая является законодательной (невозможно предположить, чтобы низшая власть предписывала высшей или чтобы кто бы то ни было, кроме верховной власти, издавал законы); в соответствии с этим форма государства определяется тем, у кого находится законодательная власть. Под государством я все время подразумеваю не демократию или какую-либо иную форму правления, но любое независимое сообщество.

Основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и средством для этого служат законы, установленные в этом обществе. Первым и основным положительным законом всех государств является установление законодательной власти; точно так же первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть, является сохранение общества и каждого члена общества. Эта законодательная власть является не только верховной властью в государстве, но и священной и неизменной в руках тех, кому сообщество однажды ее доверило.

Законодательная власть – это та власть, которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов. Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непрерывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом, законодательную и исполнительную власть часто надо разделять. Существует еще одна власть в каждом государстве, которую можно назвать природной, так как она соответствует той власти, которой по природе обладал каждый человек до

того, как он вступил в общество. Сюда относится право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах, равно как и право вести все дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства; эту власть можно назвать федеративной. Эти две власти, исполнительная и федеративная, хотя они в действительности отличаются друг от друга, так как одна из них включает в себя исполнение муниципальных законов общества внутри его самого по отношению ко всему, что является его частями, другая же включает в себя руководство внешними безопасностью и интересами общества в отношениях со всеми теми, от кого оно может получить выгоду или потерпеть ущерб, все же эти два вида власти почти всегда объединены. И хотя федеративная власть при хорошем или дурном ее осуществлении имеет огромное значение для государства, все же она менее способна руководствоваться предшествующими постоянными положительными законами, чем исполнительная власть; и поэтому по необходимости она должна предоставляться благоразумию и мудрости тех, в чьих руках она находится, для того чтобы она была направлена на благо общества. Ведь законы, касающиеся взаимоотношений подданных друг с другом, направлены на руководство их действиями и вполне могут предшествовать им. Но то, что следует сделать в отношении иностранцев, во многом зависит от их поступков и от различных замыслов и интересов, и это по большей части следует предоставлять благоразумию тех, кому доверена эта власть, чтобы они могли руководствоваться самым лучшим, что дает их искусство, ради пользы государства. Хотя исполнительная и федеративная власть в каждом сообществе в действительности отличается друг от друга, все же их вряд ли следует разделять и передавать одновременно в руки различных лиц. Ведь обе эти власти требуют для своего осуществления силы общества, и почти что невыполнимо сосредоточивать силу государства в руках различных и друг другу не подчиненных лиц или же создавать такое положение, когда исполнительная и федеративная власть будут доверены лицам, которые могут действовать независимо, вследствие чего сила общества будет находиться под различным командованием, а это может рано или поздно привести к беспорядку и гибели.

Во всех случаях, пока существует правление, законодательная власть является верховной.

Исполнительная власть, если она находится где угодно, но только не в руках лица, которое участвует также и в законодательном органе, явно является подчиненной и подотчетной законодательной власти и может быть по желанию изменена и смещена.

Когда законодательный орган передал исполнение созданных им законов в другие руки, то у него все еще остается власть взять это из других рук, когда к тому будет причина, и наказать за любое дурное управление, нарушающее законы. То же самое справедливо и в отношении федеративной власти, так как и она, и исполнительная власть – обе являются министерскими и подчиненными по отношению к законодательной

власти, которая в конституционном государстве является верховной. Право созывать и распускать законодательный орган – право, которым обладает исполнительная власть, – не дает исполнительной власти верховенства над законодательной, а является просто доверенным полномочием, данным ей в интересах безопасности народа в том случае, когда неопределенность и переменчивость человеческих дел не могут вынести постоянного установленного правила.¹

Монтескье Шарль Луи (1689 – 1755) – французский философ-просветитель, политический мыслитель, историк и правовед, писатель. Родился в семье знатного дворянина. Занимался изучением искусства, а также наук естественных и общественных. Сотрудничал в «Энциклопедии», возглавлявшейся Дидро.

Среди произведений, созданных Монтескье – «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734), «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства» (напечатана в «Энциклопедии»).

Наиболее фундаментальный и знаменитый труд Монтескье «О духе законов» (1748).

...Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона.

Обратившись к древности, я постарался усвоить дух ее, чтобы случаи, существенно различные, не принимать за сходные и не просмотреть различий между теми, которые кажутся сходными.

Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей.

Нельзя относиться безразлично к делу просвещения народа. Предрассудки, присущие органам управления, были первоначально предрассудками народа. Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. ...Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от свойственных им предрассудков. Предрассудками я называю не то, что мешает нам познавать те или иные вещи, а то, что мешает нам познать самих себя.

Стремясь просветить людей, мы всего более можем прилагать к делу ту общую добродетель, в которой заключается любовь к человечеству. Человек – это существо столь гибкое и в общественном быту своем, столь восприимчивое к мнениям и впечатлениям других людей – одинаково

¹ Локк Д. Сочинения: в 3 т. Т. 3 – М., 1988. – С. 260-320.

способен и понять свою собственную природу, когда ему показывают ее, и утратить даже всякое представление о ней, когда ее скрывают от него.

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека. Те, которые говорят, что все видимые нами в мире явления произведены слепой судьбою, утверждают великую нелепость, так как что может быть нелепее слепой судьбы, создавшей разумные существа?

Итак, есть первоначальный разум; законы же – это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ.

Бог относится к миру как создатель и охранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет; он действует по этим законам, потому что знает их; он знает их, потому что создал их, и он создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиниться неизменным правилам, или разрушиться.

Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы самого мира.

Эти правила – неизменно установленные отношения. Так, все движения и взаимодействия двух движущихся тел воспринимаются, возрастают, замедляются и прекращаются согласно отношениям между массами и скоростями этих тел; в каждом различии есть единообразие и в каждом изменении – постоянство.

Единичные разумные существа могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы. Прежде чем стать действительными, разумные существа были возможны, следовательно, возможны были отношения между ними, возможны поэтому и законы. Законом, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. ...Итак, надо признать, что отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону. Так, например, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законам этого общества...

Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны

заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда.

Неизвестно, находятся ли животные под управлением общих или каких-нибудь особенных законов движения. Как бы то ни было, они не связаны с богом более близкими отношениями, чем остальной материальный мир; способность же чувствовать служит им лишь для их отношений друг к другу, к другим существам и к самим себе.

В свойственном им влечении к наслаждению каждое из них находит средство для охраны своего отдельного бытия, и это же влечение служит им для сохранения рода. Они имеют естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать и не имеют законов положительных, потому что не соединены способностью познавать. Но они не следуют неизменно и своим естественным законам; растения, у которых мы не замечаем ни чувства, ни сознания, лучше их следуют последним. ...Как существо физическое, человек подобно всем другим телам управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвою неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей.

Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя – и Бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя – и философы направляют его законами морали. Созданный для жизни в обществе, он способен забывать своих ближних – и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы. ...Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает, и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества - отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы,

определяющие отношения между этими народами: это международное право. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это право политическое.

...Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это право гражданское. ...Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, что составляет задачу политических законов, или только поддержание его существования, что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов-земледельцев, охотников или пастухов, степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Это именно я и предполагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется Духом законов. ...Есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический... Республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его. Монархическое – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица.

В монархиях политика совершает великие дела при минимальном участии добродетелей, подобно тому как самые лучшие машины совершают свою работу при помощи минимума колес к движений. Такое государство существует независимо от любви к отечеству, от стремления к истинной славе, от самоотвержения, от способности жертвовать самым дорогим и от всех героических добродетелей, которые мы находим у древних и о которых знаем только по рассказам.

Законы заменяют здесь все эти добродетели, ставшие ненужными; государство освобождает всех от них: всякое действие, не производящее шума, там в некотором смысле остается без последствий.

Честь, т. е. предрассудки каждого лица и каждого положения, заменяет в нем, [монархическом правлении], политическую добродетель, о которой я говорю выше, и всюду ее представляет. Честь может там вдохновлять людей на самые прекрасные деяния и в соединении с силою законов вести их к целям правительства не хуже самой добродетели.

Как для республики нужна добродетель, а для монархии честь, так для деспотического правительства нужен страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна.

...Политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть.

Необходимо уяснить себе, что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане.

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров...

Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость.

Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши.

В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая беспрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана с множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но

тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне и вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость.

В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

В Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не очень многоводные реки составляют более легкие преграды.

Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны.

В Европе в силу ее естественного деления образовалось несколько государств средней величины, где правление, основанное на законах, не только не оказывается вредным для прочности государства, но, напротив, настолько благоприятно в этом отношении, что государство, лишенное такого правления, приходит в упадок и становится слабее других.

Вот что образовало тот дух свободы, благодаря которому каждая страна в Европе с большим трудом подчиняется посторонней Силе, если эта последняя не действует посредством торговых законов и в интересах ее торговли...

Напротив, в Азии царит дух рабства, который никогда ее не покидал; во всей истории этой страны невозможно найти ни одной черты, знаменующей свободную душу; в ней можно увидеть только героизм рабства.

В стране с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска. Таким образом, в странах

плодородных всего чаще встречается правление одного, а в странах неплодородных – правление нескольких, что является иногда как бы возмещением за неблагоприятные природные условия.

Бесплодная почва Аттики породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление как более близкое к правлению одного – правлению, которого в те времена совсем не желала Греция.

Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа.

Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих.

Над дикарями властвует почти исключительно природа и климат, китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам, над Лакедемоном в былое время господствовали нравы, принципы правления и нравы старины господствовали в Риме...

Люди управляются различными законами: правом естественным; божественным правом, которое есть право религии; правом церковным, иначе – каноническим, которое есть право религиозной дисциплины; правом международным, которое можно рассматривать как вселенское гражданское право, в том смысле, что каждый народ есть гражданин вселенной; общим государственным правом, которое имеет своим предметом человеческую мудрость, создавшую все человеческие общества; частным государственным правом, имеющим в виду каждое отдельное общество; правом завоевания, которое основано на представлении, что один народ хотел, мог или должен был совершить насилие над другим народом; гражданским правом отдельных обществ, посредством которого гражданин может защищать свое имущество и жизнь против всякого другого гражданина; наконец, семейным правом, которое является следствием разделения общества на отдельные семейства, требующие особого управления.

Существуют, следовательно, различные разряды законов, и высшая задача человеческого разума состоит в том, чтобы точным образом определить, к какому из названных разрядов по преимуществу относятся те или другие вопросы, подлежащие определению закона, дабы не внести беспорядка в те начала, которые должны управлять людьми.

Не следует ни делать предметом постановлений божественного закона то, что относится к законам человеческим, ни решать посредством человеческого закона то, что подлежит законам божественным. Эти два рода законов отличаются один от другого своим происхождением, своей целью и своей природой.

Все согласны в том, что природа человеческих законов отличается от природы религиозных законов. Это есть великий принцип, но он в свою очередь подчинен другим принципам, которые следует определить.

Человеческим законам свойственно от природы подчиняться всем видоизменившимся обстоятельствам действительности и следовать за всеми изменениями воли людей; напротив, свойство религиозных законов – никогда не изменяться. Постановления человеческих законов относятся к благу, установления религии – к высшему благу. Благо может иметь какую-то иную цель, потому что существует много различных благ; но высшее благо едино и, следовательно, изменяться не может. Законы можно изменять, потому что они признаются законами только тогда, когда они хороши; но установления религии всегда считаются наилучшими.

Есть государства, где законы ничего не значат и служат лишь выражением прихотливой и изменчивой воли государя. Если бы в таких государствах религиозные законы были однородны с человеческими законами, то они также не имели бы никакого значения. Между тем для общества необходимо, чтобы существовало что-то постоянное; это постоянное и есть религия.

Сила религии покоится главным образом на вере в нее, а сила человеческих законов – на страхе перед ними. Древность существования благоприятствует религии; степень веры часто соразмеряется с отдельностью предмета, в который мы верим, ибо наш ум при этом бывает свободен от побочных понятий той отдаленной эпохи, которые могли бы противоречить нашим верованиям. Человеческим законам, напротив, дает преимущество новизна их происхождения. Она указывает на особое, живое внимание законодателя, направленное на то, чтобы добиться их исполнения.¹

Руссо Жан-Жак (1712 – 1778) – французский философ-просветитель, политический мыслитель, писатель, теоретик искусства. Родился в Женеве, в семье часовщика. Систематического образования не получил. Прибыв в Париж в начале 40-х годов, Руссо сотрудничал в «Энциклопедии» Дидро.

Широкую известность Руссо получил после выхода «Рассуждения о науках и искусствах», небольшого произведения, написанного на конкурс, объявленный Дижонской академией: способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов? Слава оригинального мыслителя упрочилась за Руссо после выхода других его произведений, в частности «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755). Самое знаменитое и влиятельное произведение Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762).

«РАССУЖДЕНИЕ О НАУКАХ И ИСКУССТВАХ»

Как и тело, дух имеет свои потребности. Телесные потребности являются основой общества, а духовные его украшают. В то время как правительство и законы охраняют общественную безопасность и благосостояние сограждан, науки, литература и искусства менее

¹ Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. – М., 1955. – С. 159-161, 163-169, 182, 183, 185, 288-289, 350, 352-353, 391-393, 412, 550-560.

деспотичные, но, быть может, более могущественные – обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляют их любить свое рабство и создают так называемые цивилизованные народы. Необходимость воздвигла троны, науки и искусства их утвердили. Сильные мира сего, любите таланты и покровительствуйте их обладателям!

Цивилизованные народы, лелейте их. Счастливые рабы, вы им обязаны изысканным и изощренным вкусом, которым вы гордитесь, мягкостью характера и обходительностью нравов, способствующими более тесному и легкому общению, словом всеми внешними признаками добродетелей, которых у вас нет.

Наши души развращались, по мере того как совершенствовались науки и искусства. Быть может, мне скажут, что это несчастье, присущее только нашей эпохе?

Нет, милостивые государи, зло, причиняемое нашим суетным любопытством, старо, как мир. Приливы и отливы воды в океане не строже подчинены движению ночного светила, чем судьба нравов и добропорядочности – успехам наук и искусств. По мере того как они озаряют наш небосклон, исчезает добродетель, и это явление наблюдается во все времена и во всех странах.

Взгляните на Египет, эту первую школу Вселенной... В этой стране родились философия и изящные искусства, и вскоре после этого она была завоевана...

Посмотрите на Грецию, когда-то населенную героями... Нарождающаяся письменность еще не внесла порчи в сердца обитателей этой страны, но вскоре за нею последовали успехи искусств, разложение нравов, македонское иго, и Греция – всегда ученая, всегда изнеженная и всегда поработенная – отныне стала только менять своих повелителей. Все красноречие Демосфена не в состоянии было вдохнуть свежие силы в общество, расслабленное роскошью и искусством.

Вот каким образом роскошь, развращенность и рабство во все времена становились возмездием за наше надменное стремление выйти из счастливого невежества, на которое нас обрекла вечная Мудрость. Казалось бы, густая завеса, за которую она скрыла от нас все свои пути, должна была бы указать нам на то, что мы не предназначены для пустых изысканий. Но есть ли хоть один ее урок, которым мы сумели бы воспользоваться, и хоть один урок, которым мы пренебрегли безнаказанно? Народы! Знайте раз навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие. Все скрываемые ею от вас тайны являются злом, от которого она вас охраняет, и трудность изучения составляет одно из немалых ее благодеяний. Люди испорчены, но они были бы еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными.¹

¹ Руссо Ж. -Ж. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. – М., 1961. – С. 44-45, 47-48, 52.

«РАССУЖДЕНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ОСНОВАНИЯ НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ»

Я замечаю двоякое неравенство в человеческом роде: одно, которое я назову естественным или физическим, так как оно установлено природой, состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств. Другое же может быть названо нравственным или политическим, так как оно зависит от своего рода договора и установлено или по крайней мере стало правомерным с согласия людей. Оно состоит в различных привилегиях, которыми одни пользуются к ущербу других, в том, например, что одни более богаты, уважаемы и могущественны, чем другие, или даже заставляют их повиноваться себе.

Способность к совершенствованию, которая при содействии различных обстоятельств ведет к постепенному развитию всех остальных способностей.

Она так же присуща всему нашему роду, как и каждому индивидууму, тогда как животное по истечении нескольких месяцев будет тем, чем останется оно всю свою жизнь, а его вид через тысячу лет тем же, чем был в первом году этого тысячелетия.

...Печально было бы, если бы пришлось признать, что эта своеобразная и почти безграничная способность является источником почти всех человеческих несчастий, что она, в союзе с временем, выводит в конце концов человека из того первобытного состояния, в котором он вел спокойную и невинную жизнь, что она, способствуя в течение целого ряда веков расцвету его знаний и заблуждений, пороков и добродетелей, заставляя его сделаться тираном над самим собой и природой.

У всех народов мира умственное развитие находится в соответствии с теми потребностями, которые породила в них природа или заставили приобрести обстоятельства, и, следовательно, с теми страстями, которые побуждают их заботиться об удовлетворении этих потребностей.

...Я отметил бы то обстоятельство, что северные народы опережают в общем южные в области промышленности, так как им труднее без нее обойтись, и что, следовательно, природа, как бы стремясь установить известное равенство, наделила умы продуктивностью, в которой отказала почве. Но если даже мы и не станем прибегать к малонадежным свидетельствам истории, разве не ясно для всякого, что все как бы намеренно удаляет от дикаря искушения и средства выйти из того состояния, в котором он находится. Его воображение ничего ему не рисует, его сердце ничего не требует. Все, что нужно для удовлетворения его скромных потребностей, у него под рукой, он настолько далек от уровня знаний, обладать которыми необходимо, чтобы пожелать приобрести еще большие, что у него не может быть ни предусмотрительности, ни любознательности.

Не имея никакого нравственного общения между собой, не признавая за собою никаких обязанностей по отношению к себе подобным, люди не могли быть, по-видимому, в этом состоянии ни хорошими, ни дурными и не имели ни пороков, ни добродетелей, если только мы не будем, понимая слова эти в

физическом смысле, называть пороками в индивидууме те качества, которые могут препятствовать его самосохранению, и добродетелями те, которые могут ему способствовать; но в таком случае наиболее добродетельным пришлось бы назвать того, кто менее других противится внушениям природы.

После того как я доказал, что неравенство едва заметно в естественном состоянии и его влияние там почти ничтожно, мне остается показать, как возникает оно и растет в связи с последовательным развитием человеческого ума. После того как я доказал, что способность к совершенствованию, общественные добродетели и прочие духовные свойства, которыми наделен был человек в естественном состоянии, не могли развиваться сами собой, что они нуждались для этого в содействии множества внешних причин, которые могли и вовсе не возникнуть и без которых он навсегда остался бы в первобытном состоянии, мне предстоит дать обзор и выяснить значение различных случайностей, которые могли способствовать совершенствованию человеческого разума, способствуя в то же время вырождению человечества, которые могли сделать человека существом злым, сделав его существом общежительным, и дойти от эпохи бесконечно далекой до той поры, когда человек и Вселенная стали такими, какими мы их видим. Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое» – и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля – никому!» Но весьма вероятно, что дела не могли уже тогда оставаться дольше в том положении, в каком они находились. Идея собственности, зависящая от многих идей предшествующих, которые могли возникнуть лишь постепенно, не внезапно сложилась в уме человека. Нужно было далеко уйти по пути прогресса, приобрести множество технических навыков и знаний, передавать и умножать их из века в век, чтобы приблизиться к этому последнему пределу естественного состояния.

Я проношусь стрелой через длинную вереницу веков, так как время идет: рассказать мне нужно о многом, а движение прогресса вначале почти что неуловимо, и чем медленнее следовали друг за другом события, тем скорее можно описать их. Первые завоевания человека открыли ему, наконец, возможность делать успехи более быстрые. Чем больше просвещался ум, тем больше развивалась промышленность. Люди не располагались уже на ночлег под первым попавшимся деревом и не прятались в пещерах. У них появилось нечто вроде топоров.

С помощью твердых и острых камней они рубили деревья, копали землю и строили из древесных ветвей хижины, которые научились впоследствии обмазывать глиной или грязью. Это была эпоха первого переворота. Образовались и обособились семьи; появились зачатки

собственности, а вместе с этим уже возникли, быть может, столкновения и раздоры.

Пока люди довольствовались сельскими хижинами, шили себе одежды из звериных шкур с помощью древесных колючек или рыбьих костей, украшали себя перьями или раковинами, разрисовывали свое тело в различные цвета, улучшали или делали более красивыми свои луки и стрелы, выдалбливали острыми камнями немудрящие рыбачьи лодки или выделявали с помощью тех же камней грубые музыкальные инструменты, словом, пока они выполняли лишь такие работы, которые были под силу одному, и разрабатывали лишь такие искусства, которые не требовали сотрудничества многих людей, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природе, и продолжали наслаждаться всей прелестью независимых отношений. Но с той минуты, как человек стал нуждаться в помощи другого, с той минуты, как люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи, достаточный для двух, равенство исчезло, возникла собственность, стал неизбежен труд, и обширные леса превратились в веселые нивы, которые нужно было поливать человеческим потом и на которых скоро взошли и расцвели вместе с посевами рабство и нищета.

Великий переворот этот произвело изобретение двух искусств: обработки металлов и земледелия. В глазах поэта – золото и серебро, а в глазах философа – железо и хлеб цивилизовали людей и погубили род человеческий.

Все способности наши получили теперь полное развитие. Память и воображение напряженно работают, самолюбие всегда настороже, мышление стало деятельным, и ум почти достиг уже предела доступного ему совершенства. Все наши естественные способности исправно несут уже свою службу; положение и участь человека стали определяться не только на основании его богатства и той власти приносить пользу или вред другим, какой он располагает, но также на основании ума, красоты, силы или ловкости, заслуг или дарований, а так как только эти качества могли вызывать уважение, то нужно было иметь их или делать вид, что имеешь. Выгоднее было казаться не тем, чем был в действительности; быть и казаться – это для того времени уже вещи различные, и это различие вызвало появление ослепляющего высокомерия, обманчивой хитрости и пороков, составляющих их свиту. С другой стороны, из свободного и независимого, каким был человек первоначально, он превратился как бы в подвластного всей природе, особенно же ему подобным, рабом которым до некоторой степени он становится, даже становясь их господином. Если он богат, он нуждается в их услугах, если он беден, то нуждается в их помощи, и даже при среднем достатке он все равно не в состоянии обойтись без них. Он должен поэтому постоянно стараться заинтересовать их в своей судьбе, заставить их находить действительную или мнимую выгоду в том, чтобы содействовать его благополучию, а это делает его лукавым и изворотливым с одними,

надменным и жестоким с другими и ставит его в необходимость обманывать тех, в ком он нуждается, если он не может заставить их себя бояться и не находит выгодным у них заискивать. Ненасытное честолюбие, страсть увеличивать свое благосостояние, не столько ввиду истинных потребностей, сколько для того, чтобы стать выше других, внушают всем людям низкую склонность вредить друг другу и тайную зависть, тем более опасную, что, желая вернее нанести удар, она часто прикрывается личиной благожелательности. Словом, конкуренция и соперничество, с одной стороны, а с другой – противоположность интересов и скрытое желание обогатиться на счет другого – таковы ближайшие последствия возникновения собственности, таковы неотлучные спутники нарождающегося неравенства.

Прежде чем изобретены были особые знаки, заменяющие всякие ценности, богатство могло состоять почти исключительно в землях и стадах скота, являвшихся единственными реальными благами, которыми могли владеть люди. Но когда поземельные владения, переходившие по наследству из рода в род, настолько увеличились в числе и размерах, что покрыли собою всю землю и соприкасались между собою, то одни из них могли возрастать уже только на счет других. Те люди, которые остались ни при чем, благодаря тому, что слабость или беспечность помешали им в свою очередь приобрести земельные участки, стали бедняками, ничего ни потеряв, потому что не изменились, когда все изменилось вокруг них, и принуждены были получать пропитание из рук богатых или же похищать его у них. Отсюда возникли мало-помалу, в зависимости от различий в характере тех и других, господство и рабство или насилия и грабежи. Богатые же со своей стороны, едва ознакомившись с удовольствием властвовать, стали скоро презирать всех остальных и, пользуясь прежними рабами для подчинения новых, только и помышляли, что о порабощении и угнетении своих соседей, подобно прожорливым волкам, которые, раз отведав человеческого мяса, отвергают всякую другую пищу и желают пожирать только людей.

Таким образом, наиболее могущественные или наиболее бедствующие, основываясь на своей силе или своих нуждах, стали приписывать себе своего рода право на имущество другого, равносильное в их глазах праву собственности, и за уничтожением равенства последовали жесточайшие смуты. Захваты богатых, разбои бедных, разнузданные страсти и тех и других, заглушая естественное сострадание и слабый еще голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми и злыми. Началась бесконечная борьба между правом сильного и правом первого завладевшего, приводившая к постоянным столкновениям и убийствам.

Возникающее общество стало театром ожесточеннейшей войны. Погрязший в преступлениях и пороках и впавший в отчаяние род человеческий не мог уже ни вернуться назад, ни отказаться от сделанных им злосчастных приобретений; употребляя во зло свои способности, которые могли служить лучшим его украшением, он готовил себе в грядущем только стыд и позор и сам привел себя на край гибели.

Если мы проследим за прогрессом неравенства в связи с этими различными переворотами, то увидим, что возникновение законов и права собственности было начальным пунктом этого прогресса, установление магистратуры – вторым, а третьим, и последним, – изменение правомерной власти в основанную на произволе; так что различие между богатым и бедным было узаконено первой эпохой, различие между сильным и слабым – второй, а третьей – различие между господином и рабом. Это – последняя ступень неравенства, тот предел, к которому приводят все остальные, если только новые перевороты не уничтожат совершенно управления или не приблизят его к правомерному устройству.

Я попытался изложить историю происхождения и развития неравенства, возникновения политических обществ и злоупотреблений, которым открывают они место, насколько все это может быть выведено из природы человека, при свете одного только разума и независимо от священных догм, дающих верховной власти санкцию божественного права. Из изложения этого видно, что неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет в зависимости от развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится наконец прочным и правомерным благодаря возникновению собственности и законов.

Из него следует далее, что нравственное неравенство, узаконенное одним только положительным правом, противно праву естественному, поскольку оно не совпадает с неравенством физическим. Это различие достаточно ясно показывает, что должны мы думать о том виде неравенства, которое царит среди всех цивилизованных народов, так как естественное право, как бы мы его ни определяли, очевидно, не может допустить, чтобы дитя властвовало над старцем, чтобы глупец руководил мудрецом, и горсть людей утопала в роскоши, тогда как огромное большинство нуждается в самом необходимом.¹

«ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВА»

Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах. Иной считает себя повелителем других, а сам не перестает быть рабом в еще большей степени, чем они. Каким образом произошла эта перемена? Я не знаю. Что может сделать эту перемену законной? Думаю, что я могу разрешить этот вопрос.

Древнейшее из всех обществ и единственно естественное – это семья; но и в семье дети остаются привязанными к отцу только до тех пор, пока они нуждаются в нем для самосохранения. Как только исчезает эта необходимость, естественные узы рушатся. Дети, свободные от обязанности повиноваться отцу, и отец, свободный от обязанности заботиться о детях, становятся равно независимыми. Если же они и продолжают жить в

¹ Руссо Ж. -Ж. Рассуждение о происхождении и основания неравенства между людьми. – СПб., 1907. – С. 25, 40, 42, 54, 66-67, 68, 73, 78, 82-84, 99, 107-108.

единении, то это происходит уже добровольно, а не естественно, и целостность самой семьи поддерживается только путем соглашения.

Эта общая свобода есть следствие человеческой природы. Ее первый закон – забота о самосохранении, ее первые заботы – те, которые человек обязан иметь по отношению к самому себе; и как только человек Достигает разумного возраста, он становится своим собственным господином, будучи единственным судьей тех средств, которые пригодны для его самосохранения...

Поскольку ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то в качестве основы всякой законной власти среди людей остаются соглашения.

Отказаться от своей свободы – это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от права человека, даже от его обязанностей. Нет такого вознаграждения, которое могло бы возместить отказ от всего. Такой отказ несовместим с человеческой природой; отнять всякую свободу у своей воли равносильно отнятию всяких нравственных мотивов у своих поступков. Наконец, соглашение, в котором, с одной стороны, выговорена абсолютная власть, а с другой – безграничное повиновение, есть пустое и противоречивое соглашение...

Итак, с какой точки зрения ни рассматривать вещи, право рабства ничтожно, и не только потому, что оно незаконно, но и потому, что оно нелепо и ничего не означает. Слова раб и право противоречивы; они исключают одно другое.

Если, таким образом, мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующему: Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого.

Вместо отдельной личности каждого договаривающегося этот акт ассоциации немедленно создает моральное и коллективное целое, составленное из стольких членов, сколько собрание имеет голосов, целое, которое получает путем этого самого акта свое единство, свое общее я, жизнь и волю. Эта общественная личность, составленная путем соединения всех остальных личностей, получала в прежнее время название гражданской общины, а теперь называется республикой или политическим телом, которое именуется своими членами государством, когда оно пассивно, и сувереном, когда оно активно, державой – при сопоставлении ее с ей подобными. По отношению к участникам они коллективно принимают имя народа, а в отдельности называются гражданами, как участники суверенной власти, и подданными, как подчиненные законам государства.

Суверен, будучи образован из составляющих его частных лиц, не имеет и не может иметь интересов, противоположных их интересам; поэтому подданные не нуждаются в гарантии против суверенной власти, ибо невозможно предположить, чтобы организм захотел вредить всем своим

членам, и мы увидим ниже, что он не может вредить никому в отдельности. Суверен есть всегда то, чем он должен быть, по тому одному, что он существует.

Но дело обстоит не так с отношениями подданных к суверену; несмотря на общий интерес, ничто не ручалось бы за выполнение ими принятых на себя обязательств, если бы суверен не нашел средств обеспечить себе их верность.

Дабы это общественное соглашение не оказалось пустой формальностью, оно молчаливо заключает в себе следующее обязательство, которое одно только может придать силу другим обязательствам, а именно: если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, то он будет принужден к повиновению всем политическим организмом; а это означает лишь то, что его силой заставят быть свободным, так как соглашение в том и заключается, что, предоставляя каждого гражданина в распоряжение отечества, оно гарантирует его от всякой личной зависимости. Это условие составляет секрет и двигательную силу политической машины, и только оно одно делает законными гражданские обязательства, которые без этого были бы тираническими и давали бы лишь повод к огромным злоупотреблениям.

...Переход от естественного состояния к гражданскому производит в человеке весьма заметную перемену, заменяя в его действиях инстинкт правосудием и сообщая его действиям нравственное начало, которого им прежде не доставало. Только тогда голос долга следует за физическим побуждением, право – за желанием, и человек, обращавший до тех пор внимание только на самого себя, оказывается принужденным действовать согласно другим принципам и прислушиваться к голосу разума, прежде чем повиноваться естественным склонностям. Хотя в состоянии общественном человек и лишается многих преимуществ, которыми он обладает в естественном состоянии, но зато он приобретает гораздо большие преимущества: его способности упражняются и развиваются, мысль его расширяется, чувства его облагораживаются, и вся его душа возвышается до такой степени, что, если бы злоупотребления новыми условиями жизни не низводили его часто до состояния более низкого, чем то, из которого он вышел, он должен был бы беспрестанно благословлять счастливый момент, вырвавший его навсегда из прежнего состояния и превративший его из тупого и ограниченного животного в существо мыслящее – в человека.

Первый и самый важный вывод из установленных выше принципов тот, что только общая воля может управлять силами государства сообразно с целью, для которой последнее учреждено и которая есть общее благо. Ибо если противоположность частных интересов создала необходимость в установлении обществ, то самое установление их стало возможным только путем соглашения тех же интересов. Что есть общего в различных частных интересах, то и образует общественную связь, и если бы не было такого пункта, в котором бы сходились все интересы, то никакое общество не могло

бы существовать. Единственно на основании этого общего интереса общество и должно быть управляемо.

Я утверждаю, что суверенитет, будучи только осуществлением общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, будучи не чем иным, как коллективным существом, может быть представлен только самим собой; власть может, конечно, передаваться, но не воля...

По тем же самым основаниям, по каким суверенитет неотчуждаем, он и неделим, ибо одно из двух: или воля всеобща, или нет; или это воля всего народа, или это воля только части его. В первом случае эта объявленная всеобщая воля есть акт суверенитета и составляет закон; во втором это только частная воля или акт магистратуры (должностных лиц), самое большее это декрет...

Общественный договор устанавливает между всеми гражданами такое равенство, что они вступают в соглашение на одних и тех же условиях и должны все пользоваться одними и теми же правами. Таким образом, из самой природы договора вытекает, что всякий акт суверенитета, т. е. всякий подлинный акт общей воли, обязывает или благодетельствует одинаково всех граждан, так что верховная власть знает только совокупность народа и не делает различия между теми, кто ее составляет...

Я называю республикой всякое государство, управляемое законами, какова бы ни была форма управления, потому что только в этом случае управляет общественный интерес и общественное дело имеет какое-нибудь значение. Всякое законное правительство есть правительство республиканское...

Если исследовать, в чем именно состоит наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законодательства, то мы найдем, что благо это сводится к двум важнейшим вещам: свободе и равенству; свободе – потому, что всякая частная зависимость равносильна отнятию у государственного организма некоторой силы; равенству – потому, что свобода не может существовать без равенства.

Я уже указал, что такое гражданская свобода; под словом «равенство» не следует понимать того, чтобы степени власти и богатства должны быть абсолютно одни и те же; что касается власти, она не должна доходить до насилия и применяться иначе, как в силу определенного положения и законов; а что касается богатства, – ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один – настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя. Это предполагает со стороны знатных людей умеренность в пользовании имуществом и влиянием, а со стороны людей маленьких – умеренность в своей жадности и зависти...

Что же такое правительство? Это посредствующий орган, установленный между подданными и сувереном для взаимного их сношения, уполномоченный исполнять законы и охранять свободу, как политическую, так и гражданскую.

Члены этого органа называются магистратами или королями, т. е. правителями, а весь орган называется государем. Таким образом, те, которые уверяют, что акт, посредством которого народ подчиняет себя начальникам, не есть договор, совершенно правы. Это не что иное, как поручение, должность, исполняя которую начальники, простые чиновники суверена, применяют его именем власть, хранителями которой он их назначил; эту власть суверен может ограничить, изменить, отнять когда ему угодно, так как отчуждение подобного права было бы несовместимо с природой общественного организма и против цели ассоциации.

Итак, я называю правительством, или верховным управлением, законное отправление функций исполнительной власти, а правителем, или государем, – орган или человека, которым вручена эта власть.

Суверенитет не может быть представлен по той же самой причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается исключительно в общей воле, а воля не может быть представлена: это – или та же самая воля, или другая; середины здесь нет. Народные депутаты не суть и не могут быть представителями народа, они только его комиссары; они ничего не могут постановлять окончательно; всякий закон, которого народ не ратифицировал самолично, недействителен; это даже не закон...

Так как закон есть не что иное, как объявление общей воли, то ясно, что в своей законодательной власти народ не может быть представлен, но он может и должен быть представлен в своей исполнительной власти, которая есть лишь сила, примененная согласно закону.

Подданные должны отдавать отчет суверену в своих убеждениях, лишь поскольку убеждения эти важны для общины. А государству важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставила бы его любить свои обязанности. Но догматы этой религии интересуют государство и его членов лишь настолько, насколько эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые исповедующий их обязан выполнять по отношению к ближнему. Каждый может иметь сверх того какие ему угодно убеждения, причем суверену вовсе не нужно их знать, потому что он совершенно не компетентен в вопросах неба и не его дело, какая судьба постигнет под данными в будущей их жизни, лишь бы они были хорошими гражданами в жизни земной.

Существует, таким образом, символ веры чисто гражданский, статьи которого суверен имеет право устанавливать не как догматы религии, конечно, но как чувства общности, при отсутствии которых нельзя быть ни хорошим гражданином, ни верноподданным.

Не имея возможности принуждать кого-нибудь верить в установленные им догматы, государство может изгнать из своих пределов всякого, кто в них не верит; оно может его изгнать не как нечестивца, а как человека необщественного, как гражданина, неспособного любить откровенно законы и справедливость и неспособного также принести в жертву, в случае надобности, свою жизнь своему долгу. Если же кто-нибудь, признав публично эти догматы, ведет себя как неверующий в них, то он должен быть

наказан смертью: он совершил величайшее преступление: он солгал перед законами.

...Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без объяснений и комментариев. Существование могучего, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого божества, будущая жизнь, счастье справедливых, наказание злых, святость общественного договора и законов – вот положительные догматы. Что касается догматов отрицательных, то я ограничиваю их одним только догматом – нетерпимостью; она входит в исключенные нами культы.¹

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ

1. В чем мыслители Нового времени видели назначение и смысл философии?
2. Охарактеризуйте методы познания Ф. Бэкона и Р. Декарта. В чем их отличие от теорий античности?
3. Проведите сравнительный анализ классификации наук Аристотеля и Ф. Бэкона.
4. Рассмотрите роль рационально мыслящего субъекта в философской концепции Р. Декарта.
5. Выявите общие черты в философских концепциях Ф. Бэкона и Р. Декарта.
6. В чем, по мнению Ф. Бэкона состоит теоретическое и практическое значение науки? Социальный проект Ф. Бэкона «Новая Атлантида».
7. Выявите основные положения онтологических теорий Ф. Бэкона, Р. Декарта.
8. Выявите основные положения онтологических теорий Т. Гоббса, Дж. Локка.
9. Концепция Декарта о врожденных идеях и возражения против нее Дж. Локка. Осуществите их сравнительную характеристику.
10. Проанализируйте теории «естественного права» и «общественного договора» Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо.
11. Сформулируйте понимание роли права и законов в жизни человека представителями философии Французского Просвещения.

¹ Руссо Ж. -Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права. – М., 1938. – С. 3-4, 7-8, 11, 13-17, 21-22, 27, 32, 44-45, 49, 82-83, 119-120.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Кант Иммануил (1724 – 1804) – основоположник немецкой классической философии. В первый период творчества (до 1770 г.), занимаясь как естественнонаучными, так и традиционными философскими проблемами, приходит к выводу о необходимости пересмотра существующих представлений о наших познавательных возможностях. Во второй, критический, период, установив границы человеческого познания, исследует метафизические основания естествознания, правовых и моральных представлений.

Основные работы докритического периода: «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), «Новое освещение первых принципов метафизического познания» (1755), «Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали» (1764). Критического периода – «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1786), «Критика способности суждения» (1790), «Религия в пределах только разума» (1793), «Метафизические начала естествознания» (1786), «Метафизика нравов в двух частях» (1797), «Антропология с прагматической точки зрения» (1798).

Докритический период

...Теория Лукреция или его предшественника Эпикура, Левкиппа и Демокрита во многом сходна с моей. Так же как и эти философы, я полагаю, что первоначальным состоянием природы было всеобщее рассеяние первичного вещества всех небесных тел, или, как они их называют, атомов. Эпикур предполагал, что существует тяжесть, заставляющая падать эти первичные частицы материи; она, по-видимому, немногим отличается от принимаемого мною Ньютонова притяжения. Эпикур приписывал этим частицам и некоторое отклонение от прямолинейного падения, хотя о причинах и следствиях этого отклонения у него были нелепые представления; это отклонение до некоторой степени совпадает с тем изменением прямолинейного падения, которое, по нашему мнению, вызывается отталкивательной силой частиц. Наконец, вихри, возникающие из беспорядочного движения атомов, составляли один из главных пунктов в системе Левкиппа и Демокрита, и эти вихри встречаются и в нашем учении. Столь большая близость к учению, которое в древности было подлинной теорией богоотступничества, не вовлекает, однако, мою систему в круг его заблуждений.¹

...Материя, составляющая первичное вещество всех вещей, подчинена известным законам и, будучи предоставлена их свободному воздействию, необходимо должна давать прекрасные сочетания. Она не может уклониться

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 1. – М. 1963. – С. 122-123.

от этого стремления к совершенству. Поскольку, следовательно, она подчинена некоему мудрому замыслу, она необходимо была поставлена в такие благоприятные условия некоей господствующей над ней первопричиной. Этой причиной должен быть бог уже по одному тому, что *природа даже в состоянии хаоса может действовать только правильно и слаженно*.

...Здесь можно было бы в некотором смысле сказать без всякой кичливости: *дайте мне материю, и я построю из нее мир*, т. е. дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир.

...Пусть не покажется странным, если я позволю себе сказать, что легче понять образование всех небесных тел и причину их движений, короче говоря, происхождение всего современного устройства мироздания, чем точно выяснить на основании механики возникновение одной только былинки или гусеницы...

Несмотря на глубочайшую пропасть, разделяющую способность мыслить от движения материи, разумную душу от тела, все же несомненно, что человек получает все свои понятия и представления от впечатлений, которые *Вселенная* через его тело вызывает в его душе, и что отчетливость понятий и представлений человека, равно как и умение связать их и сравнить между собой, называемое способностью мыслить, полностью зависит от свойств этой материи, с которой его связал творец.

Из всех существ человек меньше всего достигает цели своего существования, потому что он тратит свои превосходные способности на такие цели, которые остальные существа достигают с гораздо меньшими способностями и, тем не менее, гораздо надежнее и проще. И он был бы, во всяком случае, с точки зрения истинной мудрости, презреннейшим из всех существ, если бы его не возвышала надежда на будущее, и если бы заключенным в нем силам не предстояло полное развитие.

До сих пор мы как следует не знаем, что такое действительно человек в настоящее время, хотя сознание и чувства должны бы нам дать ясное понятие об этом; насколько же меньше мы можем угадать, чем он должен стать в будущем!¹

...Одно дело *различать* вещи и совсем другое – *познавать различие* между вещами. Последнее возможно только посредством суждения и недоступно никакому неразумному животному. Следующее подразделение может оказаться весьма полезным. *Логически различать*, значит познавать, что вещь Л не есть В, и это всегда есть отрицательное суждение; *физически различать* значит посредством различных представлений быть побуждаемым к различным действиям. Собака отличает мясо от хлеба, потому что сравнительно с хлебом мясо производит на нее иное впечатление (ведь различные вещи вызывают и различные ощущения) и ощущение, получаемое от мяса, вызывает у нее иное вожеление, нежели то, какое вызывается

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 1. – М. 1963. – С. 124, 126-127, 248-251, 260.

ощущением, получаемым от хлеба, согласно естественной связи влечений собаки с ее представлениями. Все это может послужить поводом для более основательного размышления о существенном различии в природе разумных и неразумных животных. Если бы удалось постигнуть, что это за таинственная сила, которая делает возможными суждения, то задача была бы решена. В данный момент я считаю, что эта сила, или способность, есть не что иное, как способность внутреннего чувства, т. е. способность делать свои собственные представления предметом своих мыслей. Способность эта не вытекает из какой-нибудь другой, а есть одна из основных способностей в собственном смысле этого слова и, по моему убеждению, может принадлежать только разумным существам. Но от нее-то именно и зависит вся высшая сила познания.

Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу – а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком...

Человеку присущи свои склонности, и благодаря своей свободе он обладает природной волей, дабы следовать ей в своих поступках и направлять ее. Нет ничего ужаснее, когда действия одного человека должны подчиняться воле другого. Поэтому никакое отвращение не может быть более естественным, чем отвращение человека к рабству. Поэтому-то и ребенок плачет и раздражается, когда ему приходится делать то, чего хотят другие, если они не постарались сделать это для него приятным. Он хочет поскорее сделаться мужчиной, чтобы распоряжаться по своей воле.

Дело философии – расчленять понятия, данные в смутном виде, делать их развитыми и определенными; дело же математика – связывать и сравнивать уже данные понятия о величинах, обладающие ясностью и достоверностью, дабы увидеть, какие выводы можно из них сделать...

Математика рассматривает в своих решениях, доказательствах и выводах всеобщее при помощи знаков *in concrete*, философия – посредством знаков *in abstracto*.

В математике имеется лишь немного неразложимых понятий и недоказуемых положений, в философии, напротив, их бесконечное множество...

Объект математики легок и прост, объект философии, напротив, труден и сложен...

Метафизика есть не что иное, как философия первых оснований нашего познания; поэтому то, что в предшествующем рассуждении было доказано относительно математического познания по сравнению его с философией, правильно и для метафизики. Мы видели значительные и существенные различия в (способе) познавания обеих наук, и в этом отношении можно... сказать, что для философии ничего не было *вреднее математики, а*

именно подражания ей в методе мышления там, где он никак не может быть применен...¹

Критический период Проблемы теории познания

Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта. В самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность, если не предметами, которые действуют на наши чувства и отчасти – сами производят представления, отчасти побуждают наш рассудок сравнивать их, связывать или разделять и таким образом перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом? Следовательно, никакое познание не предшествует во *времени* опыту, оно всегда начинается с опыта.

Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его.

...Мы будем называть априорными знания, *безусловно* независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта. Им противоположны эмпирические знания, или знания, возможные только а *posteriori*, т.е. посредством опыта.

...Некоторые знания покидают даже сферу всякого возможного опыта и с помощью понятий, для которых в опыте нигде не может быть дан соответствующий предмет, расширяют, как нам кажется, объем наших суждений за рамки всякого опыта

Именно к области этого рода знаний, которые выходят за пределы чувственно воспринимаемого мира, где опыт не может служить ни руководством, ни средством проверки, относятся исследования нашего разума, которые мы считаем по их важности гораздо более предпочтительными и по их конечной цели гораздо более возвышенными, чем все, чему рассудок может научиться в области явлений. Мы при этом скорее готовы пойти на что угодно, даже с риском заблудиться, чем отказаться от таких важных исследований из-за какого-то сомнения или пренебрежения и равнодушия к ним. Эти неизбежные проблемы самого чистого разума суть *бог, свобода и бессмертие*. А наука, конечная цель которой, с помощью всех своих средств добиться лишь решения этих проблем, называется *метафизикой*; ее метод вначале догматичен, т. е. она

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 2. – М. 1964. – С. 76-77, 206, 218, 248-254.

уверенно берется за решение [этой проблемы] без предварительной проверки способности или неспособности разума к такому великому начинанию...

Во всех суждениях, в которых мыслится отношение субъекта к предикату...это отношение может быть двояким. Или предикат *B* принадлежит субъекту *A* как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии *A*, или же *B* целиком находится вне понятия *A*, хотя и связано с ним. В первом случае я называю суждение *аналитическим*, а во втором – *синтетическим*. Следовательно, аналитические – это те (утвердительные) суждения, в которых связь предиката с субъектом мыслится через тождество, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими. Первые можно было бы назвать *поясняющими*, а вторые – *расширяющими* суждениями, так как первые через свой предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а только делят его путем расчленения на подчиненные ему понятия, которые уже мыслились в нем (хотя и смутно), между тем как синтетические суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нем и не мог бы быть извлечен из него никаким расчленением.¹

Все теоретические науки, основанные на разуме, содержат априорные синтетические суждения как принципы.

1. Все математические суждения синтетические.

2. Естествознание (*Physica*) включает в себе априорные синтетические суждения как принципы.

3. Метафизика, даже если и рассматривать ее как науку, которую до сих пор только пытались создать, хотя природа человеческого разума такова, что без метафизики и нельзя обойтись, должна заключать в себе априорные синтетические знания; ее задача состоит вовсе не в том, чтобы только расчленять и тем самым аналитически разъяснять понятия о вещах, а *priori* составляемые нами; в ней мы стремимся а *priori* расширять наши знания и должны для этого пользоваться такими основоположениями, которые присоединяют к данному понятию нечто не содержащееся еще в нем; при этом мы с помощью априорных синтетических суждений заходим так далеко, что сам опыт не может следовать за нами, как, например, в положении *мир должен иметь начало*, и т.п. Таким образом, метафизика, *по крайней мере по своей цели*, состоит исключительно из априорных синтетических положений.

Истинная...задача чистого разума заключается в следующем вопросе: **как возможны априорные синтетические суждения?**

Решение поставленной выше задачи включает в себе вместе с тем возможность чистого применения разума при создании и развитии всех наук, содержащих априорное теоретическое знание о предметах, т. е. ответ на

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М. 1965. – С. 105-106, 109, 111-112.

вопросы: Как возможна чистая математика? Как возможно чистое естествознание?

Так как эти науки действительно существуют, то естественно ставить вопрос, *как* они возможны: ведь их существование доказывает, что они должны быть возможны. Что же касается *метафизики*, то всякий вправе усомниться в ее возможности, так как она до сих пор плохо развивалась, и ни одна из предложенных до сих пор систем, если речь идет об их основной цели, не заслуживает того, чтобы ее признали действительно существующей.

А потому и относительно нее следует поставить вопрос: *как возможна метафизика в качестве природной склонности?* т. е. как из природы общечеловеческого разума возникают вопросы, которые чистый разум задает себе и на которые, побуждаемый собственной потребностью, он пытается, насколько может, дать ответ?

Но так как во всех прежних попытках ответить на эти естественные вопросы, например на вопрос, имеет ли мир начало, или он существует вечно и т.п., всегда имелись неизбежные противоречия, то нельзя только ссылаться на природную склонность к метафизике, т. е. на самую способность чистого разума, из которой, правда, всегда возникает какая-нибудь метафизика (какая бы она ни была), а следует найти возможность удостовериться в том, знаем ли мы или не знаем ее предметы, т. е. решить вопрос о предметах, составляющих проблематику метафизики, или о том, способен или не способен разум судить об этих предметах, стало быть, о возможности или расширить с достоверностью наш чистый разум, или поставить ему определенные и твердые границы. Этот последний вопрос, вытекающий из поставленной выше общей задачи, можно с полным основанием выразить следующим образом: *как возможна метафизика как наука?*¹

Каким бы образом и при помощи каких бы средств ни относилось познание к предметам, во всяком случае, *созерцание* есть именно тот способ, каким познание непосредственно относится к ним и к которому как к средству стремится всякое мышление. Созерцание имеет место, только если нам дается предмет; а это в свою очередь возможно, по крайней мере, для нас, людей, лишь благодаря тому, что предмет некоторым образом воздействует на нашу душу. Эта способность (восприимчивость) получать представления тем способом, каким предметы воздействуют на нас, называется *чувственностью*. Следовательно, посредством чувственности предметы нам *даются*, и только она доставляет нам созерцания, *мыслятся* же предметы рассудком, и из рассудка возникают *понятия*. Всякое мышление, однако, должно в конце концов прямо (*direct*) или косвенно (*indirecte*) через те или иные признаки иметь отношение к созерцаниям, стало быть, у нас – к чувственности, потому что ни один предмет не может быть нам дан иным способом...

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М. 1965. – С. 114-119.

Науку о всех априорных принципах чувственности я называю *трансцендентальной эстетикой*. Следовательно, должна существовать наука, составляющая первую часть трансцендентального учения о началах, в противоположность науке, содержащей принципы чистого мышления и называемой трансцендентальной логикой.

Итак, в трансцендентальной эстетике мы прежде всего *изолируем* чувственность, отвлекая все, что мыслит при этом рассудок посредством своих понятий, так чтобы *не* осталось ничего, кроме эмпирического созерцания. Затем мы отделим еще от этого созерцания все, что принадлежит к ощущению, так чтобы осталось только чистое созерцание и одна лишь форма явлений, единственное, что может быть нам дано чувственностью а priori. При этом исследовании обнаружится, что существуют две чистые формы чувственного созерцания как принципы априорного знания, а именно пространство и время, рассмотрением которых мы теперь и займемся.¹

Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания.

...Время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания (которое всегда имеет чувственный характер, т.е. поскольку мы подвергаемся воздействию предметов) и само по себе, вне субъекта, есть ничто.

...Всякое наше созерцание есть только представление о явлении... вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем, и...отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются, и если бы мы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не в себе. Каковы предметы в себе и обособленно от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно. Мы не знаем ничего, кроме свойственного нам способа воспринимать их... Мы имеем дело только с этим способом восприятия. Пространство и время суть чистые формы его, а ощущение вообще есть его материя. Пространство и время мы можем познавать только а priori, т. е. до всякого действительного восприятия, и потому они называются чистым созерцанием; ощущения же суть то в нашем познании, благодаря чему оно называется апостериорным познанием, т.е. эмпирическим созерцанием.²

Обычно мы отличаем в явлениях то, что по существу принадлежит созерцанию их и имеет силу для всякого человеческого чувства вообще, от того, что им принадлежит лишь случайно, так как имеет силу не для отношения к чувственности вообще, а только для особого положения или устройства того или другого чувства. О первом виде познания говорят, что

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М. 1965. – С. 127-129.

² Там же. – С. 133, 139, 144.

оно представляет предмет сам по себе, а о втором – что оно представляет только явление этого предмета. Однако это лишь эмпирическое различие. Если остановиться на этом (как это обыкновенно делают) и не признать (как это следовало бы сделать) эмпирическое созерцание опять-таки только явлением, так что в нем нет ничего относящегося к вещи в себе, то наше трансцендентальное различие утрачивается и мы начинаем воображать, будто познаем вещи в себе, хотя в чувственно воспринимаемом мире мы везде, даже при глубочайшем исследовании его предметов, имеем дело только с явлениями...

Все, что в нашем познании принадлежит к созерцанию (следовательно, исключая чувства удовольствия и неудовольствия, а также волю, которые вовсе не познания), содержит одни лишь отношения, а именно отношения места в созерцании (протяжение), отношения перемены места (движение) и законы, по которым определяется эта перемена (движущие силы). Но то, что находится в данном месте, или то, что действует в самих вещах, кроме перемены места, этим не дано. Между тем вещь сама по себе не познается из одних только отношений. Отсюда следует, что, так как внешнее чувство дает нам лишь представления об отношении, оно может содержать в своих представлениях только отношение предмета к субъекту, а не то внутреннее, что объекту принадлежит самому по себе. С внутренним созерцанием дело обстоит точно так же...

Мы имеем здесь один из необходимых моментов для решения общей задачи трансцендентальной философии – *как возможны априорные синтетические положения*, а именно мы нашли чистые априорные созерцания – пространство и время. В них, если мы хотим в априорном суждении выйти за пределы данного понятия, мы находим то, что может быть а priori обнаружено не в понятии, а в соответствующем ему созерцании и может быть синтетически связано с понятием. Но именно поэтому такие суждения никогда не выходят за пределы предметов чувств и сохраняют свою силу только для объектов возможного опыта.¹

Наше знание возникает из двух основных источников души: первый из них есть способность получать представления (восприимчивость к впечатлениям), а второй – способность познавать через эти представления предмет (спонтанность понятий). Посредством первой способности предмет нам *дается*, а посредством второй он *мыслится* в отношении к представлению (как одно лишь определение души). Следовательно, созерцания и понятия суть начала всякого нашего познания, так что ни понятия без соответствующего им некоторым образом созерцания, ни созерцания без понятий не могут дать знание. Созерцание и понятие бывают или чистыми, или эмпирическими. *Эмпирическими* – когда в них содержится ощущение (которое предполагает действительное присутствие предмета); *чистыми* же – когда к представлению не примешиваются никакие ощущения.

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М. 1965. – С. 146, 149, 152.

Ощущения можно назвать материей чувственного знания. **Вот почему чистое созерцание включает в себе только форму, при которой что-то созерцается, а чистое понятие – только форму мышления о предмете вообще. Только чистые созерцания или чистые понятия могут быть априорными, эмпирические же могут быть только апостериорными.**

Восприимчивость нашей души, т. е. способность ее получать представления, поскольку она каким-то образом подвергается воздействию, мы будем называть *чувственностью*; рассудок же есть способность самостоятельно производить представления, т. е. *спонтанность* познания. Наша природа такова, что **созерцания могут быть** только чувственными, т. е. содержат в себе лишь способ, каким предметы воздействуют на нас. Способность же *мыслить* предмет чувственного созерцания есть *рассудок*. Ни одну из этих способностей нельзя предпочесть другой. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы. Поэтому в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными (т.е. присоединять к ним в созерцании предмет), а свои созерцания постигать рассудком (*verstandlich zu machen*) (т. е. подводить **их** под понятия). Эти две способности не могут выполнять функции друг друга. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание. Однако это не дает нам права смешивать долю участия каждого из них; есть все основания тщательно обособлять и отличать одну от другой. Поэтому мы отличаем эстетику, т. е. науку о правилах чувственности вообще, от логики, т.е. науки о правилах рассудка вообще.¹

Критический период Трансцендентальная логика

В трансцендентальной логике мы обособляем рассудок (как в трансцендентальной эстетике – чувственность) и выделяем из области наших знаний только ту часть мышления, которая имеет свой источник только в рассудке. Однако условием применения этого чистого знания служит то, что предметы нам даны в созерцании, к которому это знание может быть приложено. В самом деле, без созерцания всякое наше знание лишено объектов и остается в таком случае совершенно пустым. Поэтому часть трансцендентальной логики, излагающая начала чистого рассудочного знания, и принципы, без которых нельзя мыслить ни один предмет, есть трансцендентальная аналитика и вместе с тем логика истины. В самом деле, никакое знание не может противоречить ей, не утрачивая вместе с тем всякого содержания, т. е. всякого отношения к какому бы то было объекту, стало быть, всякой истины. Но так как окажется очень заманчивым и соблазнительным пользоваться одними этими чистыми рассудочными знаниями и основоположениями, выходя даже за пределы опыта, хотя только

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М. 1965. – С. 154-155.

опыт дает нам материю (объекты), к которой можно применить чистые рассудочные понятия, то рассудок рискует посредством пустых умствований применять формальные принципы чистого рассудка как материал и судить без различия о предметах, которые нам не даны и даже, может быть, никаким образом не могут быть даны. Следовательно, так как трансцендентальная аналитика должна быть, собственно, только канонem оценки эмпирического применения [рассудка], то ею злоупотребляют, если ее считают органом всеобщего и неограниченного применения [рассудка] и отваживаются с помощью одного лишь чистого рассудка синтетически судить, утверждать и выносить решения о предметах вообще. В таком случае применение чистого рассудка становится диалектическим. Таким образом, вторая часть трансцендентальной логики должна быть критикой этой диалектической видимости и называется трансцендентальной диалектикой не как искусство догматически создавать такую видимость (к сожалению, очень ходкое искусство разнообразного метафизического фиглярства), а как критика рассудка и разума в сверхфизическом применении разума, имеющая целью вскрыть ложный блеск его беспочвенных притязаний и низвести его претензии на изобретение и расширение [знаний], чего он надеется достигнуть исключительно с помощью трансцендентальных основоположений, на степень простой оценки чистого рассудка и предостережения его от софистического обмана...

Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не *можем познать* ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям. Но все наши созерцания чувственны, и это знание, поскольку предмет его дан, имеет эмпирический характер. А эмпирическое знание есть опыт. Следовательно, *для нас возможно априорное познание только предметов возможного опыта.*¹

«КРИТИКА ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА»

§ 7. ОСНОВНОЙ ЗАКОН ЧИСТОГО ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА

Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства.

[ПОЗНАВАЕМОСТЬ ЗАКОНА ЧИСТОГО УМОПОСТИГАЕМОГО МИРА]

Моральный...закон дает нам хотя и не *надежду*, но факт, безусловно необъяснимый из каких бы то ни было данных чувственно воспринимаемого мира и из всей сферы применения нашего теоретического разума; этот факт указывает нам на чистый умопостигаемый мир, более того, *положительно определяет* этот мир и позволяет нам нечто познать о нем, а именно некий закон.

Этот закон должен дать чувственно воспринимаемому миру как *чувственной природе* (что касается разумных существ) форму

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. – М. 1965. – С. 162-163, 214.

умопостигаемого мира, т. е. *сверхчувственной природы*, не нанося ущерба механизму чувственно воспринимаемого мира.

[СВЕРХЧУВСТВЕННАЯ ПРИРОДА ПОДЧИНЕНА АВТОНОМИИ ЧИСТОГО ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА]

...Сверхчувственная природа, насколько мы можем составить себе понятие о ней, есть не что иное, как *природа, подчиненная автономии чистого практического разума*. А закон этой автономии есть моральный закон, который, следовательно, есть основной закон сверхчувственной природы и чистого умопостигаемого мира, подобие которого должно существовать в чувственно воспринимаемом мире, но так, чтобы в то же время не наносить ущерба законам этого мира.

[ОБЪЕКТИВНОСТЬ МОРАЛЬНОГО ЗАКОНА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДОКАЗАНА, И ВСЕ ЖЕ ОНА НЕСОМНЕННА]

Объективная реальность морального закона не может быть доказана никакой дедукцией и никакими усилиями теоретического, спекулятивного или эмпирически-поддерживаемого разума; следовательно, если хотят отказаться и от аподиктической достоверности, эта реальность не может быть подтверждена опытом, значит, не может быть доказана *a posteriori*, и все же она сама по себе несомненна.

[АПРИОРНЫМ ОСНОВАНИЕМ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ФОРМАЛЬНЫЙ ЗАКОН]

...Только формальный закон, т. е. не предписывающий разуму ничего, кроме формы его всеобщего законодательства в качестве высшего условия максим, может быть *a priori* определяющим основанием практического разума.

[ЛЕГАЛЬНОСТЬ И МОРАЛЬНОСТЬ]

...Понятие долга *объективно* требует в поступке соответствия с законом в максиме поступка, а субъективно – уважения к закону как единственного способа определения воли этим законом. На этом основывается различие между сознанием поступать *сообразно с долгом* и сознанием поступать *из чувства долга*, т. е. из уважения к закону; причем первое (легальность) было бы возможно и в том случае, если бы определяющими основаниями воли были одни только склонности, а второе – (*моральность*), – моральную ценность должно усматривать только в том, что поступок совершают из чувства долг, т.е. только ради закона.

[ДОЛГ И ЛИЧНОСТЬ]

Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю, и не угрожаешь те, то внушало бы соответственное отвращение в душе и

пугало бы. Ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу и даже против воли может снискать уважение к себе (хотя и не всегда исполнение). Перед тобой замолкают все склонности, хотя бы они тебе втайне и противодействовали, – где же твой достойный тебя источник и где корни твоего благородного происхождения, гордо отвергающего всякое родство со склонностями, и откуда возникают необходимые условия того достоинства, которое только люди могут дать себе?

Это может быть только то, что возвышает человека над самим собой (как частью чувственно воспринимаемого мира), что связывает его с порядком вещей, единственно который рассудок может мыслить и которому вместе с тем подчинен весь чувственно воспринимаемый мир, а с ним эмпирически определяемое существование человека во времени и совокупность всех целей (что может соответствовать только такому безусловному практическому закону, как моральный). Это не что иное, как *личность*, т. е. свобода и независимость от механизма всей природы, рассматриваемая вместе с тем как способность существа, которое подчинено особым, а именно данным собственным разумом чистым практическим законам; следовательно, лицо как принадлежащее чувственно воспринимаемому миру подчинено собственной личности, поскольку оно принадлежит и к умопостигаемому миру; поэтому не следует удивляться, если человек как принадлежащий к обоим мирам должен смотреть на собственное существо по отношению к своему второму и высшему назначению только с почтением, а на законы его – с величайшим уважением.

[ИДЕЯ ЛИЧНОСТИ]

Моральный закон *свят* (ненарушим). Человек, правд, так уж свят, но *человечество* в его лице должно быть для него святым. Во всем сотворенном все что угодно и для чего угодно может быть употреблено *всего лишь как средство*; только человек, а с ним каждое разумное существо есть *цель сама по себе*. Именно он субъект морального закона, который свят в силу автономии своей свободы. Именно поэтому каждая воля, даже собственная воля каждого лица, направленная на него самого, ограничена условием ее с *автономией* разумного существа, а именно не подчинишься никакой цели, которая была бы невозможна по закону, какой мог бы возникнуть из воли самого подвергающегося действию субъекта. Следовательно, обращай с этим субъектом следует не только как со средством, но и как с целью. Это условие мы справедливо приписываем даже божественной воле по отношению к разумным существам в мире как его творениям, так как оно основывается на *личности* их, единственно из-за которой они и суть цели сами по себе.

Эта внушающая уважение идея личности, показывающая нам возвышенный характер нашей природы (по ее назначению), позволяет нам вместе с тем замечать отсутствие соразмерности нашего поведения с этой идеей и тем самым сокрушает самомнение; она естественна и легко понятна

даже самому обыденному человеческому разуму. Не замечал ли иногда каждый даже умеренно честный человек, что он отказывался от вообще-то невинной лжи, благодаря которой он мог бы или сам выпутаться из трудного положения, или же принести пользу любимому и весьма достойному другу, только для того, чтобы не стать презренным в своих собственных глазах? Не поддерживает ли честного человека в огромном несчастье, которого он мог бы избежать, если бы только мог пренебречь своим долгом, сознание того, что в своем лице он сохранил достоинство человечества и оказал ему честь и что у него нет основания стыдиться себя и бояться внутреннего взора самоиспытания? Это утешение не счастье и даже не малейшая доля его. Действительно, никто не станет желать, чтобы представился случай для этого или чтобы жить при таких обстоятельствах. Но человек живет и не хочет стать в собственных глазах недостойным жизни. Следовательно, это внутреннее успокоение лишь негативное отношение всего, что жизнь может сделать приятным; и именно оно удерживает человека от опасности потерять свое собственное достоинство, после того как он совсем отказался от достоинства своего положения. Оно результат уважения не к жизни, а к чему-то совершенно другому, сравнении и сопоставлении с чем жизнь со всеми ее удовольствиями не имеет никакого значения. Человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни.

[ЧИСТЫЙ МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН – ВОЗВЫШЕННОСТЬ НАШЕГО СВЕРХЧУВСТВЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ]

Таков истинный мотив чистого практического разума. Он не что иное, как сам чистый моральный закон, поскольку он позволяет нам ощущать возвышенный характер нашего собственного сверхчувственного существования, и поскольку он в людях, сознающих также и свое чувственное существование и связанную с этим зависимость от их природы, на которую в этом отношении оказывается сильное патологическое воздействие, субъективно внушает уважение к их высшему назначению.

[ЕСТЕСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИСУЩА ТОЛЬКО ЯВЛЕНИЮ, СВОБОДА ПРИСУЩА ВЕЩИ В СЕБЕ]

Если...хотят приписывать свободу существу, чье существование определено во времени, то по крайней мере в этом отношении нельзя исключать его существование, т.е. быть и его поступки, из закона естественной необходимости всех событий; это было бы равносильно предоставлению его слепой случайности. А так как этот закон неизбежно касается всякой причинности вещей, поскольку их *существование* определено *во времени*, то если бы оно было тем способом, каким следовало бы представлять себе и *существование этих вещей в себе*, свободу следовало бы отбросить как никчемное и невозможное понятие. Следовательно, если хотят спасти ее, то не остается ничего другого, как приписывать существование вещи, поскольку оно определено во времени, значит, и

причинность по закону *естественной необходимости* только явлению, а свободу – *тому же самому существу как вещи в себе*.

[ЕСЛИ БЫ ПОСТУПКИ БЫЛИ ЧЕРЕЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВО ВРЕМЕНИ
ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ЧЕЛОВЕКА КАК ВЕЩИ САМОЙ ПО СЕБЕ,
СПАСТИ СВОБОДУ БЫЛО БЫ НЕЛЬЗЯ]

...Если бы поступки человека, поскольку они принадлежат к его определениям во времени, были определениями человека не как явления, а как вещи самой по себе, то свободу нельзя было бы спасти. Человек был бы марионеткой или автоматом Вокансона, сделанным и заведенным высшим мастером всех искусных произведений. И хотя самосознание делало бы его мыслящим автоматом, но сознание этой спонтанности в нем, если считать ее свободой, было бы лишь обманом, так как она может быть названа так только относительно, ибо хотя ближайшие причины, определяющие его движения, и длинный ряд этих причин, восходящих к своим определяющим причинам, внутренние, но последняя и высшая причина находится целиком в чужой власти.

Если надо помочь науке, то следует *вскрывать* трудности и даже *искать* те, которые тайно ей мешают, ведь каждая из них вызывает к жизни средства, которые нельзя найти, не добиваясь приращения науки в объеме или в определенности, так что даже препятствия становятся средством, содействующим основательности науки. Если же трудности скрываются сознательно или устраняются только паллиативными средствами, то рано или поздно они превратятся в неизлечимый недуг, который разрушает науку, свержая ее в полный скептицизм.

[РЕАЛЬНОСТЬ ОБЪЕКТАМ ИДЕЙ ДАЕТ
ЧИСТЫЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗУМ]

Для всякого применения разума к тому или другому предмету требуются чистые рассудочные понятия (*категории*), без которых нельзя мыслить ни один предмет. Эти понятия могут быть использованы для теоретического применения разума, т. е. для такого рода познания, лишь в том случае, если под них подведено также созерцание (которое всегда чувственно), и, следовательно, только для того, чтобы посредством них представлять объект возможного опыта. Но здесь именно идеи разума, которые не могут быть даны в опыте, должно мыслить посредством категорий, чтобы познать этот объект. Однако дело идет здесь не о теоретическом познании этих идей, а только о том, что они вообще имеют объекты. Эту реальность дает чистый практический разум, и теоретическому разуму ничего не остается при этом, как только мыслить эти объекты посредством категорий, что, как мы уже ясно доказал, вполне возможно и без созерцания (чувственного или сверхчувственного), так как категории имеют свое мести происхождение в чистом рассудке исключительно как

способности мыслить независимо и до всякого созерцания всегда обозначают лишь объект вообще, каким бы способом он ни был нам дан.¹

Гегель Георг Вильгельм (1770 – 1831) – создатель системы абсолютного идеализма и диалектической логики – метода разумного постижения мира, которое, не отвергая результаты рассудочного – обыденного и частно-научного – познания мира, выходит за их пределы, дает возможность взглянуть на мир с точки зрения вечности. Основные работы: «Феноменология духа» (1807), «Наука логики» (1812-1816), «Энциклопедия философских наук» (1817), «Философия права» (1821), «Лекции по истории философии» (1833–1836), «Лекции по эстетике» (1835-1838), «Философия природы» (1817), «Философия истории» (1821).

Философия как наука

Философия лишена того преимущества, которым обладают другие науки. Она не может исходить из предпосылки, что ее *предметы* непосредственно признаны представлением и что ее *метод* познания *заранее определен* в отношении исходного пункта и дальнейшего развития. Правда, она изучает те же предметы, что и религия. Философия и религия имеют своим предметом *истину*, и именно истину в высшем смысле этого слова, – в том смысле, что *бог*, и *только он один*, есть истина. Далее, обе занимаются областью конечного, *природой* и *человеческим духом*, и их отношением друг к другу и к богу как к их истине. Философия может, следовательно, предполагать знакомство с ее предметами, и она даже должна предполагать его, так же как и интерес к ее предметам, хотя бы потому, что сознание составляет себе *представления* о предметах раньше, чем *понятия* о них, и, только проходя через представления и обращая на них свою деятельность, *мыслящий дух* возвышается к мыслящему познанию и постижению посредством понятий.

Но когда приступают к мыслящему рассмотрению предметов, то вскоре обнаруживается, что оно содержит в себе требование показать *необходимость* своего содержания и *доказать* как самое бытие, так и определение своих предметов. Таким образом, оказывается, что первоначального знакомства с этими предметами, даваемого представлениями, недостаточно и что бездоказательные *предположения* или *утверждения* недопустимы. Вместе с этим, однако, обнаруживается затруднение, которое состоит в том, что философия должна ведь с чего-то *начать*, между тем всякое начало как *непосредственное* составляет свою предпосылку, вернее, само есть такая предпосылка.

Философию можно предварительно определить вообще как *мыслящее рассмотрение* предметов. Если верно, а это, конечно, верно, что человек отличается от животных мышлением, то все человеческое таково только

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. – М. 1967. – С. 329, 347, 362-363, 367, 387, 407, 413-416, 423-424, 430, 433, 470-471.

потому, что оно произведено мышлением. Так как, однако, философия есть особый способ мышления, такой способ мышления, благодаря которому оно становится познанием, и при этом познанием в понятиях, то философское мышление отлучается, далее, от того мышления, которое деятельно во всем человеческом и сообщает всему человеческому его человечность, будучи в то же время тождественно с ним, так как *в себе* существует только одно мышление. Это различие связано с тем, что содержание человеческого сознания, имеющее своим основанием мышление, *вы ступает* сначала не в *форме мысли*, а в форме чувства, созерцания, представления – в формах, которые должно отличать от мышления как *формы*.

Но одно дело – иметь *определяемые* и *проникнутые мышлением* чувства и представления, и другое – иметь мысли о *таких чувствах* и *представлениях*. Порожденные *размышлением* мысли об этих способах сознания составляют рефлексию, рассуждение и т. п., а также и философию...

Содержание, наполняющее наше сознание, какого бы рода оно ни было, составляет определенность чувств, созерцаний, образов, представлений, целей, обязанностей и т. д., а также мыслей и понятий. Чувство, созерцание, образ и т. д. Являются, поэтому, *формами* такого содержания, которое остается тем *же самым*, будет ли оно чувствуемо, созерцаемо, представляемо или желаемо, будет ли оно *только* чувствуемо без примеси мысли, или чувствуемо, созерцаемо и т. д. с примесью мыслей, или, наконец, *только* мыслимо. В любой из этих форм или в смешении нескольких таких форм содержание составляет *предмет* сознания. Но когда содержание делается предметом сознания, *особенности этих форм проникают* также и в *содержание*, так что соответственно каждой из них возникает, по-видимому, особый предмет, и то, что в себе есть одно и то же, может быть рассмотрено как различное содержание...

В нашем обычном сознании мысли соединены с привычным чувственным и духовным материалом; в размышлении, рефлексии и рассуждении *мы примешиваем* мысли к чувствам, созерцаниям, представлениям (в каждом предложении, хотя бы его содержание и было совершенно чувственно, уже имеются налицо категории; так, например, в предложении «Этот лист – зеленый» присутствуют категории *бытия, единичности*). Но совершенно другое – делать предметом сами мысли, без примеси других элементов. Другой причиной непонятности философии является нетерпеливое желание иметь перед собой в форме представления то, что имеется в сознании как мысль и понятие. Часто мы встречаем выражение: неизвестно, что нужно *мыслить* под понятием; но при этом не нужно мыслить ничего другого, кроме самого понятия. Смысл данного выражения состоит, однако, в тоске по уже *знакомому, привычному представлению*: у сознания имеется такое ощущение, как будто вместе с формой представления у него отняли почву, на которой оно раньше твердо и уверенно стояло; перенесенное в чистую область понятий сознание не знает, *в каком* мире оно живет. *Наиболее понятными* находят поэтому писателей, проповедников,

ораторов и т. д., излагающих своим читателям или слушателям вещи, которые последние наперед знают наизусть, которые им привычны и *сами собой понятны*...

...Философия должна прежде всего доказать нашему обыденному сознанию, что существует потребность в *собственно философском способе познания* или даже должна пробудить такую потребность. Но по отношению к предметам религии, по отношению к истине вообще она должна показать, что она сама *способна* их познать. По отношению же к обнаруживающемуся отличию ее от *религиозных* представлений она должна оправдать свои, отличные от последних определения...

...Для предварительного пояснения вышеуказанного различия и связанного с последним положения, что истинное *содержание* нашего сознания при превращении его в форму мысли и понятия *сохраняется* и даже, собственно говоря, впервые выявляется в своем настоящем свете, — для такого предварительного пояснения можно напомнить читателю о другом *давнем убеждении*, гласящем, что для познания *истинного* в предметах и событиях, а также в чувствах, созерцаниях, мнениях, представлениях и т. п. *обуется размышление*. Но размышление всегда превращает чувства, представления и т. п. в *мысли*. *Примечание*. Так как именно мышление является собственно философской *формой* деятельности, а всякий человек от природы способен мыслить, то, поскольку упускается различие между понятиями и представлениями, происходит как раз противоположное тому, что, как мы упомянули выше, часто составляет предмет жалоб на *непонятность* философии. Эта наука часто испытывает на себе такое пренебрежительное отношение, что даже те, которые не занимались ею, воображают, что без всякого изучения они *понимают*, как обстоит дело с философией, и что, получив обыкновенное образование и опираясь в особенности на религиозное чувство, они могут походить философствовать и судить о философии. Относительно других наук считается, что требуется изучение для того, чтобы знать их, и что лишь такое знание дает право судить о них. Соглашаются также, что для того, чтобы изготовить башмак, нужно изучить сапожное дело и упражняться в нем, хотя каждый человек имеет в своей ноге мерку для этого, имеет руки и благодаря им требуемую для данного дела природную ловкость. Только для философствования не требуется такого рода изучения и труда. Это удобное мнение в новейшее время утвердилось благодаря учению о непосредственном знании — знании посредством созерцания...

С другой стороны, столь же важно, чтобы философия уразумела, что ее содержание есть не что иное, как то содержание, которое первоначально порождено и ныне еще порождается в области живого духа, образуя мир, внешний и внутренний мир сознания, иначе говоря, что ее содержанием *служит действительность*. Ближайшее сознание этого содержания мы называем опытом. Вдумчивое рассмотрение мира уже различает между тем, что в обширном царстве внешнего и внутреннего наличного бытия

представляет собой лишь преходящее и незначительное, лишь *явление*, и тем, что в себе поистине заслуживает название *действительности*. Так как философия лишь по форме отличается от других видов осознания этого содержания, то необходимо, чтобы она согласовалась с действительностью и опытом. Можно даже рассматривать эту согласованность по меньшей мере в качестве внешнего пробного камня истинности философского учения, тогда как высшей конечной целью науки является порожаемое знанием этой согласованности примирение самосознательного разума с сущим разумом, с действительностью. *Примечание.* В *предисловии* к моей «*Философии права*» имеются следующие положения: *Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно.*

Эти простые положения многим показались странными и подверглись нападкам даже со стороны тех, кто считает бесспорной свою осведомленность в философии и, уж само собой разумеется, также в религии...

В повседневной жизни называют *действительностью* всякую причуду, заблуждение, зло и тому подобное, равно как и всякое существование, как бы оно ни было превратно и преходяще. Но человек, обладающий хотя бы обыденным чувством языка, не согласится с тем, что случайное существование заслуживает громкого названия действительного; случайное есть существование, обладающее не большей ценностью, чем *возможное*, которое одинаково могло бы и быть и *не быть*.

Когда я говорил о действительности, то в обязанность критиков входило подумать, в каком смысле я употребляю это выражение, так как в подробно написанной «*Логике*» я рассматриваю также и действительность и отличаю ее не только от случайного, которое ведь тоже обладает существованием, но также и от наличного бытия, существования и других определений.

Против *действительности разумного* восстает уже то представление, что идеи, идеалы суть только химеры и что философия есть система таких пустых вымыслов; против него равным образом восстает обратное представление, что идеи и идеалы суть нечто слишком высокое для того, чтобы обладать действительностью, или же нечто слишком слабое для того, чтобы добыть себе таковую. Но охотнее всего отделяет действительность от идеи рассудок, который принимает грезы своих абстракций за нечто истинное и гордится *долженствованием*, которое он особенно охотно предписывает также и в области политики, как будто мир только и ждал его, чтобы узнать, каким он должен быть, но каким он не является; ибо, если бы мир был таким, каким он *должен* быть, то куда делось бы обветшалое умствование выдвигаемого рассудком *долженствования*? Когда рассудок направляется со своим *долженствованием* против тривиальных внешних и преходящих предметов, учреждений, состояний и т. д., которые, пожалуй, и могут иметь относительно большое значение, но лишь для определенного времени и для известных кругов, то он может оказаться правым и обнаружить в этих

предметах много такого, что не согласуется со всеобщими истинными определениями; у кого не хватит ума, чтобы заметить вокруг себя много такого, что на деле не таково, каким оно должно быть?

Но эта мудрость не права, воображая, что, занимаясь такими предметами и их долженствованием, она находится в сфере интересов философской науки. Последняя занимается лишь идеей, которая не столь бессильна, чтобы только долженствовать, а не действительно быть, – занимается, следовательно, такой действительностью, в которой эти предметы, учреждения, состояния и т. д. образуют лишь поверхностную, внешнюю сторону...

Так как *размышление* прежде всего содержит в себе вообще принцип (мы употребляем здесь это слово также и в смысле начала) философии и снова расцвело в своей *самостоятельности* в новое время (после лютеровской Реформации), причем с самого начала не остановилось, как некогда первые философские попытки греков, на абстракциях, а набросилось также на кажущийся неизмеримым материал мира явлений, то *философией* стали называть всякое знание, предметом которого является познание устойчивой меры и *всеобщего* в море эмпирических единичностей, изучение *необходимости*, закона в кажущемся беспорядке бесконечного множества случайностей, следовательно, знание, которое черпает вместе с тем свое *содержание* в *собственном* созерцании и восприятии внешнего и внутреннего, в *предлежащей* природе, равно как и в *предлежащем* духе, и в человеческом сердце. *Примечание.* Принцип *опыта* содержит в себе то бесконечно важное положение, что для принятия и признания какого-либо содержания требуется, чтобы человек сам *участвовал в этом*, или, говоря более определенно, требуется, чтобы он находил такое содержание согласующимся и соединенным с его *собственной уверенностью в себе*; он должен сам принимать и признавать содержание опыта либо только своими внешними чувствами, либо также и своим глубочайшим духом, своим сущностным самосознанием.

Это тот самый принцип, который получил в настоящее время название веры, непосредственного знания, внешнего и в особенности *собственного* внутреннего откровения.

Те науки, которые, таким образом, получили название *философии*, согласно вышеуказанному принципу, мы по их исходному пункту называем *эмпирическими* науками. Важно то, что их существенной целью и результатом являются законы, *всеобщие положения, теории, мысли о существующем*. Так, например...даже в прейскурантах изготовителей инструментов те из инструментов, которые не вносятся в особую рубрику магнетических или электрических аппаратов, – термометры, барометры и т.д. – называются *философскими инструментами*. Мы должны, конечно, заметить по этому поводу, что не соединение дерева, железа и т.д., а единственно лишь *мышление* должно называться инструментом философии.

Как ни удовлетворительно это познание в своей области, все же оказывается, *во-первых*, что существует еще другой *круг предметов*, которые не входят в его область, – *свобода, дух, бог*. Их нельзя найти на почве этого познания не потому, что они не принадлежат области опыта (они, правда, не воспринимаются в чувственном опыте, но все, что вообще находится в сознании, – это даже тавтологическое положение – воспринимается в опыте), но потому, что эти предметы по своему *содержанию* сразу выступают как бесконечные.

Формы знания

Субъективный разум требует дальнейшего удовлетворения *относительно формы* знания; эта форма есть *необходимость* вообще. Однако, с одной стороны, в опытном познании содержащееся в нем *всеобщее*, род и т. п. носит характер чего-то самого по себе неопределенного, самого по себе не связанного с особенным, напротив, всеобщее и особенное внешни и случайны по отношению друг к другу; точно так же связанные друг с другом особенные предметы, взятые для себя, выступают как внешние друг другу и случайные. С другой стороны, это познание всегда начинается с *непосредственного, преднайденного, с предпосылок*. В обоих отношениях здесь не находит своего удовлетворения форма необходимости. Размышление, поскольку оно направлено на то, чтобы удовлетворить эту потребность, есть философское мышление в собственном значении этого слова, *спекулятивное* мышление. В качестве размышления, которое хотя и имеет *общее* с размышлением первого рода, но одновременно отлично от него, оно кроме общих им обоим форм имеет также *формы, свойственные ему одному*, которые все сводятся к форме *понятия*. *Примечание.* Отсюда видно отношение спекулятивной науки к другим наукам. Она не отбрасывает в сторону эмпирического содержания последних, а признает его, пользуется им и делает его своим собственным содержанием, она также признает всеобщее в этих науках, законы, роды и т. д., но она вводит в эти категории другие категории и удерживает их. Различие, таким образом, состоит лишь в этом изменении категорий. Спекулятивная логика содержит в себе предшествующую логику и метафизику, сохраняет те же самые формы мысли, законы и предметы, но вместе с тем развивает их дальше и преобразовывает их с помощью новых категорий.

Нужно различать между *понятием* в спекулятивном смысле и тем, что обычно называют понятием. Тысячи и тысячи раз повторявшееся и превратившееся в предрассудок утверждение, что бесконечное не может быть постигнуто посредством понятия, имеет в виду понятие в последнем, одностороннем смысле...

Это философское мышление само нуждается в том, чтобы была понята его необходимость и оправдана его способность познавать абсолютные предметы. Но такое понимание и оправдание есть само по себе философское познание и поэтому может иметь место лишь *внутри* философии.

Предварительное объяснение, следовательно, было бы не философским и не могло бы быть ничем иным, как рядом предпосылок, заверений и рассуждений, т. е. случайных утверждений, которым с тем же правом и одинаково бездоказательно можно было бы противопоставить противоположные положения. *Примечание.* Одно из основных положений критической философии состоит в том, что, прежде чем приступить к познанию бога, сущности вещей и т. д., должно подвергнуть исследованию саму *способность познания*, чтобы убедиться, может ли она нам дать познание этих предметов, следует-де познакомиться с *инструментом* раньше, чем предпринимать работу, которая должна быть выполнена посредством него. Если этот инструмент неудовлетворителен, то будет напрасен потраченный труд. Эта мысль казалась такой *убедительной*, что вызвала величайшее восхищение и всеобщее согласие, так что познание, отвлекшись от своего интереса к предметам и перестав заниматься ими, обратилось к самому себе, к формальной стороне. Если, однако, не обманывать себя словами, то легко увидеть, что, в то время как другие инструменты могут быть исследованы и оценены иным способом, чем посредством выполнения той работы, для которой они предназначены, исследование познания возможно только в *процессе познания* и рассмотреть так называемый инструмент знания значит не что иное, как познать его. Но желание познавать прежде, чем приступить к познанию, так же несуразно, как мудрое намерение того схоластика, который хотел научиться *плавать прежде, чем броситься в воду*.

Культурная потребность в философии

Потребность в философии можно ближе определить следующим образом: дух, который в качестве чувствующего и созерцающего имеет своим предметом чувственное, в качестве обладающего воображением – образы, в качестве воли – цели и т. д., в *противоположность этим формам* своего наличного бытия и своих предметов или просто *в отличие* от них удовлетворяет также свою высшую внутреннюю *сущность, мышление* и делает последнее своим предметом. Таким образом, он приходит к *самому себе* в глубочайшем смысле этого слова, ибо его принцип, его чистую, лишенную примесей *самость* составляет мышление. Но, делая это свое дело, мышление запутывается в противоречиях, т. е. теряет себя в постоянной нетождественности мысли и, таким образом, не доходит до самого себя, а, наоборот, остается в плену у своей противоположности. Высшая потребность духа обращается против этого результата мышления, остающегося лишь рассудочным, и эта высшая потребность основана на том, что мышление не отрекается от себя, а остается верным себе так же и в этой сознательной утрате своего у-себя-бытия, *«дабы превозмочь и победить»*, в самом себе осуществляет разрешение своих собственных противоречий. *Примечание.* Уразумение того, что диалектика составляет природу самого мышления, что в качестве рассудка оно должно впадать в отрицание самого себя, в

противоречие, уразумение этого составляет одну из главных сторон логики. Мышление, потеряв надежду *своими собственными силами* разрешить противоречие, в которое оно само себя поставило, возвращается к тем разрешениям и успокоениям, которые дух получил в других своих формах...

Возникшая из вышеуказанной потребности философия имеет своим *исходным пунктом опыт*, непосредственное и рассуждающее сознание. Возбужденное опытом как раздражителем, мышление ведет себя в дальнейшем так, что *поднимается* выше естественного, чувственного и рассуждающего сознания в свою собственную, чистую, лишенную примесей стихию и ставит себя, таким образом, сначала в отстраненное, *отрицательное отношение* к этому своему исходному пункту. Оно сначала находит свое удовлетворение в себе, в идее *всеобщей* сущности этих явлений; эта идея (абсолют, бог) может быть более или менее абстрактной. Опытные науки со своей стороны, далее, служат стимулом к преодолению той *формы*, в которой богатство их содержания предлагается в качестве лишь непосредственного и преднайденного, *рядоположного друг другу* и, значит, вообще случайного многообразия, и к возведению этого содержания в необходимость. Этот стимул вырывает мышление из указанной всеобщности и лишь β себе испытываемого удовлетворения и принуждает его к развитию *из самого себя*. Последнее есть, с одной стороны, лишь воспринимание содержания и предлагаемых им определений, с другой стороны, оно одновременно сообщает этому содержанию форму свободного развития изначального (*ursprünglichen*) мышления, определяемого лишь необходимостью самого предмета.

...Философия своим *развитием* обязана опыту. Эмпирические науки, с одной стороны, не останавливаются на наблюдении *единичных* явлений, а, двигаясь навстречу философии, с помощью мысли обрабатывают материал: отыскивая всеобщие определения, роды и законы, они готовят, таким образом, содержание особенного к тому, чтобы оно могло быть включено в философию. С другой стороны, они понуждают само мышление перейти к этим конкретным определениям. Воспринимая содержание эмпирических наук и снимая свойственную ему форму непосредственности и данности, мышление есть вместе с тем *развитие* мышления из самого себя. Философия, обязанная, таким образом, своим развитием эмпирическим наукам, сообщает их содержанию существеннейшую форму *свободы* мышления (*априорную* форму) и *достоверности, основанной на знании необходимости*, которую она ставит на место убедительности преднайденного и опытных фактов, с тем, чтобы факт превратился в изображение и иллюстрацию первоначальной и совершенно самостоятельной деятельности мышления.

Философия и история философии

История философии показывает, во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь *одну* философию на различных ступенях ее развития; во-вторых, что *особые принципы*, каждый

из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь *ответвления* одного и того же целого. Последнее по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их; поэтому оно, если только оно является философским учением, есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное. *Примечание.* Из-за этой видимости существования многочисленных различных: философий необходимо отличать *всеобщее* от *особенного* в их собственных определениях. Взятое формально и *наряду* с особенным, всеобщее само также превращается в некое особенное; неуместность и несуразность такого отношения в применении к предметам обиходной жизни сами собой бросились бы в глаза, как если бы, например, кто-либо требовал себе фруктов и отказывался бы в то же время от вишен, груш, винограда, потому что они вишни, груши, виноград, а *не* фрукты. Но когда речь идет о философии, то пренебрежительное отношение к ней оправдывается тем, что существуют различные философские учения и каждое из них есть лишь одна из философий, а не философия *вообще*, как будто бы вишни не являются также и фруктами. Бывает и так, что философское учение, принципом которого является всеобщее, ставится *в один ряд* с такими философскими учениями, принципом которых является особенное, и даже с такими учениями, которые уверяют, что совсем не существует философии. И это сопоставление делается на том основании, что все они представляют собой *лишь различные* философские точки зрения. Это то же самое, как если бы мы сказали, что свет и тьма суть лишь два *различных* вида света.

...Тоже самое развитие мышления, которое изображается в истории философии, изображается также и в самой философии, но здесь оно освобождено от внешних исторических обстоятельств и дается в *стихии чистого мышления*. Свободная и истинная мысль *конкретна* в себе, и, таким образом, она есть некая *идея*, а в своей завершенной всеобщности она есть идея *как таковая*, или *абсолютное*. Наука о ней есть существенно *система*, потому что истинное как *конкретное* есть развертывающееся в самом себе и сохраняющее себя единство, т. е. *тотальность*, и лишь посредством различия и определения различий может существовать их необходимость и свобода целого. *Примечание.* Философствование *без системы* не может иметь в себе ничего научного; помимо того, что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию. Всякое содержание получает оправдание лишь как момент целого, вне которого оно есть необоснованное предположение, или субъективная уверенность. Многие философские произведения ограничиваются тем, что высказывают, таким образом, лишь *умонастроения* и *мнения*. Под *системой* ошибочно понимают философское учение, основывающееся на ограниченном, отличном от других принципе; на самом же деле принцип истинной философии состоит именно в том, что он содержит в себе все особенные принципы...

Каждая часть философии есть философское целое, замкнутый в себе круг, но каждая из этих частей содержит философскую идею в ее особенной определенности или как особенный момент целого. Отдельный круг именно потому, что он есть в самом себе тотальность, прорывает границу своей определенности и служит основанием более обширной сферы; целое есть поэтому круг, состоящий из кругов, каждый из которых есть необходимый момент, так что их система составляет целостную идею, которая вместе с тем проявляется также в каждом из них в отдельности...

Философия и частные науки

Философия как целое составляет поэтому подлинно *единую* науку, но она может также рассматриваться как целое, состоящее из нескольких особых наук. Философская энциклопедия отличается от других обычных энциклопедий тем, что последние представляют собой *агрегат* наук, соединенных случайным и эмпирическим образом, агрегат наук, среди которых есть и такие, которые только носят название науки, а на самом деле есть голое собрание сведений. Так как науки включаются в этот агрегат лишь внешним образом, то их единство есть *внешнее* единство, расположение в *определенном порядке*. Поэтому, да еще и потому, что материал наук носит случайный характер, этот порядок должен оставаться всего лишь *попыткой* и постоянно обнаруживать свою неудовлетворительность. Итак, в философской энциклопедии не могут найти себе места: 1) простые *агрегаты* сведений, каковыми, например, является филология. Кроме того, в нее не могут входить 2) науки, в основании которых лежит только произвол, как, например, геральдика; науки последнего рода *насквозь позитивны*; 3) другие виды наук, которые также называются *позитивными*, но, однако, имеют рациональное основание и начало. Только эта рациональная сторона наук принадлежит философии, тогда как другая, *позитивная сторона* остается исключительно их собственным достоянием. Позитивное в науках имеет различный характер: 1) рациональное само по себе начало науки переходит в случайное вследствие того, что всеобщее низводится в область *эмпирической единичности и действительности*. В этом царстве изменчивости и случайности понятие не имеет силы, а могут иметь силу лишь *основания*. Юриспруденция, например, или система прямых и косвенных налогов требуют *окончательных, точных* решений, *лежащих* вне пределов *в-себе-и-для-себя определенного понятия*, и поэтому они оставляют широкое место для определений, которые могут быть теми или иными в зависимости от выбранного основания, и, таким образом, не обладают окончательной достоверностью. Точно так же идея природы, взятой в ее единичности, блуждает в царстве случайностей; *естественная история, география, медицина* и т. д. приходят к определениям существования, к видам и различиям, которые зависят от внешнего случая и произвола, а не от разума. *История* также принадлежит к этому разряду наук, поскольку ее сущность составляет идея, а ее явления случайны и принадлежат царству произвола. 2) Науки *позитивны* так же и постольку,

поскольку они не знают, что их определения совечны и не показывают перехода этих определений в более высокую сферу, а берут *их просто как наличные*. В этих науках перед нами выступает конечность *формы*, точно так же как в науках первого рода — конечность *материала*. С этой конечностью формы связана 3) конечность *основания познания*, каковое основание есть отчасти резонирование, отчасти чувство, вера, авторитет других, вообще авторитет внутреннего и внешнего созерцания Сюда принадлежит также та философия, которая кладет в свое основание антропологию, факты сознания, внутреннее созерцание или внешний опыт, [4)] Может, однако, случиться, что лишь *форма научного изложения* эмпирична, а вдумчивое созерцание организует то, что суть лишь явления так, как это соответствует внутреннему движению понятия. Такие эмпирические науки характеризуются тем, что благодаря противоположению друг другу многообразия сопоставляемых явлений *внешние, случайные* условия опускаются, в результате чего перед умственным взором выступает *всеобщее*. Осмысленная экспериментальная физика, история и т. д. начертят, таким образом, рациональную науку природы, человеческих событий и дел в виде образа, являющегося внешним изображением понятия.

Структура философского знания

Что касается *начала философии*, то, по-видимому, она должна так же, как и другие науки, начать с субъективной предпосылки, именно с некоего особенного предмета; если в других науках предметом мышления является пространство, число и т. д., то философия должна сделать предметом мышления *само мышление*. Но это — свободный акт мышления; оно свободно становится на ту точку зрения, на которой оно существует для самого себя и, следовательно, *само порождает и дает себе свой предмет*. Далее, точка зрения, которая является, таким образом, *непосредственной*, должна в пределах философской науки превратить себя в *результат*, и именно в ее последний результат, в котором она снова достигает своего начала и возвращается в себя. Таким образом, философия оказывается возвращающимся к себе кругом, не имеющим начала в том смысле, в каком имеют начало другие науки, так как ее начало относится лишь к субъекту, который решается философствовать, а не к науке как к таковой. Или, выражая то же самое другими словами, понятие науки и, следовательно, первое понятие (будучи первым понятием, оно содержит в себе раздвоение, состоящее в том, что мышление есть предмет как бы для внешнего философствующего субъекта) должно быть постигнуто самой наукой. Более того, единственной целью и делом науки является достигнуть понятия своего понятия и, таким образом, прийти к своей исходной точке и к своему удовлетворению.

Как нельзя дать предварительного общего представления о философии, ибо лишь *целостность* науки есть изображение идеи, точно так же ее *деление* на отдельные части может быть понято лишь из этого изображения идеи; это

деление, как и то общее представление о философии, из которого оно должно быть почерпнуто, представляет собой некоторое предвосхищение. Но идея обнаруживает себя как простота самотождественного мышления и вместе с тем как деятельность, состоящая в том, что мышление противопоставляет себя себе самому для того, чтобы быть для себя и в этом другом все же быть лишь у себя самого. Таким образом, наука распадается на следующие три части:

I. *Логика – наука об идее в себе и для себя.*

II. *Философия природы как наука об идее в ее инобытии.*

III. *Философия духа как идея, возвращающаяся в самое себя из своего инобытия.*

Выше мы заметили, что различия между отдельными философскими науками суть лишь определения самой идеи и лишь одна она проявляется в этих различных моментах. В природе мы не познаем ничего другого, кроме идеи, но идея существует здесь в форме *овнеишнения*, внешнего обнаружения точно так же, как в духе эта же самая идея есть *сущая для себя и становящаяся в себе и для себя*. Определение, в котором выступает идея, есть вместе с тем *текущий* момент, поэтому отдельная наука есть одновременно и познание своего содержания как *сущего* предмета, и познание непосредственно же в этом содержании своего перехода в свой более высокий круг. *Представление о разделении наук* неправильно потому, что оно берет отдельные части или науки в качестве *рядоположных*, как если бы они подобно *видам* были лишь покоящимися и субстанциальными в своем различии.¹

Диалектика как логика и теория познания

Логику следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. *Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой.* Можно поэтому выразиться так: это содержание *есть изображение бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения природы и каково бы то ни было конечного духа.*

...Следует отбросить мнение, будто истина есть нечто осязаемое. Подобную осязаемость вносят, например, даже еще в платоновские идеи, имеющие бытие в мышлении бога, [толкую **их** так], как будто они существующие вещи, но существующие в некоем другом мире или области, вне которой находится мир действительности, обладающий отличной от этих идей субстанциальностью, реальной только благодаря этому отличию...

...Потребность в преобразовании логики чувствовалась давно. Следует сказать, что в той форме и с тем содержанием, с каким логика излагается в учебниках, она сделалась предметом презрения. Ее еще тащат за собой больше из-за смутного чувства, что совершенно без логики не обойтись, и из-за сохранившегося еще привычного, традиционного представления о ее

¹ Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. – М., 1974. – С. 84-104.

важности, нежели из убеждения, что то обычное содержание и занятие теми пустыми формами ценны и полезны.

Расширение, которое она получила в продолжение некоторого времени благодаря [добавлению] психологического, педагогического и даже физиологического материала, в дальнейшем почти все признали искажением. Большая часть этих психологических, педагогических, физиологических наблюдений, законов и правил все равно, даны ли они в логике или в какой-либо другой науке, сама по себе должна представляться очень плоской и тривиальной...

... Что же касается содержания логики, то мы уже указали выше, почему оно так плоско. Его застывшие определения считаются незыблемыми и ставятся лишь во внешнее отношение друг с другом. Оттого, что в суждениях и умозаклечениях оперируют главным образом количественной стороной определений и исходят из нее, все оказывается покоящимся на внешнем различии, на голом сравнении, все становится совершенно аналитическим способом [рассуждения] и лишенным понятия вычислением. Дедукция так называемых правил и законов, в особенности законов и правил умозаклечения, немногим лучше, чем перебирание палочек разной длины для сортирования их по величине или чем детская игра, состоящая в подборе подгоняемых друг к другу частей различным образом разрезанных картинок. Поэтому не без основания приравнивали это мышление к счету и в свою очередь счет – к этому мышлению.

Дабы эти мертвые кости логики оживотворились духом и получили, таким образом, содержимое и содержание, ее *методом* должен быть тот, который единственно только и способен сделать ее чистой наукой. В том состоянии, в котором она находится, нет даже предчувствия научного метода. Она имеет, можно сказать, форму опытной науки. Опытные науки для того, чем они должны быть, нашли свой особый метод, метод дефиниции и классификации своего материала, насколько это возможно...

До сих пор философия еще не нашла своего метода. Она смотрела с завистью на системное построение математики и, как мы сказали, заимствовала у нее ее метод или обходилась методом тех наук, которые представляют собой лишь смесь данного материала, исходящих из опыта положений и мыслей, или выходила из затруднения тем, что просто отбрасывала всякий метод. Но раскрытие того, что единственно только и может быть истинным методом философской науки, составляет предмет самой логики, ибо метод есть осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания...

Единственное, что *нужно для научного прогресса* и к совершенно *простому* пониманию чего следует главным образом стремиться, – это познание логического положения о том, что отрицательное равным образом и положительно или, иначе говоря, противоречащее себе не переходит в нуль, в абстрактное ничто, а по существу лишь в отрицание своего *особенного* содержания, или, другими словами, такое отрицание есть не отрицание всего,

а *отрицание определенной вещи*, которая разрешает самое себя, стало быть, такое отрицание есть определенное отрицание и, следовательно, результат содержит по существу то, из чего он вытекает; это есть, собственно говоря, тавтология, ибо в противном случае он был бы чем-то непосредственным, а не результатом. Так как то, что получается в качестве результата, отрицание, есть *определенное отрицание*, то оно имеет некоторое *содержание*. Оно новое *понятие*, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, чем только его, и есть единство его и его противоположности. Таким путем должна вообще образоваться система понятий, – и в неудержимом, чистом, ничего не принимающем в себя извне движении получить свое завершение.

Я, разумеется, не могу полагать, что метод, которому я следовал в этой системе логики или, вернее, которому следовала в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных улучшений в частностях, но в то же время я знаю, что он единственно истинный. Это само по себе явствует уже из того, что он не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо именно содержание внутри себя, *диалектика, которую он имеет в самом себе*, движет вперед это содержание. Ясно, что нельзя считать научными какие-либо способы изложения, если они не следуют движению этого метода и не соответствуют его простому ритму, ибо движение этого метода есть движение самой сути дела...

...То, с помощью чего понятие ведет само себя дальше, это – указанное нами *отрицательное*, которое оно имеет в самом себе; это составляет подлинно диалектическое. *Диалектика*, которая рассматривалась как некая обособленная часть логики и относительно цели и точки зрения которой господствовало, можно сказать, полное непонимание, оказывается благодаря этому совсем в другом положении...

Обычно видят в диалектике лишь внешнее и отрицательное действие, не относящееся к самой сути дела, вызываемое только тщеславием как некоторой субъективной страстью колебать и разлагать прочное и истинное, или видят в ней по меньшей мере действие, приводящее к ничто как к тому, что составляет тщету диалектически рассматриваемого предмета...

В диалектическом, как мы его берем здесь, и, следовательно, в постижении противоположностей в их единстве, или, иначе говоря, в постижении положительного в отрицательном, состоит *спекулятивное*. Это важнейшая, но для еще неискушенной, несвободной способности мышления труднейшая сторона. Если эта способность мышления еще не избавила себя от чувственно конкретных представлений и от резонерства, то она должна сначала упражняться в абстрактном мышлении, удерживать понятия в их *определенности* и научиться познавать, исходя из них...

Что касается *образования и отношения индивида к логике*, то я в заключение еще отмечу, что эта наука, подобно грамматике, выступает в двух

видах или имеет двоякого рода ценность. Она нечто одно для тех, кто только приступает к ней и вообще к наукам, и нечто другое для тех, кто возвращается к ней от них.

...Тот, кто только приступает к науке, находит сначала в логике изолированную систему абстракций, ограничивающуюся самой собой, не захватывающую других знаний и наук. В сопоставлении с богатством представления о мире, с реально выступающим содержанием других наук и в сравнении с обещанием абсолютной науки раскрыть *сущность* этого богатства, *внутреннюю природу* духа и мира, *истину*, эта наука в ее абстрактном виде, в бесцветной, холодной простоте ее чистых определений кажется скорее исполняющей все что угодно, только не это обещание, и противостоящей этому богатству как лишенная содержания. При первом знакомстве с логикой ее значение ограничивают только ею самой; ее содержание признается только изолированным занятием определениями мысли, *наряду* с которым другие научные занятия имеют собственный самостоятельный материал и содержание, на которые логическое оказывает разве что формальное влияние, и притом такое влияние, которое скорее осуществляется само собой и в отношении которого можно, конечно, в крайнем случае, обойтись без научной формы и ее изучения. Другие науки отбросили в целом метод, придерживающийся строгих правил и дающий ряд дефиниций, аксиом, теорем и их доказательств и т. д.; так называемая естественная логика приобретает в них силу самостоятельно и обходится без особого, направленного на само мышление познания. Кроме того, материал и содержание этих наук, взятые сами по себе, остаются независимыми от логического и они более привлекательны и для ощущения, чувства, представления и всякого рода практических интересов.

Таким образом, логику приходится, конечно, первоначально изучать как нечто такое, что мы, правда, понимаем и постигаем, но в чем мы не находим сначала широты, глубины и более значительного смысла. Лишь на основе более глубокого знания других наук логическое возвышается для субъективного духа не только как абстрактно всеобщее, но и как всеобщее, охватывающее собой также богатство особенного, подобно тому как одно и то же нравоучительное изречение в устах юноши, понимающего его совершенно правильно, не имеет [для него] той значимости и широты, которые оно имеет для духа умудренного житейским опытом зрелого мужа; для последнего этот опыт раскрывает всю силу заключенного в таком изречении содержания. Таким образом, логическое получает свою истинную оценку, когда оно становится результатом опыта наук. Этот опыт являет духу это логическое как всеобщую истину, являет его не как некоторое *особое* знание *наряду* с другими материями и реальностями, а как сущность всего этого прочего содержания...

...Благодаря этому занятию мысль приобретает самостоятельность и независимость. Она привыкает вращаться в абстракциях и двигаться вперед с помощью понятий без чувственных субстратов, становится бессознательной

мощью, способностью вбирать в себя все остальное многообразие знаний и наук в разумную форму, схватывать и удерживать их суть, отбрасывать внешнее и таким образом извлекать из них логическое, или, что то же самое, наполнять содержанием всякой истины абстрактную основу логического, ранее приобретенную посредством изучения, и придавать логическому ценность такого всеобщего, которое больше уже не находится как нечто особенное рядом с другим особенным, а возвышается над всем этим и составляет его сущность, то, что абсолютно истинно.¹

Сущность духа и этапы его развития

В качестве отличительной определенности понятия духа следует указать на его *идеальность*, т. е. снятие инобытия идеи, возвращение и возвращенность ее к себе, из своего другого, тогда как для логической идеи, напротив, отличительной чертой является ее непосредственно, *простое внутри себя бытие*, а для природы — ее *вне себя бытие*...

Подобно духу и внешняя природа разумна, божественна, представляет собой изображение идеи. Однако в природе идея проявляется в сфере внеположности, является внешней не только по отношению к духу, но — именно потому, что она является внешней по отношению к нему, т. е. к той в себе и для себя сущей внутренней природе его, которая составляет сущность духа, — как раз поэтому идея является внешней и по отношению к себе самой.

...Происхождение духа из природы не должно быть понимаемо так, будто природа есть нечто абсолютно непосредственное, первое, изначально полагающее, тогда как дух, напротив, есть нечто ею положенное; скорее наоборот, природа полагается духом, а дух есть абсолютно первое. В себе и для себя сущий дух не простой результат природы, но поистине свой собственный результат; он сам порождает себя из тех предпосылок, которые он себе создает, — из логической идеи и внешней природы, в одинаковой мере являясь истиной и той и другой, т. е. истинной формой только внутри себя и только вне себя сущего духа. Иллюзия, будто бы дух опосредствован чем-то другим, устраняется самим духом, ибо он проявляет, так сказать, суверенную неблагодарность, снимая то само, ем он, по видимости, опосредствован, медиатизируя и низводя его к чему-то такому, что само существует только благодаря духу, и делая себя, таким образом, совершенно самостоятельным. В сказанном уже заключается то, что переход природы к духу не есть переход к чему-то безусловно другому, но только возвращение к самому себе того самого духа, который в природе обладает бытием вне себя. Однако столь же мало указанным переходом упраздняется и определенное различие между природой и духом, ибо дух не происходит из природы естественным путем...

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1. — М, 1970. — С. 101-113.

Дух... пребывает только у самого себя и, следовательно, свободен, ибо свобода состоит именно в том, чтобы в своем другом все же быть у самого себя, быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя.¹

Высшее же содержание, которое субъективное в состоянии объять в себе, мы можем кратко назвать *свободой*. Свобода есть высшее определение духа. Взятая прежде всего с своей формальной стороны, свобода состоит в том, что субъект находит противостоящим ему не нечто чуждое, не свою границу, поставленный ему предел, а самого себя.²

Абсолютное есть дух; таково высшее определение абсолютного. Найти это определение и понять его смысл и содержание в этом заключалась, можно сказать, абсолютная тенденция всего образования и философии – к этому пункту устремлялась вся религия и наука; только из этого устремления может быть понята всемирная история. Слово и *представление* духа были найдены весьма рано, и содержание христианской религии состоит в том, чтобы дать познать бога как духа. Постигнуть в его подлинной стихии – в понятии то, что здесь *дано* представлению что *в себе* есть сущность, — это и есть задача философии, которая до тех пор не получит истинного и имманентного решения, пока понятие и свобода не станут ее предметом и ее душой.³

Развитие духа состоит в том, что он:

- 1) *существует* в форме *отношения к самому себе*; что в его пределах *идеальная* целокупность идеи, т. е. то, что составляет его понятие, становится таковой для него, и его бытие состоит в том, чтобы быть при себе, т. е. быть свободным, — это *субъективный дух*;
- 2) в форме *реальности*, как подлежащий порождению духом и порожденный им мир, в котором свобода имеет
- 3) место как наличная необходимость, — это *объективный дух*;
- 4) как *б себе и для себя сущее* и вечно себя порождающее *единство* объективности духа ни его идеальности или его понятия, дух в его абсолютной истине, — это абсолютный дух.

...Ребенок находится еще в плену у природы, имеет только естественные стремления, является духовным человеком еще не в действительное, а только в возможности и та только по-своему понятию. Первая ступень реальности понятия духа именно потому, что она является еще совершенно абстрактной, непосредственной, принадлежащей к природе, должна быть обозначена как совершенно не соответствующая духу, а его истинная реальность, напротив, должна быть определена как целокупность развитых моментов понятия, какое и остается душой, единством этих моментов. К этому развитию своей реальности понятие духа продвигается с необходимостью; ибо форма непосредственности, неопределенности, каковую форму реальность понятия имеет первоначально, внутренне противоречит ему. То, что кажется непосредственно существующим в духе,

¹ Гегель. Сочинения. Т. 3. – М. -Л., 1931. – С. 33, 39-40, 55.

² Гегель. Сочинения. Т. 12. – М. -Л., 1956. – С. 101.

³ Гегель. Сочинения. Т. 3. – М. -Л., 1931. – С. 44.

не есть нечто подлинно непосредственное, но нечто само в себе положенное, опосредствованное. Через это противоречие дух побуждается к тому, чтобы снять то непосредственное, то другое, в качестве чего он сам себя предполагает. Через это снятие дух впервые приходит к самому себе, он выступает в качестве духа. Нельзя поэтому начинать с духа, как такового, но приходится начинать только с некоторой не соответствующей ему реальности. Правда, дух уже с самого начала есть дух, но он не знает еще того, что он есть именно дух. Не он с самого начала овладевает уже понятием о себе, но только мы, рассматривающие его, познаем его понятие. То, что дух приходит к тому, чтобы знать то, что он есть, это и составляет его реализацию. Дух по существу есть только то, что он знает о себе самом. Первоначально он есть только дух в себе; его становление для себя составляет его осуществление. Но духом для себя он становится только через то, что он себя обособляет, определяет себя или делает себя своим предположением, своим другим, прежде всего относя себя к этому другому как к своей непосредственности, а в то же время и снимая его как другое. До тех пор пока дух находится в отношении к самому себе как к некоему другому, он является только субъективным духом,— духом, берущим свое начало из природы, и первоначально только природным духом. Но вся деятельность субъективного духа сводится к тому, чтобы постигнуть себя в себе самом, раскрыть себя как идеальность своей непосредственной реальности. Если этот субъективный дух поднял себя до для себя бытия, тогда он уже более не субъективный, но объективный дух. В то время как субъективный дух вследствие своего отношения к некоему другому еще не свободен ни, что то же, свободен только в себе, в духе объективном свобода, знание духа о себе самом как о свободном приобретает уже форму наличного бытия. Объективный дух есть лицо и, как таковое, имеет в собственности реальность своей свободы. Ибо в собственности вещь становится тем, что она есть, именно она полагается как что-то несамостоятельное и как такое, что по существу имеет лишь значение быть неприкосновенной для всякого другого лица. Здесь мы видим нечто субъективное, что знает себя свободным, и вместе с тем видим внешнюю реальность этой свободы; дух приходит поэтому здесь своему для себя бытию, объективность духа входит в свои права. Так дух выходит из формы простой субъективности. Полное осуществление этой свободы, в собственности еще не совершенной, еще только формальной, завершение реализации понятия объективного духа достигается впервые только в государстве, в котором дух развивает свою свободу до степени мира, положенного ра, положенного восточного мира. Однако дух должен перешагнуть и эту ступень. Недостаток этой объективности духа состоит в том, что она есть только положенная объективность. Мир должен быть снова отпущен духом на свободу; то, что положено духом, должно быть в то же время постигнуто и как непосредственно сущее. Это происходит на третьей ступени духа, а точке

зрения абсолютного духа, т. е. на точке зрения искусства, религии и философии.¹

Общество и государство

Лицо должно дать себе внешнюю *сферу своей свободы* для того, чтобы быть как идея. Так как лицо есть в себе и для себя сущая бесконечная воля в этом первом, еще совершенно абстрактном определении, то это отличное от него, могущее составить сферу его свободы также определено как *непосредственно отличное и отделимое* от него. *Прибавление.* Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребности, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо есть как разум. Пусть эта первая реальность моей свободы находится во внешней воле и, следовательно, есть дурная реальность, но ведь абстрактная личность именно в ее непосредственности не может обладать никаким другим наличным бытием, кроме наличного бытия в определении непосредственности.²

Одним принципом гражданского общества является конкретная личность, которая служит для себя целью как *особенная*, как целокупность потребностей и смесь природной необходимости и произвола, но особенное лиц, так существенно находящееся в *соотношении* с другой такой особенностью, так что оно заявляет свои притязания и удовлетворяет себя лишь как опосредствованное другим особым лицом и вместе с тем как всецело опосредствованное формой *всеобщности* – *другим принципом* гражданского общества. *Прибавление.* Гражданское общество есть разъединение, которое появляется посредине между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства, так как в качестве разъединения оно предполагает наличность государства, которое не должно иметь перед собой как нечто самостоятельное, чтобы существовать. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который один только воздает свое каждому определению идеи. Когда государство представляют как единство различных лиц, как единство, которое есть лишь общность, то этим разумеют лишь определение гражданского общества. Многие новейшие государство веды не могли додуматься до другого воззрения на государство. В гражданском обществе каждый для себя – цель, все другие суть для него ничто. Но без соотношения с другими он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими дает себе форму всеобщности и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем благо других. Так как особенность связана с условием всеобщности, о целое есть почва опосредствование, на которой дают себе свободу все частности, все случайности рождения и счастья, в которую вливаются волны всех страстей,

¹ Гегель. Сочинения. Т. 3. – М. -Л., 1931. – С. 46-48.

² Гегель. Сочинения. Т. 7. – М. -Л., 1949. – С. 69.

управляемых лишь проникающим в них сиянием разума. Особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера (Mass), при помощи которой всякая особенность способствует своему благу.

С одной стороны, особенность как распространяющееся во все стороны удовлетворение своих потребностей, случайного произвола и субъективного каприза разрушает в своих наслаждениях самое себя и свое субстанциальное понятие; с другой же стороны, удовлетворение необходимых и случайных потребностей как подвергающееся бесконечному возбуждению, находящееся во всесторонней зависимости от внешней случайности и внешнего произвола, а также ограниченное властью всеобщности случайно. Гражданское общество представляет нам в этих противоположностях и их переплетении картину столь же необычайной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего обоим физического и нравственного вырождения.

...Существуют известные всеобщие потребности, как, например, потребность в еде, питье, одежде и т. п., и всецело зависит от случайных обстоятельств способ, каким эти потребности удовлетворяются. Почва здесь или там более или менее плодородна; годы различаются между собой по своей урожайности; один человек трудолюбив, другой ленив. Но этот кишмя кишящий произвол порождает из себя всеобщие определения, и факты, кажущиеся рассеянными и лишенными всякой мысли, управляются необходимостью, которая сама собой выступает. Отыскивание здесь этой необходимости есть задача политической экономии, науки, которая делает честь мысли, потому что она, имея перед собой массу случайностей, отыскивает их законы. Интересно видеть, как все зависимости оказывают здесь обратное действие, как особенные сферы группируются, влияют на другие сферы и испытывают от них содействие себе или помеху. Эта взаимная связь, в существование которой сначала не верится, потому что кажется, будто все здесь предоставлено произволу отдельного индивидуума, замечательна главным образом тем – и сходна в этом с планетной системой, – что она всегда являет глазу лишь неправильные движения, и все же можно познать ее законы.¹

На основе многообразия интересующих человека определений и предметов развивается *теоретическая культура*, не только многообразие представлений и познаний, но и подвижность и быстрота представления и перехода от одного представления к другому, охватывание запутанных и всеобщих отношений и т. д. Вообще развитие рассудка, вообще и, следовательно, также и языка. *Практическая культура*, приобретаемая посредством труда, состоит в *потребности и привычке* вообще чем-нибудь заниматься и, далее, в *ограничении своего делания* согласуясь частью с Природой материала, частью же и преимущественно с произволом других, и в приобретаемой благодаря этой дисциплине привычке к *объективной деятельности* и *общезначимым* учениям. Непосредственного материала,

¹ Гегель. Сочинения. Т. 7. – М. -Л., 1949. – С. 211, 213, 218.

которую не приходится обрабатывать, очень мало. Даже воздух приходится приобретать, так как его нужно нагревать; лишь воду, пожалуй, можно пить в виде, в котором мы ее находим. Человеческий пот и человеческий труд добывают для человека средства удовлетворения его потребностей.

...Всеобщее и объективное в труде заключается в *абстракции*, которая приводит к специфицированию средств и потребности, тем самым специфицирует также и производство и создает *разделение работ*. Труд отдельного человека *упрощается* благодаря этому разделению, и благодаря этому увеличивается степень его умелости в его абстрактной работе, так же как и количество произведенных им продуктов.

Вместе с тем эта абстракция в области умений и средств завершает *зависимость* и *взаимоотношения* людей в деле удовлетворения остальных потребностей, превращая эту взаимную надобность в полную необходимость. Абстракция в производстве делает, далее, труд все более и более *механичным* и тем самым делает его подготовленным к тому, чтобы человек отошел от него и поставил на место себя *машину*.¹

Господин есть сознание, сущее *для себя*, но уже не одно лишь понятие сознания, а сущее для себя сознание, которое опосредствовано с собой *другим сознанием*, а именно таким, к сущности которого относится то, что оно синтезировано с самостоятельным *бытием*, или с вещностью вообще. Господин соотносится с обоими этими моментами: с некоторой *вещью* как таковой – с предметом вожелания и с сознанием, для которого вещьность есть существенное; итак как а) в качестве понятия самосознания господин есть непосредственное отношение *для себя бытия*, а теперь он вместе с тем существует как опосредствование или для себя бытие, которое есть для себя как опосредствование или для себя бытие, которое есть для себя только благодаря некоторому другому, то он соотносится а) непосредственно с обоими и б) опосредствовано с каждым через другое. Господин относится *к рабу через посредство самостоятельного бытия*, ибо оно то и держит раба; это — его цепь, от которой он не мог абстрагироваться в борьбе, и потому оказалось, что он, будучи несамостоятельным, имеет свою самостоятельность в вещности. Между тем господин властвует над этим бытием, ибо он доказал в борьбе, что оно имеет для него значение только в качестве некоторого негативного; так как он властвует над этим бытием, а это бытие властвует над другим[над рабом], то вследствие этого он подчиняет себе этого другого. Точно так же господин соотносится с *вещью через посредство раба*, раб как самосознание вообще соотносится с вещью также негативно и снимает ее; но в то же время она для него самостоятельна, и поэтому своим негативным отношением он не может расправиться с ней вплоть до уничтожения, другими словами, он только *обрабатывает ее*. Напротив того, для господина *непосредственное* отношение *становится* благодаря этому опосредствованию чистой негодией вещи или *потреблением*; то, что не

¹ Гегель. Сочинения. Т. 7. – М. -Л., 1949. – С. 222-223.

удавалось вожделению, ему удастся – расправиться с ней и найти свое удовлетворение в потреблении. Вожделению это не удавалось из-за самостоятельности вещи, но господин, который поставил между вещью и собой раба, встречается благодаря этому только с несамостоятельностью вещи и потребляет ее полностью; сторону же самостоятельности [вещи] он предоставляет рабу, который ее обрабатывает.

В обоих этих моментах для господина получается его признанность через некоторое другое сознание; ибо это последнее утверждает себя в этих моментах как то, что несущественно, один раз – в обработке вещи, другой раз – в зависимости от определенного наличного бытия; в обоих случаях оно не может стать господином над бытием и достигнуть абсолютной негоции. Здесь, следовательно, имеется налицо момент признавания, состоящий в том, что другое сознание снимает себя как для себя бытие и этим само делает то, что первое сознание делает по отношению к нему. Точно так же здесь налицо и второй момент, состоящий в том, что это делание второго сознания есть собственное делание первого, ибо то, что делает раб, есть, собственно, делание господина; для последнего только для себя бытие есть сущность; он – чистая негативная власть, для которой вещь – ничто, и, следовательно, при таком положении он есть чистое существенное делание: раб же есть некоторое не чистое, а несущественное делание. Но для признавания в собственном смысле недостает момент, состоящего в том, чтобы то, что господин делает по отношению к другому, он делал также по отношению к себе самому, и то, что делает раб по отношению к себе, он делал также по отношению к другому. Вследствие этого признание получилось одностороннее и неравное.

Несущественное сознание тут для господина есть предмет, который составляет *истину* достоверности его самого. Ясно, однако, этот предмет не соответствует своему понятию, а в том, в чем господин осуществил себя, возникло для него, напротив, нечто совсем иное, чем самостоятельное сознание. Для него оно не самостоятельное сознание, а, напротив, сознание, лишенное самостоятельности; он достоверно знает, следовательно, не *для себя бытие* как истину; его истина, напротив, есть несущественное сознание и несущественное действование последнего.

Поэтому *истина* самостоятельного сознания есть *рабское сознание*. Правда, это последнее проявляется на первых порах *вне* себя и не как истина самосознания. Но подобно тому как господство показало, что его сущность есть обратное тому, чем оно хочет быть, так, пожалуй, и рабство в своем осуществлении становится скорее противоположностью тому, что оно есть непосредственно; оно как *оттесненное обратно* в себя сознание уйдет в себя и обратится к истинной самостоятельности.

Труд, напротив того, есть *заторможенное* вожделение, *задержанное* исчезновение, другими словами, он *образует*. Негативное отношение к предмету становится *формой* его и чем-то *постоянным*, потому что именно для работающего предмет обладает самостоятельностью. Это *негативный*

средний термин или формирующее *действие* есть в то же время *единичность* или чистое для себя бытие сознания, которое теперь в труде, направленное вовне, вступает в стихию постоянства; работающее сознание приходит, следовательно, этим путем к созерцанию самостоятельного бытия *как себя самого*.¹

Когда гражданское общество действует беспрепятственно, его *народонаселение и промышленность* растут. Благодаря тому что связь людей между собой, создаваемая их потребностями, и способы изготовления и доставления средств для удовлетворения последних получают *всеобщий* характер, *накопление богатства* увеличивается, ибо из этой двойной всеобщности извлекаются, с одной стороны, величайшие выгоды точно так же, как, с другой стороны, эта же двойная всеобщность ведет к *отроженности и ограниченности* особенного труда, а следовательно, к *зависимости и бедственности* положения прикрепленного к этому труду класса, с чем также связана не способность чувствовать и наслаждаться дальше свободами и в особенности духовными преимуществами гражданского общества.

Опускание жизни массы людей ниже уровня некоторого известного существования, который сам собой устанавливается как необходимый для члена общества, и связанная с этим понижением уровня жизни потеря чувства права, правомерности и чести существования собственной деятельностью, собственным трудом приводит к возникновению *черни*, а это в свою очередь облегчает вместе с тем концентрацию чрезмерных богатств в немногих руках...

Низший уровень жизни, уровень жизни черни, устанавливается сам собой; этот минимум, однако, очень различен у разных народов. В Англии самый бедный полагает, что он обладает некоторым правом; это право представляет собой нечто совершенно не похожее на то, чем удовлетворяются бедные в других странах. Бедность сама по себе никого не делает черню; черню делает лишь присоединяющееся к бедности умонастроение, внутреннее возмущение против богатых, общества, правительства и т. д. С этим, далее, связано и то, что человек, который добывает средства к существованию лишь случайно, делается легкомысленным и начинает избегать труда подобно, например, неаполитанским лаццарони. Таким образом, в человеке, принадлежащем к черни, возникает дурная черта, состоящая в том, что он не имеет чести зарабатывать себе средства к существованию своим собственным трудом и все же претендует как на свое право на получение этих средств к существованию. От природы никто не может искать своего права, но в общественном состоянии людей лишения тотчас же приобретают форму несправедливости, совершаемой по отношению к тому или другому классу.

¹ Гегель. Сочинения. Т. 4. – М. -Л., 1932. – С. 103-106.

Важный вопрос о том, как бороться с бедностью, волнует и мучит преимущественно современные общества...

Если бы на богатые классы возлагалось прямое бремя удерживать бессильную массу населения на их прежнем, подобающем уровне существования или если бы нашлись средства к этому в другой публичной собственности (в богатых лечебницах, благотворительных учреждениях, монастырях), то существование нуждающихся было бы обеспечено, не будучи опосредствовано трудом. А это было бы противно принципу гражданского общества, равно как и чувству независимости и чести входящих в него индивидуумов. Если же эти средства к существованию были бы опосредствованы трудом (доставлением работы, о увеличилась бы масса продуктов), между тем как слишком большое обилие этих продуктов и отсутствие потребителей, самостоятельно производящих соответственно потреблению, именно и составляет то зло, против которого борются и двояким образом его лишь увеличивают. В этом сказывается то обстоятельство, что при *чрезмерном богатстве* гражданское общество *недостаточно богат*, т.е. не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы бороться с чрезмерностью бедности и возникновением черни...

Эта диалектика заставляет гражданское общество выйти за свои пределы, сначала за пределы *этого определенного* общества, чтобы искать потребителей и, следовательно, необходимые средства существования у других народов, являющихся отсталыми по количеству тех средств, которыми оно избыточествует, или вообще по своей индустриальной рачительности и т. д.

Эту более широкую связь дает также и *колонизация*, которой – к спорадической ли или систематической колонизации – развитое гражданское общество вынуждается и которая отчасти доставляет части своего населения возможность возвратиться на новой почве к семейному принципу, отчасти: доставляет себе тем самым нового потребителя и новое поприще для приложения своего труда. *Прибавление.* Гражданское общество видит себя вынужденным основывать колонии. Уже один рост народонаселения сам по себе влияет на него в этом направлении, но в особенности имеет значение то обстоятельство, что часть населения не может удовлетворять свои потребности трудом, если производство превышает нужду потребления. ...В новейшее время колониям не предоставлялись одинаковые права с населением метрополии; такое положение приводило к войнам и, наконец, к получению колониями самостоятельности, как это показывает история английских и испанских колоний. Освобождение колоний оказывается величайшим благодеянием для метрополии, точно так же как освобождение рабов оказывается величайшим благодеянием для их владельцев.¹

Государство есть действительность нравственной идеи, нравственный дух как *явная*, самой себе ясная субстанциальная воля, которая мыслит и

¹ Гегель. Сочинения. Т. 7. – М. -Л., 1949. – С. 254-257.

знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В *правах* она имеет свое непосредственное существование, в *самосознании* единичного человека, в его знании и деятельности – свое опосредствованное существование, давно как и самосознание единичного человека благодаря умонастроению имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою субстанциальную свободу...

Государство как действительность субстанциальной *воли*, которой (действительностью) оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном *самосознании*, есть в себе и для себя *разумное*. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает наивысшего подобающего ей права, так же как эта самоцель обладает наивысшей правотой в отношении единичного человека, *наивысшей обязанностью* которого является быть членом государства. *Примечание.* Если смешивают государство с гражданским обществом и полагают его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то признают *интерес единичных людей, как таковых*, той окончательной целью, для которой они соединены, а из этого вытекает также, что мы можем по произволу быть или не быть членами государства. Но государство на самом деле находится в совершенно другом отношении к индивидууму; так как оно есть объективный дух, то сам индивидуум лишь постольку объективен, истинен и нравствен, поскольку он есть член государства. *Объединение*, как таковое, само есть истинное содержание и цель, и индивидуумы предназначены вести всеобщий образ жизни; их дальнейшее особенное удовлетворение, особенная деятельность, особенный характер поведения имеют своим исходным пунктом и результатом это субстанциальное и обладающее всеобщей силой. Разумность, рассматриваемая абстрактно, состоит вообще во взаимопроникающем единстве всеобщности и единичности, а здесь, где она рассматривается конкретно, по своему содержанию, на состоит в единстве объективной свободы, т. е. всеобщей субстанциальной воли, и субъективной свободы как индивидуального знания и ищущей своих особенных целей воли, и поэтому она по форме состоит в действовании, определяющем себя согласно *мыслимым, т. е. всеобщим* законам и основоположениям. Эта идея есть в себе и для себя вечное и необходимое бытие духа. А вопрос о том, каково есть или было *историческое* происхождение государства вообще или, вернее, каждого особого государства, его прав и определений, возникло ли оно первоначально из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т. д. и как понималось сознанием и укреплялось в нем то, на чем основаны такие права, как божественное или же как положительное право или как договор, обычай и т. д. Этот вопрос не имеет отношения к идее государства, а в качестве явления этот способ возникновения государства представляет собой для научного познания, о котором здесь единственно идет речь, историческую проблему; что же касается авторитета действительного государства, то, поскольку научное познание входит в объяснение оснований

такого авторитета, последние заимствуются из форм права, имеющего силу в данном государстве. Философское рассмотрение должно заниматься лишь внутренней стороной всего этого, *мыслимым понятием*. В отношении нахождения этого понятия *Руссо* имеет ту заслугу, что он выставил в качестве принципа государства нечто, представляющее собою *мысль* не только со стороны своей формы (например, влечение к общению, божественный авторитет), но и со стороны своего содержания, и притом нечто представляющее собой не только *мысль*, но и само *мышление*, а именно *волю*. Но он понимал эту волю лишь в виде определенной формы *единичной* воли (как это потом делал также и *Фихте*), а всеобщую волю понимал не как в себе и для себя разумное в воле, а лишь как *общее*, возникающее из этой единичной воли как *сознательной*; таким образом, соединение единичных людей в государстве превращается у него в *договор*, который, следовательно, имеет своим основанием их произвол, мнение и добровольное, определенно выраженное согласие, а из этого вытекают дальнейшие лишь рассудочные выводы, разрушающие в себе и для себя сущее божественное – его абсолютный авторитет и величие. Поэтому, когда перечисленные абстракции сделались решающей силой, стали руководить государственной властью, он, правда, с одной стороны, явила нам первое со времени существования человеческого рода поразительное зрелище – ниспровержение всего существующего и данного для того, чтобы создать строй великого, действительно существующего государства совсем сначала и из *мысли*, *стремясь* класть в основание этого строя лишь *мнимо разумное*. Но так как, с другой стороны, это были только лишенные идеи абстракции, то они привели к ужаснейшим и вопиющим событиям. В противовес принципу единичной воли следует напомнить основное понятие, заключающееся в том, что объем явная воля, познается ли она или не познается единичным человеком, водима ли она или неволима его произволом, есть в себе, в своем *понятии* разумное, – следует напомнить, что противоположный ей принцип, субъективность свободы, знание и веление, которые *одни* лишь фиксируются в вышеуказанном принципе *Руссо*, содержат в себе только *один* и потому односторонний момент *идеи разумной* воли, ибо разумная воля имеется только благодаря тому, что она есть столь же *в себе*, сколь и *для себя*. Другую противоположность мысли о постижении государства в познании как некоего самого по себе разумного представляет собой направление, принимающее *внешности* явления, случайности нужды, потребности в защите, силы, богатства и т. д. не за моменты исторического развития, а за *субстанцию* государства. Здесь тоже единичность индивидуумов составляет принцип познания. Однако здесь принципом познания является даже не *мысль* этой единичности, а, напротив, эмпирические единичности со стороны их случайных свойств, силы и слабости, богатства и бедности и т. д. Если за сущность государства принимается вместо субстанциальной сфера случайного, то последовательность при таком содержании именно и состоит в полной непоследовательности бессмыслия, которое скользит без оглядки и

чувствует себя одинаково хорошо также и в противоположном тому, что оно только что одобрило.¹

Государство есть божественная идея как она существует на земле. Таким образом, оно есть точнее определяемый предмет всемирной истории, в котором свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь этой объективностью. Ведь закон есть объективность духа и воли в своей истинности; и лишь такая воля, которая повинуется закону, свободна, потому что она повинуется самой себе и оказывается у самой себя и свободной. Так как государство, отечество означает общность наличного бытия, так как субъективная воля человека подчиняется законам, то противоположность свободы и необходимости исчезает. Разумное необходимо как субстанциальное, и мы свободны, когда мы признаем его как закон и следуем ему как субстанции нашего собственного существа; тогда объективная и субъективная воли примиряются и образуют единое невозмутимое целое. Ведь нравственность государства является не моральной, рефлексивной, при которой господствует личное убеждение; такая нравственность более доступна новому времени, между тем как истинная и античная нравственность коренится в то, что каждый выполняет свой долг. Афинский гражданин исполнял как бы по инстинкту то, что ему подобало; если же я размышляю о предмете, на который направлена моя деятельность, то я должен сознавать, что и моя воля имела значение. Но нравственность есть долг, субстанциальное право, вторая натура, как ее правильно называли, потому что первую натурой человека является его непосредственное животное существование. *Прибавление.* Что касается расового различия людей, то следует прежде всего заметить, что в философии нас вовсе не интересует чисто исторический вопрос о том, произошли ли все человеческие расы от одной пары прародителей или от многих. Этому вопросу придавали известную важность потому, что думали, что при помощи этого предположения происхождения рас от нескольких пар можно объяснить духовное превосходство одной человеческой расы над другой и даже надеялись доказать, что по своим духовным способностям люди в такой мере различаются от природы, что над некоторыми из них позволительно господствовать, как над животными. Однако из факта происхождения нельзя извлечь никакого основания для признания или непризнания за людьми права на свободу или на господство. Человек сам по себе разумен; в этом заключается возможность равноправия всех людей, отсюда вытекает ничтожность упорно отстаиваемого различия человеческих пород на привилегированные и бесправные.

...Народ, поскольку это слово обозначает особенную часть членов государства, представляет собой ту часть, *которая не знает, чего она хочет.* Знание того, чего хочешь, а том более того, чего хочет в себе и для себя

¹ Гегель. Сочинения. Т. 7. – М. -Л., 1949. – С. 263-266.

сушая воля, разум, есть плод глубокого познания и проникновения, которое именно и не есть дело народа.¹

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ

1. Проанализируйте концепцию философии природы И. Канта. Философ сравнивает свои идеи с учением Демокрита. Докажите его правоту.
2. Проанализируйте, как И. Кант определял критерии и границы достоверного познания. В чем состояли его принципы построения «критической» теории познания; эмпирический и априорный источники познания.
3. Охарактеризуйте понятия И. Канта «вещь в себе» и «вещь для нас». Пространство и время как априорные формы чувственного опыта.
4. В чем состоит сущность этической теории И. Канта?
5. Изложите основное содержание учения Гегеля о субъективном, объективном и абсолютном духе
6. Сравните взгляды И. Канта и Г. Гегеля на философию как науку. Какие формы знания они выделяли, какую характеристику давали культурным потребностям?
7. Подготовьте сравнительный анализ классификаций наук (Аристотель, Ф. Бэкон, Г. Гегель).
8. Сравните и проанализируйте теории познания И. Канта и Г. Гегеля.
9. Проблемы морали, права и государства в философии Г. Гегеля.
10. Проведите сравнительную характеристику концепций о человеке и государстве у Канта и Гегеля.

¹ Гегель. Сочинения. Т. 7. – М. -Л., 1949. – С. 38, 70, 324

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	4
АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ	5
ФИЛОСОФИЯ ДОСОКРАТИКОВ	5
ФАЛЕС	5
АНАКСИМАНДР	6
АНАКСИМЕН	7
ГЕРАКЛИТ	8
ПАРМЕНИД	11
ЗЕНОН ЭЛЕЙСКИЙ	13
ДЕМОКРИТ	14
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ	19
ФИЛОСОФИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ	20
ПРОТАГОР	20
ПЛАТОН	21
АРИСТОТЕЛЬ	32
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ	42
ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ	43
АВГУСТИН АВРЕЛИЙ	43
ФОМА АКВИНСКИЙ	53
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ	59
ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	60
НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ	60
ТОМАС МОР	69
ТОММАЗО КАНПАНЕЛЛА	76
МАКИАВЕЛЛИ НИККОЛО	82

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ.....	86
ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ	87
БЭКОН ФРЕНСИС.....	87
ДЕКАРТ РЕНЕ.....	107
ГОББС ТОМАС.....	123
ЛОКК ДЖОН.....	135
МОНТЕСКЬЕ ШАРЛЬ ЛУИ.....	151
РУССО ЖАН-ЖАК	158
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ.....	169
НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.....	170
КАНТ ИММАНУИЛ	170
ГЕГЕЛЬ ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ	184
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПО ТЕКСТАМ.....	211